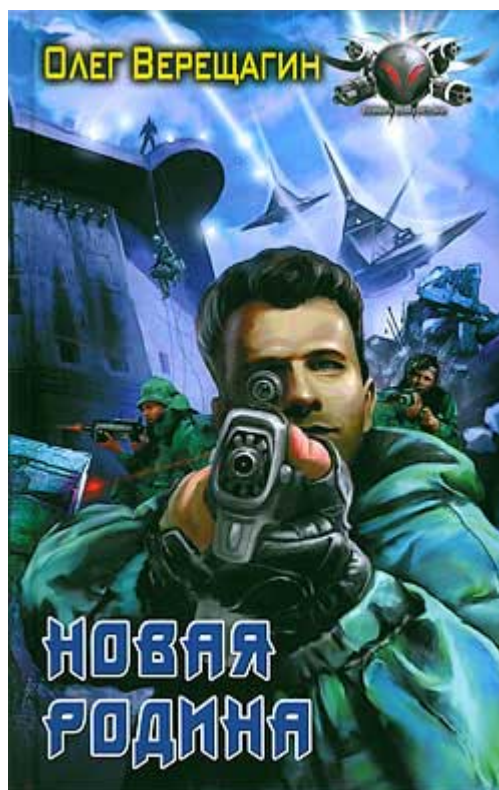

Олег Николаевич Верещагин Новая родина

Мир вашему дому! – 2

«Олег Верещагин. Новая родина»: Ленинградское издательство; СПб.; 2010
ISBN 978-5-9942-0527-3

Аннотация

Новая родина никому не даётся просто так. Ее нужно заслужить. Заработать. Отбить. И при этом ещё остаться человеком. А это — очень сложно. Можно лишь делать что должно — и надеяться, что всё будет хорошо.

БУДЕТ ЛИ?

Олег Верещагин Новая родина

Глава 1 Поднимайся!

*В поисках любви
Мы спешим сквозь дым столетий,
На лету горим,
Забыв про боль...
Из песни XX века.*

Футбольный чемпионат — традиционный "Черный Мяч" середины серпента на приз генерал-губернатора — собрал в Озерном взрослые и юниорские команды из двухсот сорока восьми городов и поселков Сумерлы. По традиции, болельщики на чемпионат не допускались — это запрещение парализовало бы всю жизнь колонии — но трансляция шла на всю систему, включая Луны и космические станции. Однако, и без этого в столице оказалось больше семи тысяч членов команд, тренеров и прочих. Черноречье тоже выставило две команды под общим руководством мирового судьи Хоркина, Дмитрия Петровича.

Игорь был одним из немногих болельщиков, которые все-таки попали на чемпионат, так сказать, "автоматом". Он просто связался с Довженко-Змаем и сделал скорбное лицо — этого оказалось достаточно. Хотя его отчаянно отлаивали за так и не захваченный катер фоморов, но в целом акции молодого Муромцева котировались очень высоко. Генерал-губернатор поставил лишь одно условие — не приезжать с командой, чтобы не создавать почву для разговоров о «блате». Игорь не сразу понял это слово, но, покопавшись в памяти, вспомнил, что давным-давно так назывались льготы, которые предоставляли те, кто обладал властью, своим протеже — на незаконных, разумеется, основаниях. Второй сеанс связи у Игоря был с Дзюбой — того наш герой попросил приготовить на аэродроме Прибоя "джет".

* * *

В Озерном осень ощущалась явственней, чем в Черноречье, да и вообще в Прибойной губернии — там ею и не пахло. Столица была куда как северней, и сверху, заходя на посадку, Игорь увидел, что в изумрудном ковре парков, садов и аллей появилось множество медных и золотых нитей. Но и тут осень не была ни слякотной, ни сумрачной — теплая и тихая, она не раздражала и не утомляла. Облетать деревья еще толком не начинали, ветер не дул.

В школах еще продолжались каникулы. Поэтому ребят и девчонок повсеместно было полным-полно, и Озерный казался даже оживленней, чем обычно — многие ближе к началу учебного года вернулись с Земли, инопланетных и местных курортов, из походов...

Игорь зашел — просто так, без цели — в большой парк, начинавшийся за вышкой планетарного вещания. Тут тоже было полно народу, слышался смех, и в Игоря несколько раз едва не врезались — но один раз таки врезались, но мальчишка лет девяти, весело сказав: "Ой, извините!" — тут же понесся дальше. Высоко над аллеей несколько дельтапланов выделывали черт те что друг вокруг друга — свет поблескивал на разноцветных пестрых крыльях. В отвлечении аллеи Игорь увидел стоящих лицами друг к другу мальчишку и девчонку — они обнялись и чуть отстранились лицами, не сводя сияющих глаз. Игорь уже прошел мимо, когда вспомнил Степку и ту девчонку, которая привела им помощь — Клотильду-Клотти. Они со Степкой часто встречались, хотя между станицей и фермой родителей германки лежала не одна сотня километров. Вроде бы ничего «такого» — просто им неожиданно много о чем было поговорить — но Игорь заметил, что Рощин без Клотти делается задумчивым...

Он хмыкнул и почесал висок. На лужайке гоняли мяч. Параллельной аллеей промчались в галопе несколько всадников. Рабочие на платформе под зависшим вертолетом растягивали на штангах большой стереоэкран. Двое пожилых подтянутых мужчин прошли степенной походкой, твердо ставя в такт шагам тяжелые модные трости и обсуждая положение дел на Арк-Федане. Слева за деревьями кто-то кричал весело молодым голосом: "Да что ж ты делаешь, несчастный, там же и так светло!.. Помогите этому рахитику!" Оттуда — из-за кустов — высунулась растрепанная голова девушки, обозрела аллею... и следующие полчаса Игорь с удовольствием помогал устанавливать свет для профессиональной съемки под энергичные крики режиссера, густо замешанные на обвинениях помощников в

физической и моральной ущербности.

Потом Игорь двинулся дальше, на ходу листая взятый в принтере "Голос Системы", почти целиком посвященный астроэнергетическому проекту "Кольцевая панель". Борька про него говорил, без особого интереса вспомнил Игорь, наблюдая, как четверо мальчишек и девчонка, нагнувшись, рассматривают что-то, лежащее на траве у их загорелых ног. "Больше не полетит, — грустно сказал один пацан. — Попробуем починить, — вздохнув, возразил другой. — Поднимайте," — скомандовала девчонка. Модель гикнулась, понял Игорь и вспомнил, как у них с одноклассниками взорвалась на старте модель старого носителя «Союз», и Максим, которому обожгло лицо, переживал только по поводу того, что пропала дефицитная «горючка»... Странно, подумал Игорь, я все реже вспоминаю Землю.

Аллея вывела его на берег пруда. Купальщиков не было видно, прокатная станция наискось — открытая — тоже была пуста. Игорь зашагал вдоль берега — дальше от станции, туда, где коротко щелкали выстрелы спортивных "арбалетов".

Тир ДОСАФ¹ был, кажется, открыт для всех желающих. Как и на Земле, он был бесплатным; возле откидного прилавка стоял только один человек — одетый, как чиновник колониального аппарата. Он держал пистолет, но не стрелял, похоже было — о чем-то задумался. Только подойдя ближе, Игорь узнал генерал-губернатора.

Довженко-Змай обернулся. И кивнул, подзывая Игоря.

Дворяне пожали друг другу руки. Довженко-Змай выложил на прилавок золотой червонец:

— По десять выстрелов на тридцать метров.

Игорь наклонил голову, порылся в кармане лайковой белой куртки, достал такую же монету и, вогнав узкий магазин в рукоять «арбалета», стилизованного под старинный «парабеллум», нажал кнопку подачи газа. На освещившемся рубеже появилась мишень; такая же возникла напротив генерал-губернатора.

В следующие три-четыре секунды оба стреляли. Игорь положил пистолет первым, прочел на табло:

— 9, 9, 10, 10, 10, 10, 8, 9, 10, 10... А у тебя?

— Первая и третья девятки, остальные — десятки, — генерал-губернатор положил пистолет тоже и, повернувшись, оперся локтями о прилавок за спиной. Игорь пододвинул монету. Довженко-Змай, задумчиво кивнув, забрал обе:

— Хочешь отыгаться? Даже с придачей?

— Предположим, — Игорь потрогал пистолет.

— Поспорь со мной, что знаешь, чем я займусь сегодняшним вечером.

— Это нечестно, — вздохнул Игорь. — Ты будешь смотреть футбол.

— Верно... — генерал-губернатор посмотрел на дельтапланы и сказал: — Сестра скоро приезжает. В начале сентября.

— Угу, — откликнулся Игорь. — А к концу сентября я все доделаю. Немного осталось.

— Хорошо, — кивнул Довженко-Змай.

— А как у тебя дела с... с программой? — спросил Игорь.

— Да все в порядке. Деньги получены. Разрабатывается программа заселения. "Земля и воля" умолкла подозрительно вот только, не нравится мне это... А у тебя работа над твоей рукописью движется?

— Ты знаешь, нет, — признался Игорь. — Времени не хватает. Материалы копят, копят; глянцу — жуть берет, как я все это разгребать буду?!

Довженко-Змай улыбнулся. Сказал:

— Что там Войко? Он что-то не заглядывает.

— Я его почти не вижу, — ответил Игорь. — Сезон начался, он на раскопках.

¹ Добровольное Общество Содействия Армии и Флоту — вневойсковая организация, занимающаяся подготовкой к войне молодежи и переподготовкой людей старших возрастов в Русской Империи.

— Ничего, — хмыкнул генерал-губернатор, — прилетит Светка — и он переселится на мою латифундию.

— А что так? — без особого интереса уточнил Игорь.

— Он влюблен в мою сестру. Давно и, кажется, взаимно, — сообщил Довженко-Змай.

— Еще один надежный дворянский союз? — поинтересовался Игорь.

— Да нет, я же сказал — тут настоящая любовь, — возразил генерал-губернатор.

По берегу прошла женщина в открытом платье, что-то выговаривавшая мальчишке лет десяти — тот звонко и возмущенно оправдывался: "Но не я же начал, я никогда не начинаю, мам, ты же знаешь! А он на маленького, я говорю — так нечестно, а он драться, мам..."

— На Вольном двое мальчишек вот такого возраста погибли позавчера, — неожиданно сказал Довженко-Змай. — Летели на легком самолетике, с девчонкой, их возраста, без разрешения выбрались. Шторм был, молния ударила в машину. Упали... Они девчонку вытолкнули, и жилеты, а сами не успели. Их достали субмариной с глубины, когда шторм кончился...

Игорь мигнул. Ему стало неожиданно страшно жаль двух неизвестных мальчишек. Seriously жаль — почти до слез, подступивших к глазам. Довженко-Змай внимательно изучал лицо Игоря, потом сказал:

— Ты похож на моего младшего брата, ему столько же, сколько тебе. Не внешне, нет... ну, ты понимаешь.

— Он кто? — спросил Игорь, рассматривая пруд. На прокатной станции появились люди.

— С этого года — курсант Рязанского Его Величества десантного училища. Будущий офицер. Как отец...

— Он ведь погиб? — вспомнил Игорь. Генерал-губернатор кивнул:

— Да... Его убили туземцы в одном из лесных племен... Я потом уничтожил всю верхушку этого племени — тогда я отвечал только за свою латифундию и думал, что нет на свете ничего тяжелее этого, Игорь. Я ошибался, — он оттолкнулся от прилавка и одернул куртку. — Ну что ж, всего хорошего. Увидимся на футболе... Да, тебе есть, где остановиться?

— Конечно, — кивнул Игорь. — Это не проблема.

* * *

Интерлюдия: Ф.Г.Лорка²

*В возвышенную обитель
Я брошен безумством стали.
Где ты, мой ангел-хранитель?
Меня вчера расстреляли...*

*Четырнадцать пуль порвали
Мне грудь полновесной болью.
Меня в пыли закопали,
Могилу посыпав солью,*

Чтоб я никогда не ожил,

² Стихи А.Белянина. Когда писались последние строчки первой части восьмой главы, мне сообщили, что 13-летний Ваня, сын Андрея Белянина был зверски убит похитившими его с целью выкупа нелюдями... ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ...

*Чтоб я не вернулся к детям
И ворон над бездорожьем
Ни-че-го не заметил!*

*А я, не дыша от крика,
Отплевывал комья глины,
И запахом базилика
Звенела земля равнины.*

*Я выполз, я шел, хромая...
Дорога казалась длинной,
И звезды к исходу мая
Слегка холодили спину.*

*За что меня убивали?
Хотелось бы знать, не так ли...
Ромашка Святым Граалем
Неспешно ловила капли*

*Моей недопетой крови...
И только слепая вера
Стояла над изголовьем
Расстрелянного романсеро... ³*

2.

Под "Черный Мяч" были заняты все подходящие по размерам стадионы столицы — иначе только отборочные игры затянулись бы на год. Да и так все равно места всем не хватило. Но команда станицы — она должна была играть с командой какого-то поселка Магнитный — играла именно в первый вечер, на стадионе космопорта.

До начала игры оставалось сорок минут, но уже полностью стемнело — в серпень, в его середину, девять вечера — это уже не «светло». Игорь так и не «устроился» — колесил по городу весь день, а опомнился только на границе Озерного, где начинались новостройки. Он чувствовал, куда надо идти, чтобы оказаться на стадионе в кратчайшее время, но на этом пути лежал овраг, за которым редко горели огоньки.

Игорь примерился и прыгнул. Удачно, хотя и не стоило этого делать в темноте — на ногах съехал до дна и буквально наткнулся на лестницу — кто-то поработал лопатой и выложил подъем досками, связанными "в лапу", даже перила поставил сбоку. На перилах была нарисована стрелка вверх и написано:

ВЫХОД НА ТРАНШЕЙНУЮ УЛ.

Мальчишка начал подниматься вверх.

Он дошел до половины лестницы, когда услышал сверху мелодичные щелчки струн — протяжные и набегающие друг на друга. Кто-то вроде бы и просто так, но очень умело перебирал их. А потом Игорь — он остановился, держась рукой за перила и подняв голову —

³ Федерико ГАРСИА ЛОРКА (1898–1936), испанский поэт. В лирике — фольклорно-мифологические мироощущения; мотивы величия и трагической обреченности любви, вечной нераздельности жизни и смерти, острота столкновения с мертвяще урбанистической цивилизацией. Расстрелян испанскими фалангистами, как активный сторонник республиканцев.

услышал негромкий, но ясный девчоночий голос...

— Как забуду? Он вышел, шатаясь,⁴
Искавился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: "Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру."
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: "Не стой на ветру."

— Кто там поет? — спросил Игорь с интересом. Гитара не умолкла, и невидимая девчонка поллюбопытствовала в ответ;

— А кто там сидит?

— Я, — хмыкнул Игорь.

— Ага, — глубокомысленно уточнила девчонка. — А ты что, заблудился?

— Почти, — согласился Игорь.

— На футбол, — определила девчонка. Все это время она продолжала играть на гитаре. — Тогда поднимайся и проходи тут, напрямую. Если хочешь, заходи к нам, все сели стерео смотреть, прямой репортаж.

— А ты что же? — удивился Игорь.

— А я не люблю футбол, — отозвалась девчонка. — Ну что, пойдешь к нам смотреть?

— Слушай, — неожиданно для самого себя попросил Игорь, — а сыграй мне еще.

— Тебе? — насмешливо поинтересовалась девчонка.

— Ну... не мне. Просто сыграй. Сыграешь?

— Слушай, — и мальчишка опустил на лестницу. — Что тебе?

— Что сама захочешь, — он прислонился спиной и затылком к одной из лестничных балясин.

И гитара зазвучала над его головой. Девчонка не пела, она просто играла — Игорь сразу узнал классическую и очень красивую композицию жившего на рубеже XX и XXI веков Алхунова, который потом был командиром одного из сибирских отрядов «РА» и пропал без вести во время Серых Войн. Когда мелодия закончилась, он попросил;

— Еще, если можно.

Она сыграла еще, а потом спела по-французски старую балладу. И еще сыграла и спела...

...Похолодало — свежесть ощутимо разлилась в воздухе, звезды проступили четче, уже не размытыми пятнами, а острыми, угловатыми кристаллами, шевелившимися острыми гранями. Прикрыв глаза, Игорь слушал гитару и голос девчонки, когда на комбрасе образовался Женька.

— Ты где?! — возмущенно завопил хавбек команды Черноречья. — Ты почему не пришел?! — Женька размазывал пот по лицу подолом футболки. — У нас один-ноль в нашу, ты где сидишь, стерео смотришь, что ли?!

— Извини, я не заметил... э... — Игорь растерялся, сам не зная, чего он не заметил.

— Да ну тебя, — расстроено сказал Женька и отключился.

Странно. Игорь не рассердился и не сконфузился. Девчонка наверху спросила, и в голосе ее было огорчение:

— Ты уходишь?

⁴ Стихи А.Ахматовой.

— Нет, — отозвался Игорь. — Спой еще, а?..

*...— На Сумерле, в бурной, дикой, удивительной стране,⁵
Я и ты, обнявшись крепко, рады бешеной весне.
Здесь весна приходит сразу, не томя озябших душ, —
В два-три дня устанавливая благодать, тепло и сушь.
Здесь в реках и водопадах, словно взрывом, сносит лед,
Синим пламенем разлива в скалы дышащие бьет.
Здесь ручьи несутся шумно, ошалев от пестроты;
Почки лопаются звонко, загораются цветы.
Если крикнешь — эхо скачет, словно лошади в бою;
Если слушаешь и смотришь — видишь ты, что ты в раю.
Здесь людей ты встретишь новых, с сердцем честным и
прямым,
С дружбой верною и вечной, с взглядом твердым и простым.
Если хочешь быть убийцей — полюби и измени;
Если ищешь себе друга — просто руку протяни.
Если хочешь сердце бросить в увлекающую высь —
Ты глазам лучисто-серым покорись и улыбнись...*

— Что ты молчишь? Внизу-у!..

— Нет, ничего, — Игорь улыбнулся. — Ты здорово поешь и играешь.

Наверху засмеялись.

— У тебя, наверное, железные пальцы, — Игорь всмотрелся, вдруг с удивлением поняв, что уже светает, но не увидел никого, а подниматься наверх почему-то не хоте лось. Может быть — чтобы не рухнуло странное очарование? — Ты не устала играть? Ночь-то кончилась...

— В самом деле? Дома, наверное, решили, что я заночевала у подружки... Да, светает, я тебя вижу!

— А я тебя нет, — признался Игорь, всматриваясь в ровные заросли подстриженных кустов. — Как тебя зовут? — он поднялся на ноги.

— Я же не спрашиваю, как зовут тебя, — весело ответила девчонка. — Пусть так и будет. Без имен и даже без моего лица... Мне пора домой.

— Подожди! — Игорь в несколько прыжков взлетел вверх по лестнице, но услышал только смех. За кустами стоял самый обыкновенный дом. Большая овчарка, лежа на крыльце, лениво поглядывала на появившегося из-под обрыва мальчишку в дорогах лайковой куртке, джинсах и спортивных туфлях, который со смешным изумлением озирался вокруг.

Вот черт! Игорь внезапно рассмеялся, потряс головой. Он даже не может точно сказать, из этого ли дома девчонка пела ему всю ночь напролет! Все еще смеясь, мальчишка выбрался в узкий проулок и вышел по нему на Траншейную — пустынную, тихую и прохладную. Было около шести утра.

"Надо найти ребят и извиниться перед ними, — решил он. — Но черт возьми, какая странная и интересная ночь! Если бы не обычность обстановки — я бы решил, что попал в прокол, и мне поет рейнджерская девчонка, какая-нибудь принцесса..." Он повторил запомнившиеся строчки из последней песни и вздохнул со странным ощущением вдруг охватившего его счастья — беспричинного и полного. словно ему твердо было обещано что-то большое и прекрасное...

Вот в этот момент Игорь и ощутил взгляд. Не враждебный, нет — оценивающий, хорошо знакомый. Так смотрят друг на друга мальчишки, когда еще не ясно, кто перед

⁵ Переделка стихотворения А.Грина.

тобой: враг, свой или просто посторонний.

Он оглянулся. Его догонял серебристый «насад» с прозрачным верхом — Игорь узнал порученца или адъютанта штабс-капитана Дергачева, которого видел во время памятного визита с генерал-губернатором. Тимка его звали, а фамилия не фигурировала.

Игорь поднял руку, и «насад» плавно остановился, чуть опустившись к дороге. Правая дверь откинулась. Тимка смотрел из машины спокойно и нелюбопытно, но Игорь мог поклясться — секунду назад его разглядывали с любопытством, да еще каким!

— Послушай, — сказал он, наклоняясь, — привет... — Тимка кивнул. — Довези до ближайшей — не знаю, гостиницы, пансиона... я не знаю, где поспать можно и связь есть.

Тимка на миг бросил взгляд вперед по улице — Игорь знал, куда он смотрит. На кабинку информатория рядом с остановкой струнника, до которых оставалось шагов сто, не больше. Потом кивнул:

— Да, конечно... Тут рядом есть постоянный двор "Катящееся колесо", но там постоянный шум. А подальше — пансионат «Дом», там дороже, но тихо и семейная кухня. Ну и наконец, — он оставался совершенно серьезным, — можно отправиться в центр, в «Асторию». Я все равно еду мимо.

— "Астория" для меня слишком чопорно, — ответил Игорь. — Мне бы в «Дом», если можно. Люблю домашнюю кухню.

Тимка сделал приглашающий жест и стронул машину с места, одновременно левой рукой придерживая установленный на заднем сиденье мощнейший полевой лазектор.⁶ Потом закинул его курткой, почти такой же, как у Игоря. И очень небрежно, словно специально показал его.

— Футбол смотрел? — неожиданно спросил Тимка.

— Нет, — покачал головой Игорь. «Насад» свернул на широкую магистраль и резко набрал скорость.

— Ты ведь в Черноречье живешь? Ваши выиграли.

— Ты был на игре?

— Таблицу смотрел минут двадцать назад. В газете.

— "Земля и воля"? — поинтересовался Игорь со смешком.

— Нет, — тоже улыбнулся Тимка. — «Крепость», "официоз", как его "Земля и воля" как раз и называет... Ты, кстати, знаешь, что на Сумерле выходит двести шестьдесят одна газета и шесть журналов?

— Не знаю, — покачал головой Игорь. И боковым зрением заметил, что Тимка массирует рубец у правого крыла носа.

Псевдокилоидную ткань, остающуюся после сложной и болезненной операции калькирования личности в течение двух-шести часов. В зависимости от индивидуальной реакции организма.

3.

— Внимание, кормовой блистер! Огонь против хода! Игорь, ты как?!

Ревякин орал так, что связь фонила. Игорь, наклонившись над ящиком, готовил кассету для съемки. Катюха вертела объективом мощного длиннофокусного аппарата. Борька, выставив в шарнир ствол ГАПа, стрелял длинными очередями по кружащим снаружи здоровенным птицам, упорно и бесстрашно атаковавшим винты и остекление дирижабля.

Подобные нападения в последнее время стали в порядке вещей. Словно предчувствуя скорый конец, иррузайцы организовывали одно нападение животных за другим. Не проходило и дня, чтобы по несколько раз не атаковались разведпартии Муромцева. Евгений

⁶ Локатор, позволяющий засекать на поле боя малоразмерные и маскирующиеся различными способами цели (в нашей реальности не существует.)

со своим конвертопланом и дирижабль Ревякина — зачастую с Игорем и его друзьями на борту — почти постоянно находились в воздухе: оказывали экстренную помощь, бомбили и тоже вели разведку.

— Отстали, — Борька выдернул ГАП из шарнира и ногой отодвинул расстрелянный барабан. Потормошил Катьку — та улыбнулась и вытерла пот с натертого нарамником лба:

— Готовы снимки.

— Ладно, пошли, чаю долбанем, — Игорь подскочил и, ухватившись за края люка, выбрался наружу. За ним выбрались Катька и Борька — как раз в тот момент, когда с балкона вошли Женька и Лиза. Женька нес «булат» и что-то говорил, смеясь, Лизке, которая подкидывала в руке гранатомет.

— Ну и карусель была! — весело крикнул он, увидев остальных. — Я восемь штук сбил! Хорошо, что они никаких бомб в когтях не таскают!

— Накаркаешь, — проворчал Игорь. — Ух, я голодный!

Они, весело переговариваясь, вошли в жилой отсек, где Степка поспешно выключил связь и вскочил.

— Опять с Клотти трепался, — сказал Женька, ставя винтовку к кровати и плюхаясь на одеяло. — Уф.

— Не с Клотти, а с Зигом, — быстро возразил Стёпка. — Он сказал, что у них вдоль рек иррузайцы прорываются, стычки идут.

— Надо бы слетать, а? — с надеждой спросил Борька. — А то скоро в школу.

— Не сейчас, — отрезал Игорь, — сначала в лагерь... Где чай?

* * *

Временный лагерь находился рядом с городом Рейнджеров — Драганов сдержал свое обещание предоставить территорию базы, а его люди из экспедиции охотно оказывали разведчикам посильную помощь.

Выстроенная тут причальная вышка не имела автоматического подъемника, приходилось спускаться по приваренной лестнице. Опередив остальных, Игорь прошел к штабному модулю, над входом в который висел флаг экспедиции.

Внутри на раздвинутом столе на боку лежал Файт. Морда у параволка была скорбная, хотя кто-то из разведчиков чесал ему нос. Бедро штабс-капитана было распластано и растянато крючками, и из разреза немолодой флегматичный господин извлекал пинцетом осколки камня. По углам за компьютерами перекликались операторы, на подоконнике кто-то разместил полевую лабораторию, на другом женщина вдумчиво снаряжала магазины, складывая снаряженные в коробку из-под сухарей.

— Это что такое?! — изумился Игорь. — Господин штабс-капитан?!

Параволк ответил замученным взглядом. Тот, кто чесал ему нос, пояснил:

— Ранили стрелой. Наконечник ударился в кость и разломился.

— Кто ж поднял руку? — Игорь погладил жесткую шерсть на загривке Файта.

— Погрррраничники! — рыкнул тот. — Заканчивайте. Скорее.

— Тебе все равно еще до вечера лежать, — невозмутимо объявил врач, спринцуя рану. Файт тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Игорь прошелся у компьютеров, взял готовую карту, посмотрел. В окно было видно, как возле небольшой вертушки хохочут, разговаривают и опять хохочут несколько человек. Игорь прислушался и улыбнулся.

— ...мрачный такой! И по сторонам оглядывается: "А где тут у вас сортир?" Я ему говорю: "Да в чем проблема, сейчас сделаем!"

— Погоди-погоди, и он что, прямо в нору?!

— В том-то и дело! А оттуда кээээк...

Вникнуть в рассказ Игорь так и не успел — вошедший старший четвертой группы

обменялся с ним рукопожатием и объявил:

— Удачно, что вы тут. Мы вчера перебили на стоянке их отряд и захватили офицера. Хотели его отправить на станицу, но, может, сами допросите?

— Да, конечно, — Игорь отложил карту и обнаружил под нею коробочку с диском. Это была классическая музыка для струнных в гитарной обработке — старинные исполнители в интерпретации Полины Дашковой, какой-то местной.

— Это чей диск? — поинтересовался он. — Я возьму послушать, люблю гитару.

— Мой, бери, — не оборачиваясь, ответил один из операторов.

Игорь сунул диск в карман и вышел следом за старшим четвертой...

...— А ну — встать! — бородатый разведчик отвесил иррузайцу сильного пинка и заставил подняться. Вабиска, непрерывно шевеля скрученными руками, смотрел на Игоря с плохо скрываемым страхом. Лоб у него был рассечен — на его коже рана выглядела трещиной в древесной коре, кровь запекалась натеком смолы.

— Добрый вечер, — Игорь сел на спинку стула и уперся ногой в край стола, а второй закачал над полом. — Я с ним поговорю один на один, ага? — дружелюбно подмигнул он бородачу. Тот понимающе хмыкнул, почти сочувственно потрепал вабиска по плечу и вышел, закрыв дверь. Игорь беззлобно уставился на пленного и, достав свою полевку, начал подрезать ногти. Когда это занятие мальчишке наскучило, он пошлифовал ногти о куртку и, не глядя на нож, которым начал играть, поинтересовался: — Ты мне ничего не хочешь сказать? — уже на местном языке. — Я весь пристальное внимание... Да, я забыл представиться...

— Не нужно, — прохрипел вабиска. — Я знаю, кто ты. Ты Муромцев, ты Неумирающий.

— А, так вот как меня зовут в вашей среде, — довольно отметил Игорь. — Приятно... А ведь ты, — Игорь соскочил на пол, — ты меня боишься. И это — правильно, — он удовлетворенно кивнул. — И боишься ты не того, что я могу с тобой сделать, а именно — МЕНЯ! — Игорь шагнул вперед, иррузаец попятился, закидывая голову, как испуганный конь. — И это — тоже правильно. Сейчас я буду тебя спрашивать, а ты мне будешь отвечать. И пусть тебя хранит ваша Птичка, если совершь или хотя бы умолчишь. Так?

— Да, — лицо иррузайца вздрогнуло всё, как маска из желе. — Да.

— Меня предполагалось убить. Это так?

— Да.

— Кем был разработан, план, кто приказал? Уигши-Уого?

— Да...

— Что сейчас?

— За твою голову, — вабиска шевелил только губами, — назначена огромная награда. Но ее никто не хочет получать. Все говорят, что ты послан Пещерным Змеем.

— Ты в это веришь?

— Да...

— Хорошо, — довольно кивнул Игорь. — А теперь скажи мне — кто такие яшгайаны? — глаза пленного испуганно метнулись. — Говори! Кто. Они. Такие?

Иррузаец открыл рот... и вдруг, засипев, рухнул на пол.

— Так, — констатировал Игорь и сплюнул в досаде. — Блокада, ч-черт, а я не спец, зря полез... Эй! — Игорь двинулся к выходу. — Он подох, убирайте!..

...— Я, между прочим, правда говорил с Зигом, — Степка протянул Игорю половину шоколадного батончика. — Не сразу, но с ним — тоже. Он нас приглашает праздновать Праздник Урожая в Фелькишер Ланд.

— Праздновать праздник — так не говорят, — поправил Игорь. — Но идея заманчивая.

— Значит — едем?! — обрадовался Степка так, что Игорь засмеялся и, взяв его за плечо, негромко спросил:

— Влюбился?

Степка вспыхнул, сбросил руку, но тут же вздохнул и виновато признался:

— Кажется, да. Мне без нее все время скучно, и настроение какое-то унылое. Я понимаю, Динка...

— Она мертва уже несколько веков, — тихо сказал Игорь. — А ты живой.

— А у генерал-губернатора, — проявил Степке неплохую осведомленность, — ведь тоже, и он...

— Он просто больше никого не встретил, — возразил Игорь. — А ты — встретил, и что плохого?

— Да, Игорь, ты знаешь, — Степка улыбнулся, — я как первый раз ее увидел — так и все. Поплыл начисто. Только она какая-то дикая, как из древнего мира. Да и Зиг... Я раньше думал, что немцы не такие.

— Это положительная национальная ретроспекция, — важно пояснил Игорь.

— Что? — насторожился Степка.

— Положительная национальная ретроспекция, — повторил Игорь. — Возвращение национальных качеств, подвергавшихся нивелированию во второй половине XX — начале XXI века. Для примера, попроще... Англосаксы — упорны, хладнокровны и корректны. Германцы — безжалостны, методичны и дисциплинированы. Русские — великодушны, храбры и неприхотливы...

— Я понял, — кивнул Степка. — Я только не врубился — зачем их нивелировали, эти качества?

— Это у тебя спросить нужно, — засмеялся Игорь, — ты же из тех времен... А вообще-то... были и на земле свои яшгайаны. Выводили "общечеловеческое стадо", да вот вы не дали... Пошли, ладно...

... Начав слушать диск, Игорь удивленно услышал знакомый гитарный перебор.

4.

Кольца огней горели пламенными коронами вокруг вершин холмов — казалось, что костры танцуют в такт музыке. Праздник Урожая тянулся уже полночь во всем его языческом размахе, со всеми неформальным весельем и полной отдачей, на какие способны только провинции, живущие сельским хозяйством — тут этот праздник в самом деле имел статус значимого события, а не просто декорации.

Возле костров, где на рашперах жарились целые свиные туши, стояли здоровенные котлы со свежим пивом и деревянные ритуальные блюда с хлебом. Было уже прохладно, Игорь знал — черная в темноте листва почти целиком превратилась уже в золото и медь. Утро почти всегда приходило холодное и ясное (не верилось, что зима будет слякотной, как утверждали местные) и, хотя днем опять становилось тепло, было понятно — осень пришла, а скоро за нею навестит землю и зима.

Подперев голову рукой, Игорь лежал у огня на принесенном кем-то пледе. В другой руке он держал буковую чашу с пивом, которого выпил уже немало, но меньше попал под его действие, чем остальные, у которых блестели глаза, а смех сделался излишне громким и взрывчатым, как петарда.

Вокруг костра сидела исключительно молодежь — большущим кругом. Разговор вертелся в основном вокруг того, что на днях в школу и это — факт. Германцы, впрочем, выражали твердую уверенность в том, что иррузайцы предоставят им немалое количество свободных от учебы дней. Еще кто-то сказал, что, если граница «двинется», то Фельшер Ланд окажется в тылу — тогда и не повеселишься, останется только записываться в Алые Драгуны, благо у них заботами генерал-губернатора развлечений хватает.

Игорь отпил большой глоток и, плеснув пива в огонь, поднял чашу со словами:

— За богатство этого года! Смерть вашим врагам, жизнь — вашему урожаю!

Он говорил по-немецки — вокруг одобрительно загудели. Зигфрид, сидевший точно напротив Игоря, поднял над головой губную гармошку и перебросил ее какой-то девчонке, которая немедленно извлекла из нее пронзительную дрожащую ноту, заставившую всех умолкнуть — а сам Зигфрид грубоватым мальчишеским голосом запел:

*— Все выше флаг над нашею землею —⁷
Идут вперед бессмертные бойцы.
Шагают маршем с нами павшие герои,
И наши прадеды, и деды, и отцы...*

Губная гармошка засвистела грозно и высоко; сидящие германцы, пристукивая чашами по колену или по земле, подхватывали песню:

*— По городам шагают батальоны,
Уже не раз бывавшие в бою!
Сегодня тысячи, а завтра — миллионы
Встают на бой за Родину свою!
Когда сигнал к атаке нас разбудит —
Сомкнут ряды Германии сыны,
И наше знамя гордо виться будет
На страх врагам! На славу для страны!*

Игорь незаметно поднялся, отошел в темноту, а потом — прочь от костра, оставив возле него чашу. Ему стало вдруг грустно, захотелось уйти подальше от людей, шума, веселья... Ноги сами вынесли его на опушку рощи, за которой начинались пустые, скошенные луга, серебряные от света звезд, красноватые от зарева Адаманта.

Мальчишка ощутил чье-то приближение, плавно повернулся и увидел двух человек — держась за руки, они шли по кромке лугов. Света было достаточно, чтобы, даже не вглядываясь, сообразить — Степка и Клотти.

Игорь снова бесшумно ретировался, подумав вдруг: "Мне, кажется, нигде нет места! Что со мной такое?!"

Он вернулся в вертолет — и почти тут же включился экран связи — словно ожил, ожидая.

Это оказался генерал-губернатор — точнее, Сережка, веселый, с растрепанными волосами. У него тоже была ночь — наверное, на его латифундии.

— С праздником! — махнул он рукой. — Я звал тебя к себе, но ты предпочел исконно русскому радушию гостеприимство германцев — их бин оскорблен! Но сейчас я хочу сделать еще два предложения, и ты не сможешь отказаться ни от второго, ни от первого?

— Я весь внимание, — улыбнулся Игорь. — Только я немного выпил, а у них очень крепкое пиво.

— Я приглашаю тебя на осенний турнир и на бал во дворце сразу после него. Бал официальный, так что будь при полном параде.

— Буду и там и там, — пообещал Игорь. — С праздником, Сергей!

* * *

Пальцами Уигши-Уого погасил свечу и немигающим взглядом уставился на синеватый ромбический проем окна.

⁷ Стихи Хорста Весселя.

— Есть новости? — тихо спросил он. Ставший невидимым в темноте гонец, офицер с границы, молчавший в ожидании, когда глава Крылатого Совета заговорит первым, ответил:

— Со стороны врагов — никакой активности. Во всех их селениях горят костры, шумно. Они что-то празднуют.

— Ты свободен, — Уигши-Уого прикрыл глаза. — Позови секретаря.

Офицер вышел. На смену ему почти тут же бесшумно появился секретарь, тут же осмелившийся негромко кашлянуть:

— Слушаю, отец мой.

— Повысит награды за наших врагов вдвое, — отрывисто приказал Уигши-Уого.

— На всех? — почтительно спросил секретарь.

— На всех, — отрезал глава Совета. Но тут же поправился: — Подожди. На всех — вдвое. На Муромцева — ВЧЕТВЕРО.

5.

Осенний турнир во время осеннего Дня Юношей впервые устроенный небольшой группой любителей-реконструкторов в годы Промежутка, давно уже приобрел черты всеземного праздника, к которому присоединились и многие Союзники и Вассалы. Это было одно из любимейших развлечений дворянской молодежи, красочное и воинственное, на Сумерле с ее календарем приходившееся на начало сентября — здешнего, разумеется, примерно совпадавшего с первой половиной земного октября.

Конечно, турнир на Сумерле не имел того размаха, что был характерен для, скажем, трехдневного священнодействия на берегах Чудского Озера или при Гравелине, но местные вполне этим довольствовались. Турнир проводился на Новом Мадагаскаре, островном курорте, где компания «Астория» отгрохала в кратере потухшего вулкана комплекс на девяносто тысяч человек (с запасом в учет растущего населения!). Вот уже два года Венец Турнира — серебряный обруч, украшенный золотыми, изумрудными и медными дубовыми листьями — выигрывал Войко Драганов. И оба года Венец ложился на рыжие локоны Светланы Довженко-Змай, прилетавшей с Земли, где она училась в Смольном, к старшему брату, именно два года назад ставшему генерал-губернатором планеты.

Дворян на планете было немало, соответственно хватало и желающих принять участие в турнире. Это Игорь уяснил себе наглядно, когда созерцал пляж Серебряный с шатрами, разбитыми на нем и украшенными разноцветными флагами.

Вертолет Игорь нанял в транспортной конторе, а доспехи добыл напрокат в Озерном. Степка заморгал в ответ на предложение Игоря стать его оруженосцем, потом заулыбался и кивнул. Борька просто пришел в восторг и выразил желание сбежать из школы, но Игорь это отменил и лично нанес визит директору (все лето пахавшему в одной из его групп), выразив в изящнейшей манере самую куртуазную просьбу — на двое суток освободить Борю Утесова от занятий в школе в связи с необходимостью... и так далее.

В результате оруженосцев у Игоря оказалось двое — не хуже, чем у остальных.

* * *

— Вообще-то, это не вполне законно, — критически заметил Игорь, опершись ладонями о широко расставленные колени. Он наблюдал за тем, как одеваются его оруженосцы, и именно это подразумевал.

Мальчишки надели поверх белых с алой национальной вышивкой рубах жесткие кожаные жилеты черного цвета с вышитым на спине белым кораблем времен Третьей Мировой (старый герб Муромцевых), белые штаны для верховой езды и черные сапоги с отворотами. Над одеждой потрудились девчонки пионерского отряда, пришедшие в восторг при мысли, что станица будет представлена на турнире. Сейчас Степка и Борис

рассматривали друг друга, а Игорь рассматривал их.

— Да ну еще, — отмахнулся Борька. — Вон, у Евгеньева тоже своих оруженосцев нет, так он биодесантников взял, и ничего?

— Захолустье у вас, — с чувством сказал Игорь и встал — сухо зажурчал металл доспеха. Муромцев не поскупился (из своих личных сбережений, конечно!), отыскивая доспехи под себя — благо, таковые можно было найти в любой точке сферы земного влияния. Игорь приобрел в аренду изделие знаменитой династии Микульских: куполовидный шлем с неподвижной маской, имевшей две миндалевидных прорези для глаз и мелкое «сито» для дыхания, который венчал черно-белый султан из конского волоса; вороненый кольчатый панцирь двойного плетения — с капюшоном, коваными оплечьями, нагрудником и наручьями, соединенными с трехпалыми перчатками; кольчужные штаны-чулки; треугольный щит из дуба и стали, который Лизка спешно привела в соответствующую черно-белую гамму; длинные меч и копье (конечно, предохраненные). Доспех уже был надет, только шлем лежал между ног Игоря, который, встав, продолжал критиковать вольные нравы Сумерлы, делая вид, что не замечает вольного и нахального перемигивания «оруженосцев». Степка подхватил с раскладного стола рожок — официальный сигнал турнира — а Борька деловито поинтересовался:

— Я подвожу коня?

— Дав... — начал Игорь, но полог шатра откинулся — без человеческой руки, словно сам по себе, что являлось верным признаком прибытия дворянина — и внутрь вошла девушка примерно одних с Игорем лет. Он успел заметить, как поклонился Борька, а секундой позже — Степан, так и не выпустивший из рук рожка. И сам поклонился вошедшей — рыжеволосой красавице, чьи волосы покрывала серебряная сетка, украшенная надо лбом распахнувшей крылья фигуркой дракона. Бело-алое платье почти без украшений вовсе не под древнему подчеркивало безупречную фигуру. Поднимая голову после поклона, Игорь успел подумать, что ему хорошо знаком взгляд светлых глаз... но на другом лице. Вспомнить точнее не успел, да это и ни к чему было — следом в шатер вошел, чуть пригнувшись, сам Довженко-Змай, с ног до головы закованный в золотисто-солнечный чешуйчатый доспех. Доспех весил не меньше сорока килограммов, но юный хозяин Сумерлы двигался легко и бесшумно, только изредка позвякивал металл. За ним оруженосец в ало-белом нес шлем в виде драконьей головы со вздыбленным гребнем.

— Сударь... — начал Игорь, но генерал-губернатор прервал его взмахом руки — тяжело качнулся рукав доспеха, пустив зайчик на плавно шевелящуюся стену шатра — и весело сказал:

— Вот он, сестричка. Игорь Вячеславович Муромцев, дворянин Империи... Игорь это моя сестра Светлана.

— Сударыня... — держа голову и корпус прямо, Игорь опустился на одно колено.

— Встань, не надо! — необходимо засмеявшись, Светлана слегка нагнулась и подняла мальчишку за панцирные щитки оплечий. Он пожалел вдруг, что сквозь металл не понять, какие у нее руки и, встав в рост, увидел, что выше ее на полголовы. — Ты из Верного?

— Да, сударыня, — кивнул Игорь. И сказал искренне, еще не подумав, что говорит: — Вы очень красивы.

— Я тебе говорю «ты», а ты мне — "вы", — Светлана чуть откинула голову, — это звучит глупо... Я же не старая придворная фрейлина! И... — она лукаво посмотрела на брата, — не генерал-губернатор!

— Мы с ним, кстати, на «ты» уже давно, — усмехнулся Довженко-Змай. — Но он сказал правду — он всегда говорит правду... Как говорили раньше — Бог любит троицу, сестричка, и сегодня Войко наверняка прибавит к твоим Венцам третий, а мне, между прочим, останется считать синяки и переломы.

— Сударыня, — неожиданно для самого себя — вновь! — сказал Игорь, — сегодня Венец Турнира подам вам я. И прошу не отказать принять его.

Брат и сестра переглянулись. Сергей усмехнулся углом рта. Его сестра выглядела

растерянно-удивленной, а взгляд, который она бросила на Игоря, больше не был весело-беспечным. Не стал он и снисходительным, с каким выслушивают заведомое хвастовство.

— Добудьте — я подумаю, сударь, — услышал Игорь. — Идем, Сережа, скоро начало, — с этими словами Светлана оперлась на металлический локоть брата и вышла наружу походкой императрицы. А там уже ревели трубы и слышалось:

— Начнем же! Начнем же! — распорядителей.

— Пора, — прошептал Игорь и, вскинув голову, широким шагом покинул шатер.

6.

Конь не был отягощен броней — только размашистой попойкой все тех же цветов — черного и белого — с кистями по краям. Игорь посмотрел вокруг — на залитые полуденным светом трибуны, на огромные наклонные стереоз экраны, на транспаранты над людьми, на ленту всадников, начинавшую разворачиваться для проезда — и вспрыгнул в седло, не коснувшись стремян: сам и двадцать пять килограммов металла. Степка подал щит, Борька — копье, и Игорь, прищипорив коня, присоединился к неторопливо рысящей мимо трибун цепочке верховых.

— Начнем же! — вновь возгласил старший распорядитель, и из мощных аппаратов грянула музыка, в которую впелся голос:

*— Пусть бубен поет,⁸
Рожки говорят,
Навстречу идет
Воскресший отряд
Незримых бойцов,
Безмолвных теней,
Без шума шагов,
Без света огней...*

Ритмично приподнимаясь и опускаясь вместе с седлом, Игорь посмотрел на трибуны, но не различил лиц в пестром мелькании — а надо было уже разъезжаться к своим оруженосцам...

Музыка оборвалась, и голос распорядителя врезался в обрушившуюся тишину:

— Между собой бьются витязи Николай Разнятко сын Андреев и Дмитрий Дергачев сын Михайлов! Начинайте!

"А, это тот штабс-капитан из Отдела Колониальной Безопасности, — вспомнил Игорь. — Интересно, Тимка не у него в оруженосцах?.."

Рожки прокричали, перебивая друг друга, личные сигналы, и с двух концов выгороженного поля появились конные фигуры, казавшиеся непоколебимо-монолитными... и вот уже они мчатся навстречу друг другу, уставив копья и прочно уперев ноги в стремяна...

...Уже сразилось три пары, и в одной из них Войко Драганов вышиб из седла своего противника, когда Игорь, опирающийся, сидя в седле, на копье, услышал:

— Между собой бьются витязи Дмитрий Рощепей сын Олегов и Игорь Муромцев сын Вячеславов! Начинайте!

Игорь наклонился, и Степка надел на него шлем. Выпрямившись, мальчишка удобнее перехватил щит и, управляя конем ногами, выехал на линию. Звук, движение — все как отсекло. Он видел только щит противника — ослепительно — белый, с зеленым стропилом,

⁸ Стихи И. Панина.

на которое стоял волк... Пошел!!!

Конь рванул с места вперед, Игорь одновременно опустил копьё. В эти секунды — долгие-долгие — он отчетливо вспомнил, как тренеры учили их — еще совсем сопливых — НЕ СМЕТЬ искажать лицо во время боя, как бы ни было тяжело. Даже когда получаешь удар. Даже когда проигрываешь. Даже когда выигрываешь. Дворянин ВСЕГДА остается хладнокровным. Всегда...

...Грохнули в щиты и скользнули в стороны отбитые копьё. Игорь почти не ощутил удара и мельком подумал, что все сделал правильно. А где?! Шлем мешал, но он увидел, как Дмитрий Рощепей разворачивает коня, быстро перехватывая копьё для маневренного боя — и сам сделал то же, пускаясь навстречу противнику.

Последовал обмен яростными ударами — в лучших традициях новгородского стиля боя на палках, только одной рукой. Лицо Дмитрия скрывал кольчужный шарф, глаза прятались в тени прямоугольного козырька — все та же металлическая статуя сражалась с Игорем. Кони вставали на дыбы и, повинаясь нажатиям колен, металась из стороны в сторону, унося хозяев из-под ударов, помогая их наносить.

Игорь почему-то был уверен в победе. Он испытывал странный подъем и сражался с самому ему не до конца понятным ликованием, почти не удивившись, когда наконецник его копьё, скользнув между верхним краем щита и поднятым древком оружия противника, ударил того в шлем над козырьком. Рощепей замахал руками и, тяжело грохнувшись с лошади через круп, остался лежать. Пришел он в себя только когда подбежавшие оруженосцы в зелено-белом начали тащить своего витязя прочь. Сдерживая желание проскакать вдоль трибун, которые гремели аплодисментами, Игорь вернулся на свое место, краем уха слыша, как распорядитель объявляет его победу.

— Ну и мясорубка! — возбужденно выкрикнул Степка, помогая Игорю спуститься с коня. Борька принял оружие. — Мне бы так!

— Да пожалуйста, — Игорь потянулся. — Этим любой может заниматься. Но только не на День Юношей — это НАШ турнир, должно же дворянство иметь хоть какие-то привилегии кроме возможности первыми класть голову в любой заварухе?.. Смотрите, генерал-губернатор!

Действительно, большой рыжий конь вынес на ристалище всадника в чешуйчатой броне и драконьем шлеме. Игорь прослушал, кто был его противником, но это оказалась первая пара, которой пришлось посражаться и пешими; соперник Довженко-Змая вылетел из седла, однако вскочил, выхватил меч, и генерал-губернатор тоже спешил, обнажая свое оружие. Две металлических фигуры неожиданно быстро закружились одна возле другой, обмениваясь тяжелыми ударами, но схватка не затянулась — Довженко-Змай швырнул в противника свой щит и нанес ему тяжелый отвесный удар в плечо. Того аж перекосило в одну сторону, и он сперва встал на колени, а потом ткнулся лицом в покрытие...

...Второй круг начал Драганов — и одержал тут же убедительную победу: бросил наземь свой щит, нырнул под направленное ему в грудь оружие противника и, резко выпрямившись, на всем скаку врезал кольчужным кулаком по его шлему. Тот удержался в седле, но потом сполз на руки оруженосцев. А уже следующим вызвали Игоря — его соперником стал Петр Разнятко, младший брат побежденного Дергачевым Николая.

На черно-золотом щите Петра алела бычья голова. Разнятко-младший носил открытый шлем с пышным султаном тех же цветов, плотными широкими нащечниками и массивным наносьем — Игорь видел, как он улыбается и играет копьём. За спиной Игоря рожок в руке Степки прокричал сигнал, и Муромцев понесся вперед, целя копьём сбоку, под щит. Он слышал, как противник кричит — что-то вызывающе-насмешливое — и выкрикнул в приближающееся лицо:

— Prrrr-aaa!!!

Отбить удар копьё не удалось — в щит шарахнуло так, что Игорь удержался на одних

стременах и промахнулся сам. Кони разнесли их; к счастью, Игорь успел утвердиться в седле, повернуть коня и снова помчался, сжимая копьё, навстречу Петру. Древки скрестились и сломались — одновременно, с коротким хрустом, похожим на выстрелы из старинных пистолетов. Парни снова проскакали друг мимо друга — и, когда Игорь обернулся, в руке у его соперника был меч. Игорь выхватил свое оружие, рысью пустил коня вперед. Петр приближался шагом. Его белый конь танцевал в движении, закидывая голову.

И — ааххх! — над головами столкнулись клинки! И — ааххх! — и белый, скалясь, осел на задние ноги — ага, его конь слабее! И — ааххх! Рука под щитом немеет, в ответ — и — ааххх! Петр отшатывается в седле, щит отскакивает в сторону вместе с рукой, но второй удар все равно проходит мимо цели — в подставленный клинок посередине. И тут же — выпад концом меча в лицо Игорю. Меч уходит вверх, отбитый кромкой щита, в ответ — круговой в бок, Петр принимает его нижним, острым краем своего щита... И — ааххх! И — ааххх!

Игорь не понял, в какой момент Петр замахал рукой со щитом и плавно, но тяжело соскользнул в сторону, запутавшись ногой в стремени. Подбежавшие оруженосцы вытащили его с поля.

— Ты попал ему в голову! — возбужденно сказал Степка, подбегая. — Ты попал ему прямо в шлем!

— Отличный удар, — одобрил Борька, помогая Игорю снять его собственный шлем. Тот сам соскочил наземь. — Четверо остались... Ты, генерал-губернатор, Драганов и Дергачев...

...— Между собой бьются витязи Сергей Довженко-Змай сын Константинов и Игорь Муромцев сын Вячеславов! Начинайте!

Вот что такое — противник. Золотая живая статуя на ровно выкидывающем ноги мощном коне. Генерал-губернатор держал копьё поднятым и не спешил его опускать с уверенностью человека, который все и всегда успеет. Какой поединок может быть у мальчишки — пусть ловкого, крепкого и сильного! — с человеком, взявшим Иппу и Кухлон? Казалось, драконья маска не скалится, а смеется.

В этот момент Игорь увидел Светлану. Она сидела в генерал-губернаторской ложе — прозрачном пузыре, нависавшем над трибунами и полем. Светлана смотрела не на брата, а на него, Игоря Муромцева. И спокойно, уверенно улыбалась.

Когда Игорь, пришпорив коня, вновь взглянул на Довженко-Змая, копьё того уже летело склоненным впереди своего хозяина. А следующее, что Игорь понял — он лежит на спине и не может дышать.

Потом воздух прорвался в легкие, и Игорь вскочил, выхватывая меч. Щит на руке удержался. Конь генерал-губернатора стоял неподалеку, и Довженко-Змай соскальзывая с него бесшумно и плавно, словно капля подкрашенной жидким золотом ртути: увесисто, быстро и неотвратно.

В правой руке его уже был меч. Широко ставя ноги и пригнувшись за миндалевидным щитом, он пошел к Игорю. Позванивали рукава и полы доспеха.

От толчка щитом Игорь отлетел на несколько шагов — вместе с доспехами, хорошо еще, устоял на ногах! Довженко-Змай обрушил сверху отвесный удар — Игорь перестал ощущать руку под щитом. Второй удар он принял на меч — и понял, какая чудовищная сила в молодом генерал-губернаторе. Эх, дед-дед, Вадим «Кулак» — вот бы сейчас твою силу, чисто физическую силу!

Удар. Еще удар — у самой рукояти, от него в руку брызнуло током. Удар по ногам — прыжок, пригнуть голову... Довженко-Змай пнул Игоря в грудь ногой в высокой пластинчатой поноже.

И — не успел больше ничего сделать. Собравшись в обтянутый кольчугой комок, Игорь нырнул, подняв над головой щит, под эту ногу, изо всех сил толкнул ее щитом вверх и рубанул сзади по спине генерал-губернатора, потом — в левое плечо, в правое плечо...

...Трибуны ревели. Игорь озирался не понимая, покачивался, опираясь на меч и щит, который держал за верхний край. Оруженосцы поднимали генерал-губернатора. Кто-то прыгнул сзади на плечи Игорю, едва не повалив его наземь, с криком:

— Ты его свалил!!!

Это был Борька. Игорь, растерянно улыбаясь, освободился от объятий друга, больше похожих на тиски, пробормотал что-то не вполне понятное себе самому и позволил Степке снять шлем...

...— Ты его победишь, — как заклинание, твердил Борька, проверяя доспех Игоря. — Ты его победишь.

У Игоря кружилась голова, его тошнило. Хорошо приложился... Бойко Драганов уже сидел в седле — широко разведя ноги, атлет в серебристой кольчатой броне, накидке и крылатом шлеме. Копье лежало у него поперек седла.

— Я вышибу его, — твердо сказал Игорь и, взлетев в седло, принял копье. Шлем уже был на нём, щит — на руке. — Я поклялся... поклялся ЕЙ.

Он на миг прикрыл глаза, приводя себя в порядок. И перед мысленным взором всплыло лицо Светланы.

"Добудьте — и я подумаю, сударь."

— Между собой бьются витязи Войко Драганов сын Александров и Игорь Муромцев сын Вячеславов! Начинайте!..

...Одновременно отбитые вверх, переломились копья — спружинив, обломки вырвались из рук противников. Кони, разворачиваясь, разнесли их в стороны — Игорь увидел, что в руке Драганова не меч, а прямая сабля с расширенным концом. Войко что-то выкрикнул и помчался на Игоря, вскинув руку со своим оружием.

Молнией — воспоминание, как они фехтуют у крыльца, и Драганов легко обезоруживает его... Но это, здесь, сейчас — не фехтование, а рубка.

Посмотрим!

Клинки с гулом легли на щиты. И снова Драганов бешено рубил, перегибаясь с седла, Игорь отвечал тем же — они были похожи на молотобойцев в кузнице...

...Не отрываясь, Уигши-Уого смотрел глазами большой птицы, как на огромном поле, окруженном ревущими белолицыми, то и дело вскакивавшими со скамей, рубятся двое русских всадников. Вабиска даже не заметил, как вцепился пальцами в подлокотники кресла, переживая за воина в крылатом шлеме, за которого болел с самого начала.

Странно, зачем им это — при их-то могучем оружии сражаться тем, что даже в Иррузае уже считается устаревшим?.. Может быть, так они решают споры между собой — поединками на холодном оружии?.. Но неужели так много народу разом перессорилось?.. И где убитые?..

Поразмыслив, глава Совета решил, что эти схватки, как ни странно, не больше чем развлечение. Он и раньше знал, что белолицые хорошо владеют холодным оружием, но увиденное тут превосходило все его представления об их искусстве...

...Тяжелый удар по шлему, сконцентрированный на конце лезвия, Игорь отбил щитом лишь частично. В глазах потемнело, шлем наполнил усиливающийся вой, Игорь вслепую несколько раз отмахнулся мечом, охваченный ужасом... но темнота и вой прошли, и следующий удар Игорь отразил щитом, а сам достал бедро Драганова коротким и сильным тычком. В реальном бою, может быть, удалось бы прорвать кольчугу и ранить противника... Глаза Войко в листовидных прорезях шлема были веселыми и азартными, он одобрительно качнул шлемом — Игорю послышалось сказанное: "Молодец".

Похвала неожиданно разъярила мальчишку. Он уперся в стремяна и, стиснув зубы, начал молотить Драганова мечом, как младшеклассники молотят друг друга кулаками во

время драк в туалете. Как чаще всего бывает, тактика эта принесла ноль успеха, удары меча приходились на щит, а в какой-то момент сабля Драганова, мелькнув над щитом, обрушилась на левое плечо мальчишки — Игорь понял, что рука его не слушается. Но ни на секунду не прекратил атаку — только передвинул щит выше, подставляя его верхний край и плечо, а одновременно мобилизуясь. Рука ожила очень вовремя — только щит спас Игоря от удара в лоб. Зато от удара ногой в живот защититься он уже не смог — Драганов, выдернув ногу из стремени, вышиб соперника из седла.

На этот раз Игорь упал удачно, только меч выронил — что не помешало ему грохнуть Войко щитом по голове, едва тот соскочил наземь, причем щит Игорь перехватил обеими руками. Это было так неожиданно, что Драганов рухнул сном. В отличие от Игоря он оружие не выпустил, но дал мальчишке возможность, пока поднимался, подобрать меч и приготовиться к бою. При этом Войко ошалело мотал головой — очевидно, на турнире его еще ни разу не били щитом по голове. "Новые ощущения — это полезно", — с долей злорадства подумал Игорь. И не успел отбить удар в колено, а потом — щитом по голове. Кромкой — не хуже, чем мечом...

Противники начали кружить. Каждый раз, когда свет Полызмея брызгал в глаза, голова то одного, то другого пригибалась. Потом — метнулись навстречу друг другу, ударились щитами и уперлись, буксуя кольчужными ногами. Мечи скрестились над головами.

Что самое удивительное — Драганов не смог сдвинуть мальчишку сразу, а когда он усилил напор — Игорь отскочил в сторону.

Но Войко Драганов не был бы Войко Драгановым, свались он сейчас позорно носом вперед. Он оперся на меч и закинул за спину щит, в который почти тут же пришелся гулкий удар. А в следующий миг уже Игорь вынужден был отскочить, спасая ноги.

У обоих уже рвалось затрудненное дыхание — неровный ритм движений, тяжесть доспеха и усталость от прежних боев давили. Снова последовали несколько поочередных ударов и защит. Последний удар — особенно сильный — нанес Бойко, и Игорь упал на колено, однако, его противник отступил с безукоризненной вежливостью и подождал, пока Игорь поднимается на ноги и готовится к бою.

"Даже перед расстрелом вы должны думать, что победите — и делать все, чтобы победить."

Игорь ПОНЯЛ, что надо делать. Он видел это в стерео — не помнил, в каком, но эпизод врезался в память отчетливо... как и понимание того, что, если не получится сделать это быстро — второго шанса не будет.

Он проиграет бой — или выиграет его.

И то, и другое — дело следующих нескольких секунд.

Неизвестно, что смог прочесть по его глазам Драганов в узкой прорези — но недостаточно, чтобы опередить Игоря. А тот метнулся вперед, складываясь даже не пополам — вчетверо, поднимая щит над собой. Удар — Драганов попытался опустить свой, но нижний его край ударился о щит Игоря, занимавший положение «крыши» над головой мальчишки, сжавшегося в комок. Игорь услышал яростное рычание противника — два щита, образовавшие букву Т, только перевернутую, мешали ему ударить, а отскочить он не успел: меч Игоря рубанул его по боку, потом Игорь толкнул Бойко плечом в пах и подставил ему, попятившемуся, ногу... и добавил — не лежащему, падающему, все по правилам! — в шлем.

"Я что, победил?!"

Он хотел снять шлем, но помешал щит — Игорь стряхнул его с руки. Стащил шлем — показалось, что очень холодно, мокрые волосы прилипли к щекам, лбу и шее. Трибуны ревели, встав на ноги, как один человек, и этот рёв начал казаться Игорю шумом морского прибоя, смешанным с ветром. Что-то выкрикивал распорядитель. Оруженосцы подняли Войко, сняли с него шлем — тот смотрел недоверчиво и восхищенно. Левый глаз залило алым — лопнули сосуды.

— Отлично, — хрипло сказал он. Игорь глупо пожал плечами. — Что ж, сегодня ты сделаешь кому-то подарок... — он посмотрел в сторону ложи и тоже поднял плечи, но не

нелепо, как Игорь, а извиняясь.

Перед НЕЙ.

Он еще НЕ ЗНАЛ того, что обещал Игорь...

Игорь посмотрел туда, убирая меч в ножны. Степка и Борька копошились рядом — ловили коня, подбирали шлем и щит... Подошедший старший распорядитель нес на алой подушке Венец Турнира.

— Кому вы желаете вручить его, сударь? — осведомился он. — Вы можете выбирать по праву победителя.

— Хорошо, — Игорь протянул руки, и венец лег, сверкая, в его трехпалые кольчужные перчатки, усиленные по тыльной стороне щитками. — Борь... — Игорь дернул головой, и друг, поняв движение, стащил капюшон, совсем освободив волосы. — Да. Я вручу его.

— Не надо, — вдруг тихо сказал Борька. — Ты спятил.

Игорь улыбнулся ему, и Борька понял, что тот сейчас не слышит. У Игоря был очень счастливый вид... но странным образом это счастье, ясно читавшееся на его лицо, никак не походило на счастье победы. Такое лицо бывает у человека, делающего другому долгожданный подарок. И Борька отступил.

Игорь плохо помнил, как поднимался в ложу. Но знал, что сейчас на него смотрят все. Даже не все трибуны — его видит вся планета. Седеющий мужчина в казачьей форме сделал знак переглянувшимся охранникам из Алых Драгун, сам отшагнул, пропуская Игоря. Двери бесшумно разъехались.

Светлана ждала — стояла за спинками кресел, держа руки по швам, как солдат в строю. Больше тут никого не было, если не считать свернувшегося на одном из кресел рыжего коготыша с Нового Уэльса — он поднял голову и уставился на Игоря зелеными глазами.

— Ты правда принес его... — голос Светланы вздрогнул.

Вместо слегка надменной сестры генерал-губернатора перед Игорем сейчас была растерянная девчонка, его ровесница. Но Игорь не позволил себе этого заметить. Он опустился на колени и вытянул вперед кольчужные руки с венцом. Молча, забыв все-все слова... но они и не были нужны.

7.

В Золотом Зале звучала музыка. Невысокая девушка в серебристо-металлическом открытом платье, глядя поверх голов присутствующих, кружившихся в танце. Она пела старую песню, под которую танцевали перед уходом на фронты добровольцы Первой Галактической...

— Когда уже поздно просить и грозить — 9
Лишь хищники воют вокруг —
Довольно сгибаться при виде ножа,
Довольно топтаться, от страха дрожа —
Уже не помогут тебе сторожа,
Берись за оружие, друг,
берись за оружие, друг!..

Золотой Зал сверкал и двигался. По его выложенному золотыми изразцами полу плавно и слаженно-красиво плыли официально одетые пары. Прием был устроен только для дворянства — как и всегда в подобные дни. Веселиться намеревались до позднего утра, хотя конкретно эта песня к веселью и не располагала — все и правда были торжественно-

⁹ Стихи С.Рыбалки.

серьезны...

*— И рухнули стены — врагам нет числа,
Дымы и пожары вокруг...
Не дай же надежде покинуть тебя,
А страх прогони, прогони от себя
И, крепче Отчизну и волю любя,
Держись за оружие, друг,
держись за оружие, друг!..*

ТОГДА под эту песню так же танцевали другие дворяне — в том числе и предки присутствующих здесь. Те, кто первыми поднимался в рост в атаках на планетах, кто горел в рубках, бросая корабли на таран...

*— И что? Ты позволишь врагам ликовать
И слопать тебя "за фук"?!
Пусть битва идет от зари до зари —
Устал твой товарищ?
Его подбодри,
А выронил меч — ты его подбери...
Берись за оружие, друг,
берись за оружие, друг!
И ветер победы, и мечется враг —
Все это не враз и не вдруг...
Дым горек пожарищ, сгорело жилье,
Врагам остается кормить воронье —
Но коль не поймут и опять за свое —
Берись за оружие, друг!
Берись за оружие, друг!*

Громкие аплодисменты сопровождали чуть поклонившуюся певицу — дворяне аплодировали, повернувшись лицами к небольшой сцене. Игорь, поклонившись своей визави, поцеловал протянутую руку и широким шагом, умело лавируя между парами, пошел через зал к девушке в серебристом.

Игорь выглядел великолепно — как, впрочем, и все присутствовавшие. Белая рубашка с широкими рукавами, свободным воротом и узкими манжетами подчеркивала смуглую кожу и черные волосы мальчика. Под воротом лежала, спускаясь на грудь, нарочито грубо кованная золотая цепь с гербом-медальоном. На чешуйчатом серебряном поясе висела дворянская шпага — оружие вовсе не боевое, но символизирующее постоянную готовность дворянства сражаться за Императора и Отечество. Черные лосины уходили в черные же, но с белыми отворотами сапоги, на которых позвякивали золотые шпоры. Голову Игоря венчала корона имперского дворянина — золотой обруч с двенадцатью мечами. И наконец — безымянный палец левой руки обвивала спираль серебряного перстня с большим голубым аквамарином-печатью, какие носят старшие мужчины фамилий.

— Полина Дашкова, — улыбнулся Игорь, подойдя к певице, которой уже подали бокал. На миг во взгляде повернувшейся на голос девушки появилось изумление, потом она улыбнулась и сделала реверанс. — Теперь я знаю, кто пел и играл для меня.

— А я знаю, для кого я пела и играла, сударь, — девушка подняла бокал, и в ее глазах Игорь прочел интерес. Он хотел уже отпустить очередной комплимент, но послышался стук жезла и голос распорядителя бала:

— Генерал-губернатор колонии Сумерла Его Светлость Довженко-Змай Сергей Константинович! Сестра генерал-губернатора Довженко-Змай Светлана Константиновна!

Все повернулись, склоняясь, к бесшумно распахнувшимся четырехметровым дверям, украшенным золотой чеканкой, в которые как раз входили брат и сестра. Светлана была уже в другом платье, похожем на каскад драгоценностей, непонятно на чем держащихся. На рыжих волосах лежал Венец — Игорь вздрогнул, выпрямляясь после поклона, вспомнив, как подавал этот венец навстречу рукам... И вспомнил ее лицо.

— Я прошу прощения за опоздание, друзья! — весело сказал генерал-губернатор. Игорь отметил, что у него в самом деле хорошее настроение, а в зале нет людей, выглядящих веселыми "по обязанности" — тут в самом деле были его друзья и соратники. Должно быть, ему приятно находиться там, где никто не лелеет никаких замыслов против него и власти. — Сейчас мы продолжим!

— Она красавица, — сказала Полина. Грустно сказала. Игорь подумал, что, может быть, надо потанцевать с ней? Но, когда он обернулся, певица вновь исчезла, как тогда, на откосе Траншейной улицы.

И он сразу же забыл про нее.

"Вот как это бывает, значит... Что со мной?.. Да, точно, это ОНО... Я сошел с ума?.. Да, я себя не контролирую... Как странно — я не могу заставить себя думать о другом... или я просто НЕ ХОЧУ себя заставлять?.. Отец познакомился с матерью на охоте, когда ему было шестнадцать, а ей — на год меньше... Но ОНА — невеста Войко... Мне нет до этого дела... Я подойду к ней, едва объявят молдавеняску, и пусть будет, что будет, я обязан это сделать, потому что иначе... иначе я просто перестану быть!.. Какой же я был дурак, когда смеялся над Борисом — слепой, надутый глупец... Она ПРЕКРАСНА. Вот и все."

— Молдавеняска!

Игорь увидел, как к Светлане пошел Драганов — и с ощущением прыжка в глубокий холодный омут зашагал наперерез.

Он успел раньше. Может быть, решимости ему придало то, что Светлана смотрела именно на него — неотрывно.

— Этот танец мой, сударь, — сказал Игорь, пристально глядя в глаза Войко. Тот сощурился, улыбнулся и пожал плечами:

— Королева выбирает. Но я не против — как-никак, а твои руки подали ей Венец Турнира.

Светлана кивнула...

...— Закончится танец — уходи немедленно, — почти не разжимая губ, приказала она, отплясывая с Игорем молдавеняску.

— А почему? — шепнул Игорь.

— Глупый мальчишка... — раздался шепот в ответ, — ты ничего не понимаешь...

— Пусть я глупый мальчишка и ничего не понимаю, но я не уйду, даже если ты будешь гнать меня в голос.

— Я прошу.

— Скажи — почему, и я уйду, хорошо.

— Я боюсь, — пошевелились губы девчонки.

— Кого?

— Тебя. Войко. Но в первую очередь — себя.

— Себя?

— Себя. Я боюсь, что сделаю глупость... Зачем ты подал мне корону?

— Я тебя люблю.

Светлана не сбила ритма. Глаза ее вспыхнули — очень, просто как две капли воды, похожие на глаза брата.

— Зачем? — процедила она.

— Это правда.

— Ты погубишь нас. Уходи. Сразу же после танца. Если то, что ты сказал, правда — уходи.

— Хорошо, — сник Игорь. — Я уйду и сразу уеду. Если ты просишь этим, то я так и сделаю, потому что это — правда...

...— Уходишь? — генерал-губернатор свел брови. — Ты что, шутишь?

— Нет, я серьезно, — Игорь через силу улыбнулся. — У меня кое-какие дела, ребята ждут.

— Тебе сейчас не кажется, что ты наелся мыла? — задумчиво спросил Довженко-Змай. — У меня всегда так бывает, когда я вру. С детства... Но внешне ты выглядишь нормально. Хорошо, иди. На этот-то раз ты где остановился?

— В «Доме». Знаешь? — Игорь краем глаза увидел, что к Светлане подошел Войко и мысленно завыл, но «внешне» улыбнулся и, раскланиваясь, покинул зал.

Сад, окружавший холмы, на которых стоял дворцовый комплекс, почти целиком облетел. Игорь, впрочем, даже не почувствовал, как тут холодно. Бормоча ругательства на всех известных ему языках, он добрался до прокатной машины... и обнаружил сидящего там Борьку. Он спал, но проснулся, когда Игорь ввалился на соседнее сиденье и шарахнул кулаком по лобовому стеклу.

— Ты чего?! — взвился Борька.

— Ты почему здесь? — Игорь уткнулся лбом в скрещенные на руле руки. — Вы же со Степкой должны были еще с Мадагаскара домой лететь. Тебе в школу, кстати.

— Степка улетел. Я остался.

— Это я как раз вижу и спрашиваю — почему. А если бы я тут до утра гулял? — Игорь не поднимал лица, только отцепил от пояса и положил рядом мешавшую шпагу.

— Посидел бы до утра... Между прочим, я спал. И неплохо... Так что с тобой?

— Влюбился я, Борька, — Игорь со смешком откинулся на спинку сиденья и закрыл лицо руками, продолжая посмеиваться. — И сказал ей, что ее люблю.

Борька присвистнул — длинно и мелодично:

— Ну, ты даешь... И что?

Игорь отмахнулся и дрожаще потянул воздух. Потом сказал:

— Поехали, раз за рулем сидишь.

Борька молча включил двигатель — и почти в тот же миг что-то белое, словно летящая на огонь ночная бабочка, ударилось о стекло — Борька шарахнулся:

— Кто это?!

Но Игорь уже выскочил из машины. Она разделяла их со Светланой, и, бросившись вокруг автомобиля друг к другу, они снова оказались по разные стороны. Опять рванулись друг к другу — и снова машина разделила их. Светлана стеклянно рассмеялась. Игорь, подняв руку, сказал:

— Погоди. Стой на месте, а я пойду к тебе, — и пошел, перебирая рукой по корпусу и не сводя глаз с девчонки, которая закивала и протянула ладонь навстречу. Игорь вцепился в сухие, горячие пальцы, как в канат, брошенный утопающему, рывком подтянул Светлану к себе.

— Что же ты делаешь? — прошептала она. — Что же мы делаем?..

Игорь только счастливо улыбался.

* * *

Интерлюдия: "Здесь лапы у елей..." 10

*Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно...
Живешь
В заколдованном, диком лесу,
Откуда уйти невозможно!
Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня — и от света,
И думаешь ты,
Что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот!
Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени...
Все равно —
Я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели!
Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре...
Все равно —
Я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море!
В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда
Я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно!
Украду —
Если кража тебе по душе...
Зря ли я столько сил разбазарил!?.
Соглашайся
хотя бы
на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял...*

* * *

— Что молчишь? — нарушил тишину Игорь. Борька вздохнул:
— А что сказать? "Жди неприятностей!"? Ты и сам это хорошо понимаешь... Я вообще думал, что ты ее с собой увезешь.
— Достаточно и этого, — Игорь вытянул левую руку, на безымянном пальце которой красовался перстень: тонкий серебряный обруч с платиновым ромбом; внутри него остро светился овальный рубин. — А остальное — впереди. Впереди, слышишь, Борь?! — и он затормозил Борьку за плечи. Тот заорал:
— Врежемся!.. А, черт!.. — остановил машину и, перевесившись через спинку сиденья, вступил в потасовку с другом...

8.

Игорь встал поздно. Борьки в его комнате не было — все-таки улетел учиться. За окнами шел дождь, было не приветливо. Игорь занялся утренним туалетом, позавтракал, начал собирать свои немногочисленные вещи для отъезда.

Если кого и не ожидал Игорь увидеть — так это Войко Драганова. Он ощутил, что кто-то идет, но всего лишь за миг до того, как дверь номера распахнулась — и тот встал на пороге.

Игорь поднялся с дивана. Он понял, что надо подняться. И еще понял: сейчас будет даже не неприятный, а... просто трудно объяснить — какой разговор.

Они стояли и смотрели друг на друга через стол. Войко мог бы ничего не говорить, всё и так было ясно. Нет, не ощущал Игорь ни раскаянья, ни вины. Но ему было неловко и...

И СТРАШНО.

Да, страшно. Раньше Игорь думал, что обделен этим чувством. Он не боялся никогда и ничего, никого и нигде, потому что это было недостойно дворянина. Здесь, на Сумерле. В школе. Где бы то ни было — он не испытывал страха.

Теперь ему было СТРАШНО. Потому что итог у начинающегося разговора мог быть лишь один. Единственный, и после него уже ничего не будет.

Не будет Светланы.

Это и был он — страх. Не за себя, а за свое счастье — то счастье, которое он испытал впервые в жизни. И он молчал, хотя молчать было постыдно.

Первым заговорил Драганов:

— Это правда, сударь, что вы обменялись подарками с госпожой Довженко-Змай?

Игорь напрягся. Он готов был сейчас соврать, лишь бы Войко ушел. Хотя бы на час ушел, не стоял тут! Но это была мерзкая, малодушная мысль и, когда Игорь представил себя произносящим "нет, неправда", ему стало невероятно гадко. Да, Драганов уйдет. Улыбнется и уйдет, но тогда останется только достать карманный пистолет и сжечь себе голову термитной пулей.

Игорь сказал — сухо и коротко:

— Да, сударь.

Лицо Драганова осталось непроницаемым. Только... что-то неясное и страшное незаметной почти волной пробежало по нему. И Игорь понял, что этот юноша — на пять лет старше всего — так же больше его, как он, Игорь, больше младшеклассника-лицеиста. Но оба они были дворяне. Игорь не опустил глаз.

— Какого рода был подарок, сударь? — спокойно поинтересовался Войко.

— Это были фамильные перстни, сударь.

Вот и ВСЕ.

Драганов отошел от дверей, закрыв их за собой.

— Я тебя убью, — сказал он тихо. Игорь покачал головой и ответил, презирая себя:

— Я не стану с тобой драться. Ты мне нравишься, Войко.

— Станешь, — Бойко сделал несколько шагов и, нагнувшись через стол, сильно ударил Игоря по щеке. — Выбирай оружие. Это право за тобой. Я тебя оскорбил действием.

Игорь поднял ладонь, машинально погасил боль. Мелькнула трусливая мыслишка — выбрать все те же шпаги. Но тут же пришло ясное понимание — такой фехтовальщик, как Войко, его все равно убьет, даже этим прутиком. Только убивая, он будет ПРЕЗИРАТЬ его, Игоря Вячеславовича Муромцева, дворянина Империи. А это непереносимо.

— Я ее люблю, — сказал Игорь. — И она меня любит, и никто тут не виноват, и нет ничего злого умысла... Пусть будут шашки. Завтра...

— Вы не будете драться.

Юноша и мальчик обернулись на девичий голос от дверей. И замерли. Светлана Довженко-Змай широкими шагами подошла к столу и бросила на него немецкое егерское кепи. Рыжие волосы над плечами потемнели от дождя, ноздри красивого носа раздувались, как у породистой лошади.

— Ты не поднимаешь на него оружия, Войко, — повернулась она к Драганову, сжав кулак в серой перчатке. — И ты не сделаешь этого, Игорь! — она обратилась к Муромцеву.

— Что ты делаешь здесь? — обрел дар речи Драганов.

— Брат сказал мне, что ты отправился сюда, — Светлана вскинула голову. — Вы не

будете драться! Хорошо, что я успела...

— Это мужское дело, — Драганов был спокоен, как спокойна вода над бурлением омута.

— Я не могу отказаться, — покачал головой Игорь, — прости.

— Я хочу, чтобы вы отказались, — твердо сказала девушка. И повторила с нажимом: — Так Я хочу! — из ее руки на стол между противниками упал платок с монограммой. — Вы видите это, господа? Кто из вас скрестит, шашки над ЭТИМ?!

— Светлана!.. — с такой мукой вырвалось у Войко, что Игорь почувствовал: зашевелились волосы на голове.

— Я выбрала, — мягко, но непреклонно прервала его девушка, подходя к Игорю. Встала возле него, положив на стол узкую ладонь — на перчаточном пальце сидел перстень Муромцевых.

Секунду Драганов смотрел на эту руку. Потом поклонился и вышел прочь. А Светлана, пошатнувшись, оперлась на стол уже по-настоящему — Игорь едва успел поддержать ее и усадить в кресло.

— Дай воды, — попросила она. — Нет, погоди, не отходи от меня, а то опять что-нибудь случится... Я едва успела! — она запустила в растрепанные волосы пальцы.

Игорь принес ей воды. Светлана выпила, поставила стакан и помотала головой:

— И вы бы убили друг друга?! Скажи — убили бы?!

— Ага, — Игорь кривовато улыбнулся. — Вернее — он бы меня убил. Это не турнир. Ох, Свет-Свет...

— Как ты меня назвал? — вскинулась девчонка.

— Свет, — Игорь улыбнулся уже по-настоящему и коснулся ее волос. Светлана жалобно посмотрела на него:

— Ты меня прости. Это же я про перстни рассказала, не выдержала...

— Ты? — Игорь подумал. — Ну и правильно.

Светлана вздохнула, обеими руками прижала к горячей щеке ладонь Игоря. Прошептала:

— Я и не думала, что такое может быть.

Игорь хотел ответить, но не успел. И ощутить тоже ничего не успел — просто на пороге возник генерал-губернатор.

Скользнул взглядом по Игорю. Посмотрел на сестру, зло бросил:

— Пшла домой.

— Не смей с ней так разговаривать! — заорал Игорь. Довженко-Змай рявкнул:

— Молчите, сударь!

— Молчите сами, сударь! — крикнул Игорь, сжимая кулаки. Глаза генерал-губернатора полыхнули, но мальчишка только сощурился.

— Я правда поеду, — Светлана встала. — Теперь все в порядке... Я поеду, а потом вернусь. Сережа, пойдем. И учти, это — мое дело.

Генерал-губернатор махнул рукой и уставился в пол, став вдруг потерянно-усталым. Не поднимая глаз, сказал:

— Я догоню... Твою машину я приказал отогнать, там моя «манта». Садись, я сейчас.

— Сережа, — Светлана коснулась его плеча под жестким форменным погоном.

— Иди, все будет в порядке, — сказал Игорь и улыбнулся.

Они проводили оглядывающуюся Светлану взглядами. Потом генерал-губернатор повернулся к Игорю и тяжело сказал:

— С праздником, — а потом положил на стол коробочку. — Хотел тебе вручить после бала, но ты так заспешил...

— Что это? — без особого интереса спросил Игорь.

— "За заслуги перед Отечеством", правда, без мечей, — ответил Довженко-Змай.

— А, — кивнул Игорь. — Это хорошо.

— Куда лучше, — генерал-губернатор огляделся. — Так. Ты уезжать собрался? —

Игорь снова кивнул. — Я тут посплю. Пойдешь — скажи адъютанту, чтобы не ждали... Ну, ты мне устроил историю.

— Не ругай ее, — попросил Игорь.

— Да вас не ругать, а пороть надо, — грустно сказал Довженко-Змай. — Как несовершеннолетних еще можно, только поздно, боюсь... Пошел отсюда, с глаз долой. Забери награду.

Игорь сунул в карман коробочку. И, уже у порога обернувшись сказал:

— Ты меня прости. Пожалуйста — прости. Я...

— Иди, а? — попросил генерал-губернатор, уже полулежа в кресле о закрытыми глазами. Внезапно Игорю стало так его жаль, что сдавило сердце. Было в том, как он полулежал, что-то... что-то, заставившее мальчишку попросить:

— Ты поднимайся, Сергей. Обязательно поднимайся. Пожалуйста, поднимайся...

— Если я поднимусь, то оборву тебе уши, — ворчливо, но уже не безнадежно ответил, не открывая глаз, Довженко-Змай. — Ты уйдешь, наконец?.. Я поднимусь. Отдохну — и поднимусь, Игорь, дел полно.

Глава 2 Эй, на Запад!

*Видел я густые рати
Неизвестных нам народов,
Надвигавшихся на запад,
Переполнивших все страны...
Топоры в лесах звенели,
Города в дугах дымились,
И на реках и озёрах
Плыли с молнией и громом
Окрылённые пироги...
Генри У. Лонгфелло.*

1.

В пятнадцать лет вы получаете "За заслуги перед Отечеством", после чего на вас вместо радости наваливается тоска. Наваливается со всех сторон причин у нее великое множество — так что остается только хлопать глазами и жалобно вопрошать: "За что?!" И даже эвристика¹¹, по которой у вас когда-то было «5» — не помогает.

Черт побери, но ведь недавно все было отлично! И дело не в ордене, не в победе на турнире, не в том, что возле школы, где бурлил ваш штаб, стояли в полной боевой дирижабль и конвертоплан, а в номере не смолкала аппаратура, выдавая "на гора" все новые и новые сведения... Не в чем-то одном, а во всем вместе взятом. В ощущении нужности. Нет, не власти, об упоении которой когда-то так много говорили — а именно нужности. Всем и во всем. Кто этого не испытывал — не поймет. Когда все вокруг вертится, и дни путаются с ночами, а на столе поверх бумаг — чай и бутерброды, и патроны рассыпаны среди дисков, а в двери кто-то постоянно ломится... и внизу, в зале, в любое время суток едят и пьют ждущие своей очереди люди, вернувшиеся из рейдов...

А в начале декабря пошел дождь. (Он, кстати, и сейчас шел за окном, в которое с тупым раздражением смотрел Игорь). И как-то сразу все изменилось.

Улетела Светлана. Улетела сразу, не попрощавшись — Игорь ощутил при этом почти физический удар по затылку, от которого долго ходил в прострации, пока не догадался

¹¹ Искусство находить неожиданные решения.

попытаться связаться. Ничего не вышло, отупение сменилось злостью, которая усиливалась от того, что с Войко, жившим рядом, даже взглядом было встречаться тошно. Хорошо еще, что недавно он улетел куда-то на острова Ожерелья...

Потом отозвали — в один день! — дирижабль и биодесант. Ревякин был открыто огорчен и оставил адрес; Евгеньев тоже попрощался очень тепло. И уже на следующий день Игорь понял вдруг — он свое дело сделал. Именно — сделал. И как-то очень быстро все успокоилось — рассосался штаб, рассеялись команды. Закон делократии! Вот только он-то, Игорь, оказался не у дел словно в безвоздушном пространстве. Резко иссякли потоки визитов — обычных и стерео — факсов и прочего — и в этом Игорю увиделось что-то до слез оскорбительное. Пошевелилась даже мыслишка: с ним «водились», пока он был нужен, а сейчас — где они, генерал-губернатор и просто губернатор, господа из разных ведомств и прочие?..

Да, конечно. Оставались Борька, Женька, Степка, Зиг, Катька с Ленкой... Но Зигфрид прочно засел в Фелькишер Ланд, даже визитами по стерео не баловал. А остальные... Игорь понял вдруг (или придумал себе это понимание, но все равно обидно!), что у них слишком много своих — школьных, отрядных — дел. И эти дела в небольшой станице отсекали его от них тонюсенькой и прозрачной, но прочной стенкой. Нет, они болтали, занимались спортом, иногда собирались то тут, то там... а потом делились, расходясь. Их — четверо (или две пары). И он — один. Борьку вообще подмяли дела отряда, да и год в школе — последний...

Степка... Он — да! — оставался. До вчерашнего утра. В очередной раз не ночевал — явился, когда Игорь поднялся и рассматривал (почти с отвращением!) красиво изданную подборку карт, присланную из Озерного с благодарственной подписью Довженко-Змая.

— Ты где был? — рассеянно спросил Игорь, отметив, что Степка забрызган грязью.

— Я? — тот помялся у входа, потом ответил, толкнув ногой робота-уборщика, устремившегося к его ботинкам. — Я из Фелькишер Ланд.

— Ясно, — отозвался Игорь. Он внезапно понял, что хочет оказать Степка. Но молчал, пока тот не выругался шепотом и не продолжил немного агрессивно:

— Ты только не думай!..

— Не могу, — усмехнулся Игорь. Степка опешил:

— Чего?

— Не думать, — пояснил Игорь. — Переехать хочешь?

Степка обмяк. Махнул рукой, снял мокрую куртку, прошел в комнату и рухнул в кресло. Робот тут же атаковал оставленные им следы, Степка снова пнул его со словами:

— Ничего я не хочу, потому что получаюсь паршивый предатель. Для тебя. Столько твердил тебе, что никуда, а сам...

— Дурак ты, — лениво отозвался Игорь, садясь напротив. Степка посмотрел недоумевающе. — Тебе повезло, а ты разную ерунду городишь. Ну куда ты со мной? А у германцев тебе будет хорошо.

— Понимаешь, Игорях, — жалобно сказал Степка и, вздохнув, с плел пальцы. — Понимаешь, — повторил он, — ну люблю я ее. А она меня... Мы пожениться договорились... И еще вместе учиться пойдем, на дорожников... а ее родители ко мне — как к родному...

— Ну и хорошо, — кивнул Игорь.

— Но ты-то!.. — выкрикнул Степка.

— Я через полгода улечу, — напомнил Игорь. — И в самом деле, не можешь ведь ты всю жизнь быть моим оруженосцем... Вот что, давай-ка тебе документы сделаем!

За час (Степка покайнно молчал, ежась в кресле) изготовил другу документально подтвержденную биографию и задел на будущее. А потом проводил на станцию ДЭКа, идущего в Нойе Аахен.

И вернулся в свои комнаты. Теперь — совсем пустые...

...Вот почему вечером 30-го просинца 202 года Г.Э. Игорь Муромцев сидел у себя один

и с особым мазохизмом не собирался никуда идти. Нет, у него были два десятка предложений провести Новый Год — начиная от семьи Утесовых и кончая балом во дворце генерал-губернатора...

Просто ничего не хотелось. Только — неожиданно и остро — резануло желание поговорить с мамой. Как угодно. Любой ценой. Игорь подбежал к окну, распахнул его, открытым ртом втянул холодный дождливый воздух и поднял лицо к небу, где, за тучами, за атмосферой, в бесконечной пустоте, не имевшей ни температуры, ни цвета, ни запаха, невероятно далеко... Он сгреб ладонью с подоконника мокрые подтеки, размазал по лицу холодную воду и, захлопнув окно, вернулся к рабочему столу.

Можно было заставить себя усесться за работу над аспирантской. В сущности, материалы были уже почти все, утром Лиманский доставил еще новые...

Нет, не сиделось и не работалось. Да что такое, в самом деле?! Ну и расклеился!

Но вместо того, чтобы взбодриться, Игорь отволокеся в спальню и хлопнулся на кровать. Мысли сделались окончательно горькими. Никому он на фиг не нужен, вот и вся истина.

Странные мысли. Чужие какие-то.

С этим вялым соображением он отрубился...

...Игорь проспал недолго — часа три — и проснулся глубокой ночью. Дождь прекратился, Игорь видел, что во многих домах станицы горят огни — там готовились к завтрашнему... а, нет, сегодняшнему уже Новому Году. Он тоже забыл выключить свет...

Среди сообщений прибавилось несколько поздравлений — Игорь перебрал их лениво, решив прочитать потом. Набрал программу автоматических ответов. А может, слетать куда-нибудь на север соседнего континента — в места, про которые рассказывал Борька, где лежит настоящий снег, а его никто не знает в лицо? Прямо сейчас махнуть в Прибой, там потребовать «джет» — и вперед. К полудню можно забраться куда-нибудь, куда — не важно. Праздник-то будет везде, никто не спросит, откуда взялся еще один мальчишка...

Нет. Неохота. Вообще ничего неохота.

Честное слово, он сам от себя не ожидал такой обиды!

И неужели все большие дела для сделавшего их кончаются вот этим — усталым, обиженным одиночеством в кабинете с наградами и ненужными поздравлениями и приглашениями?!

В пятнадцать лет?!

НЕ ХОЧУ!!!

Но, наверное, сон все-таки помог. По крайней мере, Игорь вновь начал спокойно и деловито разбираться в происходящем.

— А ведь я, — сказал он вслух, — вовсе не из-за того дурака валяю, что мне обидно. Мне... мне просто скучно! — закончил он с удивлением.

Все, хватит, подумал Игорь. Так можно прийти к выводу, что ты есть непонятый всеми центр Вселенной, а всё остальное — плод твоего могучего сознания. Солипсизм называется. Праздники кончатся — пойду на улицу с табличкой "ИЩУ РАБОТУ!" Тому же Лиманскому не может не быть нужен еще один геолог. Или лингвист. Или военный инженер. Или оператор видеосистем. Или на худой конец фельдшер.

Приняв такое решение, Игорь слегка повеселел. В конце концов, он и вправду сделал свое дело и сделал хорошо... Покомандовал — теперь будет подчиняться.

Жаль только, что с ребятами они разошлись. И где же Светлана?..

...Если бы Игорь покопался в пришедших бумагах, среди них он бы обнаружил следующее сообщение:

Игорек!

Прости меня, но из-за тебя я жутко разругалась с матерью. Она пригрозила, что вообще выдаст меня замуж по своей воле — я, мол, еще несовершеннолетняя. Сейчас практически

прячусь, где — писать не буду, но в ближайшее время вернусь на Сумерлу, чего бы мне это ни стоило и что бы мне не твердили. КРОМЕ ТЕБЯ МНЕ НИКТО НЕ НУЖЕН, ТАК И ЗНАЙ! Даже и не думай ни о чем плохом; нам суждено быть вместе навечно.

Твой Свет.

...Но «Игорек» не полез в бумаги.

Пока не полез.

Вместо этого он разделся и лег спать уже как следует. За окном в по-прежнему промозглой ночи вдруг взлетели со свистом и рассыпались многоцветным сверкающим градом несколько ракет фейерверка. Кто-то или уже начал праздновать или решил просто опробовать запасы пиротехники.

"А все-таки я один, — печально подумал Игорь, укладываясь удобнее. — Как это, оказывается, тошно — быть одному! Скорей бы кончились праздники...

2.

Утром 31 просинца дождя не было, но облака висели буквально над головой — это Игорь увидел, едва проснулся и бросил взгляд в окно.

Потом он отчетливо понял, что в номере не один. Потянуло холодком; мальчишка цапнул, не спуская глаз с двери, кластерник с тумбочки, вскочил и на цыпочках бесшумно подошел к двери в зал.

Там сидел и жевал бутерброд Борька. На столе лежали какие-то сумки, и в них копался Женька, именно он, подняв голову, и сообщал — так, словно его сюда приглашали:

— Э, он проснулся.

— Ты что тут делаешь? — ошарашенно поинтересовался Игорь, сознавая, как глупо он выглядит — в трусах и с кластерником.

— Ем, — пожал плечами Борька и обернулся. — С наступающим. Иди одевайся скорей, а то сейчас девчонки вернутся.

— И Зиг придет, — напомнил Женька. — А, вот.

— Я что-то не пойму, — признался Игорь. — Вы что тут делаете-то?!

— Новый Год готовимся отмечать, — заявил Женька. — А ты что, против? Мы все равно не уйдем.

— Да нет, конечно, не против... — Игорь ощутил, как закипает в нем смешанная со смущением радость. — Но я...

Он замялся. Борька между тем запихнул в рот остаток бутерброда и спокойно заметил:

— Жень, а ты был прав. Этот идиот во дворянстве в самом деле думал, что мы про него забыли начисто.

— Думал, — согласился Женька, и они оба укоризненно уставились на Игоря: Борька через плечо, а Женька поверх сумок. — Нет, мы, конечно, всё-таки можем уйти. Можем, а, Борь?

— Вполне, — Борька встал.

— Ребята... — жалобно начал Игорь. Женька и Борис шагнули вперед, оказавшись по бокам и чуть впереди от него, к нему лицами. Переглянулись. И, улыбаясь, положили руки на плечи друг друга — и на плечи Игоря. Тот, помедлив, обнял их.

— Дурак, — сказал Борька. — Как ты мог так думать?

А Женька добавил с настоящей обидой:

— Мы же твои друзья! А ты наш командир!

— Уже нет, — вздохнул Игорь. — Это в прошлом.

— А в настоящем у нас — Новый Год! — засмеялся Женька, возвращаясь к сумкам.

— Похоже, я действительно дурак, — признал Игорь, исчезая в спальне. Вернулся он оттуда уже одетый и безоружный, совершенно неприлично для командира и дворянина веселый.

— Сейчас он начнет нас благодарить, — удовлетворенно заметил Женька. Он продолжал вынимать коробки, банки, пакеты и бутылки, чуть ли не обнюхивая каждый предмет.

— Не дождетесь! — возмутился Игорь. Борька захихикал:

— Неблагодарная свинья!.. О, девчонки пришли!

— Не только! — весело гаркнул от порога наряженный Санта Клаусом Зигфрид — он пер под мышкой пластиковый пакетище, который безо всяких вручил Игорю: — Хо-хо-хо! С праздником! Это тебе, и пусть новый год будет счастливым! Ты хорошо себя вел в прошлом году?

— Плохо, — вздохнул Игорь, не обращая внимания на подозрительную тишину, воцарившуюся вокруг (даже вошедшие девчонки и улыбающийся Степка, который волок сумку с пол-себя, примолкли и замерли), — Я дрался, ругался, поздно ложился спать, хамил взрослым и вообще... До чего было здорово!

— Молодец, плохой мальчик, — кивнул Зигфрид. — Подарок-то открой.

Игорь полез в сумку, пошарил в ней и выволок здоровенный — килограмма в полтора! — кусок отборного антрацита.

— Тьфу, забыл! — сплюнул Игорь под общий хохот.¹²

— Мальчишки, мальчишки! — голосила уже Катька, и Лизка с Клотти поддерживали ее частыми интенсивными кивками. — Мы тут подумали — давайте полетим встречать Новый Год на Черную Чашу, на острова! А? Хорошая ведь идея!

— Великолепная, — одобрил Женька, — особенно если учесть, что там нет ни фиги...

— Ну и что?! — возразила Катька. — Возьмем с собой хорошую палатку, к полудню будем на месте...

— ...искупаемся и позагораем, — с серьезным видом согласился Борька, поднимаясь на ноги. — Хорошая идея.

— А мне правда нравится, — вдруг сказал Игорь. Он в самом деле ощутил острое желание улететь из номера, где так немилосердно навалилась на него вчера тоска. — Вот что, вы собираетесь, а я договорюсь с Борисом Викторовичем о вертолете.

— У тебя тут бумаги не разобраны, — заметил Женька. Игорь отмахнулся:

— Потом посмотрю! Новый Год — так Новый Год, все!

* * *

Лететь на север над губернией было интересно. Внизу готовились к празднику — над каждым хутором, поселком, станицей в небе горели и переливались голограммы, то и дело взлетали и рассыпались огнями ракеты фейерверков. Над Прибоем вообще небо горело, как над Великим Новгородом, из общего сияния выплыли древние римские цифры — ССIII.

— Вот это да-а! — Степка не отрывал глаз от иллюминатора. Клотти устроилась возле него и тоже смотрела в окно. Женька вел машину, Лизка ему мешала. Остальные в салоне горланили шуточную песенку истребителей времен Галактической:

*Мы рождены, чтоб звезды сделать пылью,
Перемешать пространство и простор,
Нам разум дал, чего мы не просили...*

А дальше не очень приличное про «реактор» (с неправильным — для рифмы — ударением) и место, куда злокозненный разум его вставил.

¹² По некоторым западным обычаям под Новый Год можно придти в гости в любой дом без приглашения — достаточно принести с собой кусок угля и пожелать хозяевам счастья в будущем году.

И, если честно, то никто уже не вспоминал — не "не помнил", а "не вспоминал" — откуда взялась эта переделка. Когда выбрасывались на Сельговью десанты, именно русские под эту на ходу перекроенную старую песню атаковали зенитную оборону "восьмиугольника крепостей". Одними истребителями, потеряв четыреста двадцать из шестисот... Но зенитчики вынуждены были отбивать эту самоубийственную атаку — и десантные шаттлы сели почти без потерь. А песню с тех пор пели частенько — и уж совсем не так, конечно, как звучала она в те дни в эфире, забитом помехами, командами, призывами и воплями гибнущих, когда молодой отчаянный голос вдруг закричал — не запел даже — эти строчки, бесшабашно и вызывающе...

В честь тех пилотов была названа большая серия фрегатов, строившихся в последние годы войны...

...От Прибоя «камов» взял на северо-северо-восток, и вскоре под брюхом уже мелькали местами заштрихованные снежными зарядами волны Черной Чаши. Пару раз промелькнули катера — явно частные — а потом еще и серый патрульный ДЭК, с которого весьма строго спросили, кто там болтается наверху и куда их черт несет? Ребята заопасались, что их завернут, но этого не произошло.

— Да, у кого Новый Год, а у кого — работа, — философски заметил Борька.

— Завидую, — вздохнул Игорь и на минуту вновь погрузился в меланхоличное настроение, из которого вышел под воздействием воплей Зигфрида — воинственных, протяжных и жутких. Сперва Игорь подумал, что германцу плохо, но тут же выяснилось, что тот просто поет балладу на родном языке — юный дворянин понял, что в ней говорилось о том, как мальчик-сирота, выросший у добрых людей, влюбился в дочь смертельно больного херцога, но та в заботах об отце не ответила ему взаимностью, и мальчик отправился на войну, где погиб, а девушка, поняв, что потеряла, бросилась со скалы в залив сразу после отцовских похорон.

Игорь не рискнул спросить, серьезная это баллада или шуточная. У германцев не поймешь.

— Двести третий, — задумчиво протянула Катька, — каким он будет?

Степка, отвернувшийся от иллюминатора, закатил глаза и, вытянув руки перед собой, загробным голосом провыл:

— Я ви-и-и-ижжу-у-у!.. Вот оно, наше будущее! Мы все найдем свое счастье — кто как его понимает! — он подмигнул и уже со смехом добавил: — Лично мы с Клотти поженимся; исполнится нам по шестнадцать — и сразу. Этого вполне хватит для счастья, а?

— Конечно, — девчонка обеими руками обняла Степку, устроив голову у него на плече.

— Я не понимаю, — серьезным тоном, но делая остальным таинственные знаки, объявил Борька, — ну как ты там у них живешь? Они же спят на лавках.

— Да, — удовлетворенно подтвердил ничуть не обидевшийся Зигфрид. Клотти на слова Борьки вообще внимания не обратила.

— Это мелочи, — отмахнулся Степка. — Кровать я могу и сам сколотить.

— За нарушение обычаев они тебе руки отрубят, — злорадно заявил Борька.

— Это у него личное, — так же злорадно заметил Зигфрид, — после соревнований неделю назад. Он там тоже... спал, причем без лавки, а на пьедестале без него обошлись.

— Островок симпатичный! — заорал из кабины Женька. — Заходим?!

— Ты спрашиваешь или сообщаешь? — Игорь кинулся к иллюминатору. — Ага, сообщаешь... Эй, гулянка начинается!

3.

Тут, на семьсот километров северней станицы, снег шел капитально. Было около двенадцати градусов мороза, отличная новогодняя погодка, островок завалило снегом по

бедра, и мальчишки минут десять дружно махали лопатами из аварийки (пневмоподдува там не оказалось) под веселый писк из вертушки, где прочно обосновались девчонки. При этом сверху продолжало сыпать.

На расчищенном пятачке в несколько секунд выросла ярко-оранжевая «северянка», от входа в которую скоренько нарастили переходник к вертолету, чтобы не носиться по снегу. Пока мальчишки занимались этим, девчонки раскопегарили внутри печку на сухом топливе и развесили по углам «комнаты» мощные лампы, после чего занялись продуктами, а парни принялись выгружать пиротехнику и натягивать вдоль стенок гирлянды — скоро палатку заливали струи и спирали разноцветного огня, казавшегося живым. Игорь вытащил из вертушки блок видеосвязи и стал настраиваться на Озерный.

До полуночи оставалось еще больше десяти часов, но и дел предстояло немало. Предпраздничный день вообще бывает всегда самым хлопотным, это закон.

Вскоре в палатке стало достаточно тепло (в том числе и от мягко пружинившего под ногами пола), а вот снаружи разыгралась самая настоящая метель — как раз такая, о которой Игорь мечтал, сидя в южной слякотности. Стенки палатки временами подрагивали. Девчонки что-то готовили со свирепым видом, никого не подпуская близко и никому ничего не показывая и не объясняя. Озерный по всем ловившимся каналам транслировал концерты и комедии.

— Никаких новостей! — Женька плюхнулся в надувное кресло и несколько раз подпрыгнул. — Новость одна — Новый Год!

— Почему, — Игорь вдруг снова захандрил. — Есть еще одна... Светлана уехала и даже не сказал — куда... Так что зря мы с Войко хвостами трясли.

— Игорь, — Клотти, держа в руках какие-то пакетики, подошла к мальчишкам. Лицо у нее было серьезным. — Это ты зря. Совсем зря. Я ведь видела ее глаза. Никуда она от тебя не денется, не захочет просто...

— Эх, если бы так! — по-прежнему не очень-то весело отозвался Игорь. — Дайте-ка мне гитару, что ли... — он принял инструмент, на миг уставился в потолок...

— Бледный свет луны паутинный — 13

Пламенеет вино в бокале.
Тень сгустилась в раме картинной.
Шум шагов в нарисованной зале.
Свет свечи колыхнулся резко.
Где-то дверь закрылась со стуком.
Я ловлю промельк властного жеста:
"Да подайте мне, сударь, руку!"
Пальцы тонкие скрыты перчаткой.
В волосах — бриллиантов слезы.
Нет улыбки. Губы — печатью.
И глаза — холодней мороза.
Звуки вальса в ночном кабинете.
Я совсем танцевать не умею...
Но вот этой, живущей в портрете,
Я ни в чем отказать не смею.
Но, лишь только наступит утро,
На мою ладонь обопрется,
Поглядит жестоко и мудро —
И в свой зал дотемна вернется...

... —Признайся, что сам написал, — после короткой тишины негромко сказал Борька. Игорь, похлопав по корпусу гитары ладонью, покачал головой

— Нет... Это старые стихи. Я не знаю, кто автор...

— Дай-ка, — Степка забрал у Игоря гитару. — Все-таки праздник, хватит уж грустить-то!

— Ага, спой! — оживилась Клотти. — Он столько старых песен знает, даже в информатории их нет!

— Спою, спою, — пообещал Степка, налаживая струны. — Это новогодняя что ни на есть!

*Наша елка вся в огнях! ¹⁴
К нам на вечер приглашаем.
Новый Год уже в дверях.
Мы сейчас его встречаем!*

— Запоминайте припев, ну, потом подпоете!

*Наступает Новый Год!
Вот уж близко
дней веселых хоровод,
Дней подарков и хлопот!
Закружит веселье нас!
Выходи и ты смелее!
Пусть танцуем мы не вальс*

— Это только веселее! — припев, который в самом деле легко запомнился, подхватили все вместе, а потом Степка опять пел один:

*— В новогодний лес пойдем —
Там, где ели держат небо!
Всех влюбленных мы берем —
Неужели ты там не был?!
Наш российский Дед Мороз
Очень щедрый на подарки —
Из алмазов ставит арки,
Жемчугов сугроб нанес!
Снег пушистый за окном
Утром станет прошлым годом...
Так танцуй и пой сегодня —
Будь же счастлив завтра днем!*

— А пошли в хоккей сыграем? — спросил Степка, хлопком ладони глуша струны.

4.

Снег продолжал идти, но за мыском в полусотне метров от палатки удалось найти место, где быстренько очистили лед и с удовольствием принялись гонять тут же вырезанную из него шайбу. Задумчивое настроение исчезло, то и дело кто-нибудь падал, что увеличивало общую суматоху и веселье.

¹⁴ Стихи В.Верещагиной.

— Промокнете же! — время от времени кричал из палатки кто-нибудь из девчонок. Потом — махал рукой и нырял обратно. Когда ледяная шайба почти растаяла, Игорь предложил искупаться, но его не поддержали, и вся компания — действительно мокрая с головы до ног — ввалилась в палатку.

— Лу-жи-и!.. — исторгла трагический вопль Лизка. — С вас течет! Переодевайтесь!

— Сейчас переоденемся, — пообещал Борька. — Между прочим, ветер еще сильнее становится.

— А нам по фигу, — Женька вылезал из ветровки, которую предусмотрительно одел на свитер. Ему повезло больше остальных — свитер остался сухим.

— Я-то думал, мы будем цивилизованно встречать Новый Год у Игоря, — недовольно сказал Зигфрид. — А тут заснеженный остров. С меня и прошлого Нового Года хватило.

— А что с прошлым Новым Годом? — Игорь, подойдя к печке, протянул к ней руки.

— Мы его встречали на Пограничной реке, — пояснил Зигфрид. — Было минус тридцать семь и ветер с севера, а у нас сломался вездеход. Пришлось разбивать лагерь ночью и все поморозились.

— А мы их выручали, — дополнил Борька. — Тот еще был поход... убиться!.. А кто там будет воду вытирать?

— Мальчишки, — распорядилась Катька, — в желтой сумке — хорошее вино, тащите.

Женька влез в указанную сумку и достал одну за другой четыре тяжелых пирамидальных бутылки муската.

— Ого! Неужели с Земли?!

— Не-а, — Игорь принял одну бутылку, перевернул и чиркнул пальцем по выдавленному на толстом днище коду. — Компания Кларион Лимитед, вывезено с плантаций на Кенх.

— Кенх — это вроде бы планета-колония поларианцев, — вспомнил Зигфрид.

— Двойк по экономике, — вздохнула Катька, ухитряясь отобрать сразу все бутылки. — Англосаксонская Кларион Лимитед контролирует всю внешнюю торговлю Кенх... Мы специально с Лизкой в космопортовский магазин Озерного летали, там без пошлин.

— А время-то идет, — заметил Степка, посмотрев на комбрас. — У меня в голове все перепуталось: столичное время, местное, земное... Когда встречаем-то?!

— Да чему тут путаться, — хмыкнул Игорь, — встречают всегда по тому месту, где живут.

— Ну, в мое... короче, я видел и по-другому, — возразил Степка. — Кое-кто аж три раза ухитрялся встретить: по Гринвичу, по Москве и по местному.

— А с какой стати по Москве и по Гринвичу? — удивился Женька. Степка быстро и правдиво пояснил:

— Историческая реконструкция.

— А... Ну, у нас-то еще шесть с лишним часов.

— Если вам нечем заняться, — вкрадчиво вмешалась Катька, — то режьте печенку.

— Свежая, только вчера из иррузайца вырезали, — добавил Зигфрид и захохотал, когда Лизка изобразила, что ее тошнит, а потом заорал:

— Эх, гулял я в поле и косой махал — 15
Нэйкельского десантника на части порубал!
Таким я уродился, таким я и помру,
А всех Чужих поганых в порошок сотру!
Я вчера для бодрости сторков веселил —
Бросил в них ботинок, сорок штук убил!
Крысу я поймал, съесть хотел — кусается,

Лучше с ней пойдем и загрызем джаггайца!

- Это что такое? — насторожился Степка. Зигфрид ответил беспечно:
- Так, фольклор Первой Галактической.
- Не, по-моему, это раньше было, — задумчиво покачал головой Степка, — только не про нэйкельцев со сторками...
- Да какая разница, — отмахнулся германец...

...После этой вспышки шума стало почти тихо. Из четырех светильников погасили три — один оставили, потому что Катька неугомонно возилась у плиты, добавляя полстолько того, четверть столько этого, щепотку такого дольку эдакого... Остальные девчонки успокоились — все уже было фактически готово. Стерео продолжало работать, но его толком не смотрели — превратив кресла в один общий диван (точней — просто выросшую из пола спинку), валялись возле нее, как котики на лежбище Командорской Косы, слушая, как за стенками палатки воет уже настоящая метель.

- А вдруг это на несколько дней? — загробным голосом спросил Женька.
- Ну и фик с ним, — решительно отозвалась Лизка, — у нас еды полно, а потом откапаемся.
- А помните, как летом... — начала Катька, после чего обстановка на время оживилась за счет воспоминаний. Итог им подвел Борька:
- Все это в прошлом. Впереди — новая жизнь.
- Целая планета, — дополнил Женька. Игорь, положив ногу на ногу, возразил:
- Не будет у вас целой планеты, пока население не вырастет. Вам людей не хватает. И до тех пор власть наша останется чисто номинальной.
- Умный ты, — вздохнула Клотти, устроившись под боком у Степки. — Тебе бы надо генерал-губернатором быть.

— А то он про все это не знает, — проворчал Игорь, с легким стыдом вспомнив свои попытки советовать Довженко-Змаю. Впрочем — не такие уж и бестолковые... — Откуда он людей возьмет — родит?! У него дел и так хватает! Мы ему с нашей экспедицией свинью подложили — столько всего понаоткрывали, для экономики — рай, а разрабатывать и осваивать не с кем.

— А Объединенная Космическая Компания ему палки в колеса ставит, — возмущенно вспомнил Женька. — Налетчики... Явятся, похваляют верхушки, да еще местных против себя восстановят, а потом крик поднимают — де-"местные жители нас не хотят из-за реакционно-феодальной политики генерал-губернатора!"!

— Предыдущий генерал-губернатор, Моховой, был снят за то, что не уделял внимания границе, — вспомнил Борька. — Скандальная была история, я хоть и мелкий тогда был, а помню. А у Довженко-Змая проблемы из-за того, что он границе слишком МНОГО внимания уделяет. Ну и жизнь.

— Хватит о политике, — Катька уселась, наконец, скрестив ноги, рядом с Борисом. — Давайте про Новый Год.

— В нем политика займет достойное место, — серьезно заверил Борька.

В результате общий разговор распался по половому признаку. Мальчишки заговорили о чемпионате по лапте, девчонки — о мехах, которые привозят вабиска-охотники из княжества Кесьян за северными отрогами Второго Меридиана и модных зимних «бесформенках», который из них шьют в мастерской Соколова в Озерном. Печка рубиново светила в темноте, придавая всей обстановке некий интимный уют.

- Предлагаю сыграть в карты, — подал идею Зигфрид.
- И отключите связь, — попросила Катька, — ближе к полуночи врубим... Карты у кого?
- Знаете анекдот про парня из администрации уезда? — Женька полез в сумку. — Отец рассказывал... Ну вот. Нанимает он парня — по своему, пожарному профилю... Нанял.

Первый месяц, подходит срок жалованья — парень этот не приходит. Второй, третий — не приходит! На четвертый отец с ним связывается:

"Ты за жалованьем-то прилетай!" А тот удивляется: "За жалованьем?! А я-то думал — эрпэпэ дали, ну и зарабатывай по возможности..."

— Это не анекдот, — возразил Зигфрид. — Почти все служащие трясут вабиска сверх всякой меры.

— Ну, они собранное не себе в карманы кладут, — заметил Борька. — В очко играем?.. Незапланированное оборудование с неба не падает.

— Почему, падает иногда, если посадочной площадки нет, — серьезно заметил Игорь.

Какое-то время все молча прикупали и объявлялись. Лизка жизнеутверждающе мурлыкала новогоднюю песенку. Степка заставлял карты перескакивать из ладони в ладонь и бегать по руке (Игорь вспомнил: он рассказывал, что в их интернате был мальчишка, который научил остальных таким фокусам, а позднее погиб на Ставрополье). Играли по мелочи — пятаками и трюндалями, просто чтобы обозначить ставки, но игра никого особенно не увлекла и вскоре карты побросали. Лениво валяться на мягком, негромко разговаривать ни о чем или просто молчать, оказалось привлекательней. По временам: начинала пощелкивать система принудительной вентиляции — похоже, палатку занесло-таки с верхом.

Игорь и сам не заметил, как заснул, сунув руки в карманы спортивных штанов. Причем спал он гораздо крепче, чем ночью (очевидно, сказались отсутствие переживаний и хорошее настроение) — проснулся под общий смех от того, что кто-то из девчонок аккуратно рисовал ему на лбу маркером "третий глаз". Проснувшись окончательно, Игорь понял, что это и правда выглядело смешно — во сне он вытащил руки из карманов и сложил их на животе, а подбородок упёр в грудь, из-за чего стал очень похож на уцелевшие после Третьей мировой, Безвременья и Серых Войн статуи среди развалин буддистских храмов Юго-Восточной территории.

— Шутники, — проворчал Игорь, отбирая маркер и садясь прямо.

— Скоро десять, а ты все дрыхнешь и дрыхнешь! — засмеялся Женька.

— Десять?! — Игорь посмотрел на комбрас. — Ого, вот это я дал!

— Да мы почти все спали, — пояснил Степка. — Еще немного — и новый год встречало бы сонное царство.

Транслировался последний в этом году концерт, состоящий исключительно из новогодних песен. В концерт то и дело вклинивалась станция плавучего города — очевидно, Вольный дрейфовал или передвигался к берегам материка. Игорь — селектировал канал Озерного. Все находились в нервно-приподнятом состоянии, которое сопровождает ожидание близкого праздника.

Потом качал, снова неожиданно потерялся и, пока Игорь настраивал его заново, Борька дотянулся до гитары — и в палатке прозвучала не совсем новогодняя печальная местная песня...

— Весенней порой предрассветною. ¹⁶
Когда сосны еще клонит ко сну,
Глухарь поет свою песню заветную,
Непонятную песнь про весну...
Слушал мальчик его — а под соснами
Лесом ползало эхо молвы,
Что опасность приносится веснами...
Он не слышал щелчка тетивы.
Просто небо качнулось и треснуло,

¹⁶ Переделка стихотворения В.Крапивина.

*На куски разлетелось все,
Рассыпая в долины окрестные
Голубые осколки озер.
Эхо крика меж мягкими лапами
Убежало, гуляв полдня.
(Гухх качнул головой мохнатой —
И вабиска унес в березняк).
Болт ударил снизу и сбоку.
Закружилось вдруг колесом
Густо-синее небо глубокое,
Рассыпаясь средь черных лесов.
Попытался шагнуть.
Ну где там...
(А ведь было совсем легко.)
Под пологом разлапистых веток
Рухнул — молча, на месте, столбом.
Падал, падал. Падал. Долго...
(В горле кровь — как неслышимый крик.)
Вот и все.
А за дальними елками
Продолжали петь глухари.*

— Это правда было, — сказал Женька, видя, что Игорь, Степка, Зигфрид и Клотти молчат вопросительно. — Когда мы только сюда переселились, весной, недалеко от Водопадного Нагорья... Парня звали Сашка Тропкин... Ну, Игорь, включай там что повеселее!

Палатку снова заполнила веселая музыка. Мальчишки, готовясь к салюту, стали распаковывать пиротехнику.

— Надо откапываться, — сообщил Игорь, влезая в ботинки на меху и куртку.

— Кто со мной?

— Пошли, — Борька подхватил вторую лопату. Мальчишки исчезли в тоннеле, и через пять, не больше, минут со стороны вертолета донесся их крик:

— Эй, идите сюда!

— Скорее давайте!

На ходу обуваясь и натягивая куртки, все ломанулись в переходник и через освобожденную дверь вертушки повыскакивали на снег.

Ветер и метель улеглись полностью. Всё кругом занесло белым. Мороз усилился, воду у берега схватила льдом. От света Адаманта на успокоившейся поверхности мелко дрожали блики. Мохнатые звезды шевелились в холодном ночном небе, а на севере у горизонта переливался хрусткий радужный занавес Северного Сияния, крайне редкого в этих местах. От красоты, открывшейся глазам нашей восьмерки, нефигурально захватило дух.

— Вот это новогодняя ночь, — удовлетворенно заметил Зигфрид. — Смотрите терминал! А вон корабль возле него, вон, смотрите!

— Ага, вижу! — подпрыгнула в снегу Клотти. Остальные — даже Игорь — как ни старались, не смогли различить возле алой звездочки огонек корабля. — Когда-нибудь я буду водить такие!

— Девчонка-пилот? — не то усмехнулся, не то ужаснулся Борька. А Игорь огорошил, как ему казалось;

— Тебя в Гагарин не возьмут.

— А я знаю, — спокойно ответила германка. — Я пойду в космофлот какой-нибудь компании. Русской Колониальной, например.

— Консервы возить, — фыркнул Женька. Клотти пожала плечами:

— Ну и что? Консервы в контейнерах. А я — в пилотской рубке. Завидуйте все. И не говорите мне, что не бывает женщин-пилотов.

— Ну вообще-то бывают, — согласился Игорь. — Мало, но есть.

— А холодно, — поежился Степка. — Вон та — что за звезда?

— Эпсилон Оленя и звезды-спутники, — пояснил Борька. — Огненный Венец, как их тут у нас называют.

— Красиво, — Степка обнял Клотти. — И похоже... С Земли их не видно, кажется.

— Пошли, правда холодно, — Лизка, прижимавшаяся к Женьке, тоже pokrutila плечами. — И Северное Сияние погасло... Пошли, пошли!

Почти все вернулись внутрь. Но Игорь еще какое-то время стоял, то разгребая снег незашнурованным ботинком, то поглядывая на небо. Вдали — очень-очень далеко — лежали на нем отсветы Прибоя, а где-то на побережье горел костер. Неужели кому-то еще пришла в голову фантазия отмечать Новый Год "на природе"?

Игорь вдруг почувствовал, что у него намокли глаза. Непривычно и, пожалуй, стыдно... но никто же не видит.

— Мам, пап, здравствуйте, — сказал он, глядя на звезды. Коротко вздохнул. — У меня все ничего, все нормально... только я хотел бы увидеть вас...

Он закрыл глаза и вспомнил зал и разрезанное яблоко в руке преподавателя аутотренинга...

"Круг — символ круга, который описывает над нашими головами Солнце.

Пятиконечный крест в сердцевине разрезанного пополам яблока — означает основные положения солнца на севере, в древнем Туле, откуда вышли наши предки после Великого Потопа.

Разрезанное яблоко — пятиконечный крест в круге. Символ вечности.

Когда вы, мальчики, увидите в разрезанном яблоке весь наш мир — мы продолжим занятия. Смотрите. И помните: ничто не уходит в никуда и не появляется из ниоткуда."

Игорь поднял руку и быстро начертил на фоне звезд три руны — "руны волшбы." Серебристый след пальца на миг обрисовал их в небе, потом — растаял, мерцая, как след частицы на экране осциллографа.

Стало намного легче. Игорь прикрыл глаза вновь, потом открыл их. Нет, надо браться за дело. Сразу после праздника. Иначе никакой аутотренинг не поможет...

...— Где ты там ходишь?! — встретил Борька друга. — Садись, уже скоро!

В самом деле — Новый Год накатывался с неотвратимостью прилива. Девчонки начали расставлять блюда на разложенном мальчишками столе, туда же водрузили бутылки, кто-то искал стаканы. Зажгли все лампы. Женька увеличил громкость — как раз навали показывать картинки Земли — Аркаим, памятник воинам России, елка на Сенатской площади, флаг над императорским Зимним Дворцом в Великом Новгороде... Все замерли, только Степка поспешно разливал вино — на экране появилась запись обретения Его Императоре кого Величества. Знакомые и вообще-то дежурные слова зазвучали в палатке, но их все равно слушали внимательно — за ними слышалась искренняя гордость монарха своими подданными. И, когда прозвучали последние слова, традиционные слова — "храни нас наша вера, будьте счастливы, друзья!" — Игорь пружинисто встал и чистым голосом запел, опережая хор на экране:

— *Рощ березовых нежные краски, 17*
Синь озер, журавлиный полет —
Как прекрасно, что это не сказка!
После сумрака будет восход!

— и остальные, тоже вставая, подхватили:

*— Из венца Побеждающей Девы
Ты упала на землю для нас,
Ты чиста среди грязи и гнева,
О Россия — небесный алмаз!..*

...— Три! Два! Один!.. С Но-вым Го-до-о-ом!

5.

Две из четырех бутылок «уговорили» очень быстро за каких-то полчаса — получилось по два стаканчика на человека. Все пришли — не от вина, а от общего настроения — в расслабленное состояние и валялись на «диване». Потом как-то вяло пошли запускать фейерверк, но когда первые ракеты, взмыв на разную высоту, брызнули разноцветным пламенем, началось оживление с воплями и прыжками, тут же перешедшими в перебрасывание снежками. Впрочем, Женька в снежки играть не пожелал, а запускал новые и новые ракеты. Так это Игорю и запомнилось — они перебрасываются снежками под разноцветным сиянием, льющимся с небес, и Катька кричит, заливаясь смехом: "С тобой неинтересно, Игорь, ты все время попадаешь!" Кажется, он и правда попадал чаще остальных, но дело было не в этом, а в том, как здорово, спеша, уворачиваться от чужих снежков, нагибаться, подхватывать слишком сухой, рассыпающийся снег, лепить из него плотный комок, бросать, снова уворачиваться...

...Падающей звездой догорела последняя ракета. Восемь человек на истоптанном снегу все еще смотрели в небо.

— Новый Год, — задумчиво сказала Клотти. — Пошли внутрь, я опять есть хочу.

В палатке снова пришлось переодеваться и рассаживаться у стола, на котором еще стояло полно всего и не все еще остыло. Игорь навалился на отбивные, делая из них бутерброды — один кусок хлеба, ломоть мяса, второй кусок — и зелень. Одновременно он наворачивал салат с местными крабами и горошком, неэстетично облизывая ложку. Кое-кто уже отвалился от стола, а Катька с Борькой пели новогоднюю песенку — простенькую, о снеге и о том, как здорово, что на свете есть зима.

— Очень неплохо, — заметил Зигфрид, когда они допели. — Но у меня получится лучше. Вот, послушайте...

— Погоди, погоди, — вдруг перебил его Женька, сидевший ближе всех к экрану. — Тут что-то с аппаратом.

— Да ну и выключи его вообще, — нетерпеливо посоветовала Лизка.

— Стой, стой! — Игорь оторвался от салата и почти прыгнул к экрану. — Это не неполадки... это кто-то нас вызвать пытается! Ну-к...

Он быстро переключил режимы. Экран «поплыл», изображения, то становясь моноплоскостными, то вновь обретая объем, сменяли друг друга; на какой-то миг появилось лицо херцога фон Брахтера с шевелящимися губами, в профиль... но в следующую секунду возникло отчетливое лицо молодого парня в форме охраны латифундии Довженко-Змая — секунду он смотрел в глаза Игоря, потом отвернулся (Игорь узнал мелькнувший кабинет генерал-губернатора во дворце Озерного — ничем не украшенный, но с людьми, сидящими у круглого стола со множеством работающих компьютеров) и закричал:

— Сергей Константинович, вот он!

— Интересно, — признал Игорь, недоумевающе покосившись на друзей, но тут же вновь повернулся к экрану — на него смотрел генерал-губернатор, и лицо Довженко-Змая было недовольным, обрадованным и озабоченным.

— Ну наконец-то! — выдохнул он.

— С Новым Годом, — поприветствовал его Игорь. Генерал-губернатор посмотрел дикими глазами, пошевелил губами и спросил:

— Ты где?! Тебя уже три часа ищут!

— Я? — удивление Игоря росло. — Вообще-то я отмечаю...

— Ты что, не читал последних сообщений?! — выкрикнул генерал-губернатор.

— Ну... — Игорь подумал, что он не только последних сообщений не читал он уже двое суток не разбирал почту. — Нет.

— Кретин, — обреченно произнес Довженко-Змай. — Ты что, считаешь себя в отпуске?!

— Да, — честно ответил Игорь.

— Где ты находишься, саботажник?! — взревел генерал-губернатор. Бросил взгляд куда-то вбок. — А, вижу пеленг...

— По нам сейчас выпустят ракету? — осведомился Игорь.

— А, так ты там со всей своей бандой?! Ты мне срочно нужен, понял?

— Нет, — с определенным садизмом отозвался Игорь. — Я свое дело сделал — что еще?

— Ты смотрел карты, которые я тебе прислал?

— Листал, — признался Игорь. Видно было, что Довженко-Змай тяжело перевел дух, потом почти въехал в экран:

— Слушай внимательно. Очень внимательно. И делай выводы, как ты это умеешь. Через двое суток в Озерном начнут приземляться катера с переселенческих кораблей «Слейпнир», "Пегас" и «Беллерофонт». Двадцать пять тысяч — слышишь, двадцать пять! — переселенцев из Забайкалья и с Балкан. Семнадцать тысяч из них определенно ориентированы отправиться к Третьему Меридиану, к твоим Зубастым Горам!

— Иррузаю и Аллогуну конец, — вырвалось у Игоря. — Это перережет им глотку... но... двадцать пять тысяч!

— Именно поэтому мне нужен ты! Мне нужен порученец, на которого я смогу возложить ответственность за работу с переселенцами на новых землях. Это минимум две новых губернии, а у меня даже — людей на должность губернаторов нет! У меня всего трое капитанов, а нужно шестеро минимум! Игорь, — генерал-губернатор покачал головой, — если ты не согласишься, то я тебя просто мобилизую.

— А ни фиги подобного, — ответил Игорь, чувствуя, как охватывает его бешеная радость, — мне до совершеннолетия еще почти три месяца, по-вашему, по-здешнему — пять. Я вообще могу тут лечь и лежать до конца зимы. Хорошая компания и продуктов хватает. А ты мне что предлагаешь — снова шею ломать? Согласен, конечно.

— Сможешь к полудню быть тут, у меня? — быстро спросил генерал-губернатор, делая какой-то жест назад.

— Буду, — Игорь хотел спросить, когда ожидается начало переселения, но Довженко-Змай уже выключился.

— С Новым Годом, — поздравил Игорь экран. И повернулся к остальным: — Так. Где-то в вертушке есть снегоход. Мне надо в Прибой.

— Попраздновали, — объявил Женька, вставая. — Пойду готовиться к взлету.

"А ведь теперь действительно — с праздником!" — подумал Игорь весело.

* * *

Интерлюдия: Первооткрыватель 18

*"Уходить отсюда глупо — дальше лишь пески и горы," —
Говорили, я и верил: такова моя судьба —
Запасать зерно в амбарах, скот пасти, чинить заборы
В деревушке, за которой обрывается тропа.
Но внезапно я услышал голос внятный и певучий,
Повторялся Вечный Шепот днем и ночью: "Впереди
Что-то ждет тебя. Не бойся. Поищи за дельней кручей.
Отправляйся и отыщешь. Что-то ждет тебя. Иди!!!"
И решился я покинуть край знакомый и обильный,
Лошадей навьючил молча и ушел до темноты;
Вера, хоть и движет горы, показалась мне бессильной
В ту минуту, как увидел я провалы и хребты.
Пядь за пядью, шаг за шагом, опираясь на железо,
Шел я вверх, хрипя от жажды, забывая отдохнуть;
И однажды на ночлеге — ниже льда и выше леса —
Я почуял вольный воздух и подумал: вот мой Путь!
В эту полночь я лишился лошадей, питья, съестного
И назвал мою стоянку кратким именем БЕДА.
(А теперь там полустанок.) И раздался Шепот снова:
"Отправляйся и не медли. Там твой путь — иди туда!"
Вот тогда-то я и понял, Чья Рука меня хранила.
Только миг я сомневался, и роптал, и горевал:
Я ведь мог еще вернуться!!! Но...
Он знает, КАК мне было... Я решился... Да, решился — и
осилил перевал.
Рыхлый снег сменили травы, а потом — цвели алоэ,
А потом возникли рощи и послышалась река;
А за ней была пустыня — небо жаркое и злое,
И вокруг до горизонта — ни куста, ни родника...
Помню редкие привалы, помню пламени шипенье,
Помню лица и фигуры, проступавшие в дыму,
Помню, я швырнул в них камнем — и отпрянули виденья:
"Отправляйся и отыщешь!" — мне послышалось сквозь тьму.
Помню, как терял рассудок. Помню, как я призывал их —
Этих странников бесплотных, убеленных, сединой.
Но пришел конец пустыне, полной призраков усталых...
Я не раз глядел без страха, как они брели за мной.
Я все шел. Передо мною путь бескрайний простирался,
И знакомый властный Шепот не смолкал в моих ушах...
Я нашел, еду и воду, отдохнул и отоспался.
И вступил в иную землю. Это был последний шаг.
Я вздохнул и огляделся — и забыл про все мытарства,
День за днем и ночь за ночью находил — и вновь — искал.
Как Саул по воле бога не ослов нашел, но царство —
Так и я по Божьей воле то обрел, о чем не знал.
Шел я по горам враждебным, где лавины спят на кручах,
По нетронутым долинам, где руду хранит земля, —
И расслышал за холмами бормотанье рек могучих,
Рассмотрел за ближним лесом неоглядные поля!*

*Видел травы луговые — пищу будущим отарам;
И очерчивал границы для грядущих городов;
Видел бешеную реку, силы тратящую даром,
Лес, готовый для повала, почву, ждущую трудов.
Знаю, кто добудет славу. Тем, кто отправлялся следом,
Мной оставленные меты заменили глазомер;
Я торил для них дорогу — и другой им путь неведом.
Тот, кто шел за мною следом — он и будет пионер!
Вновь очертят те границы — но не те, что я наметил.
Вновь откроют те же реки — но не те, что я нашел.
Разглядев мою стоянку, мне покажут, где я бредил.
По моим ориентирам мне укажут, как я шел.
Вот железо, медь и уголь; рядом — водная дорога;
(Сэкономите на рельсах!) лес, куда хватит глаз.
ОН лелеял эту землю и берег ее до срока,
А потом послал мне Шепот. Я нашел ее — для вас!
ВОТ ОНИ — "ПЕСКИ И ГОРЫ!"
ВОТ — "ДА ТАМ НЕ ВЫЖИТЬ СРОДУ!"
ВОТ — "ИДТИ ОТСЮДА ГЛУПО,
ТАМ НИ ДЕРЕВА. НИ ПНЯ!"
Нет ни в чем моей заслуги,
Это — Божий дар народу! Каждый мог дойти!..
...И все же — Вечный Шепот вел МЕНЯ!*

* * *

Вертолёт летел над полосой низкого бурана, в чистом небе с россыпями близких звезд и полным Адамантом, дававшим красивые алые отблески. Не так уж долго оставалось до утра, хотя еще было совсем темно.

Игорь вел вертолет сам — остальные спали в салоне, навеселившись. Он слегка ворочал управлением и думал, что зря не разобрал почту, потому что — сейчас он был в этом уверен — где-то там лежала весточка от Светланы. Не могла не лежать. Потому что, потому что... потому что Новый Год — это все-таки праздник.

Праздник — отдых перед новой интересной работой.

6.

Тяжелый минский фургон — такие чаще всего используют переселенцы — урчал лебедкой-самотаском. Выпряженные тяжеловозы, пофыркивая, стояли неподалеку, по их шкурам стекала вода, превращая кожу в атлас; рядом с конями стояли несколько женщин и девочек. Шестеро мужчин и подростков подкладывали под колеса фургона ребристые сетки. За плечами у них висело оружие.

Игорь стоял возле деревьев на тропе — там, где фургон сполз под откос. Ранец-вертолет заставлял его чуть нагибаться вперед, руки он держал на ИПП, висящем поперек груди. Капюшон куртки был откинут, по волосам, как по шкурам тяжеловозов, бежала вода. Типичный для этих мест зимний дождь хлестал по раскисшей земле, сёк деревья. Ручей под откосом распух и громко рокотал, подмывая берега.

Больше всего Игорю хотелось спать. Он ощущал, что опухли веки — первый признак злоупотребления спорамином. По таблетке каждые шесть часов уже четвертые сутки, и через полчаса закончится действие очередной таблетки; до них — четверо суток на чистой воле.

Уже больше недели, как он глаз не сомкнул. И почти не присаживался...

...Семнадцать тысяч переселенцев двигались тремя потоками — по четыре, семь и шесть тысяч человек, под охраной Алых Драгун и охраны Довженко-Змая. Первый поток двигался южнее Пограничной реки на север, к излучине Пограничной и Дальней, фактически через зону боев — там Игорь бывал чаще всего. Второй поток шел к Многоструйной с территории Прибойной губернии. Третий, огибая Пески, двигался с территории латифундии Довженко-Змая на юг, в совершенно еще неисследованные земли. Каждый из потоков делился на десятки ручейков. И каждый из ручейков был — люди, и с каждым из этих людей могло что-то случиться...

...— Сейчас вытянем, — Хлопов-старший подошел к Игорю. Он тоже был мокрый и измученный — Игорь вдруг с усмешкой подумал, что земляне — это все-таки раса безумцев. Ну что ему не сиделось в своем Усть-Илимске?.. А тебе, Игорь Вячеславович Муромцев, дворянин Империи?.. А всем остальным, черт побери?.. — Выпьете чаю, кофе или, если хотите, отдохните у нас... — Отдохну, — неожиданно для самого себя сказал Игорь и, тяжело шагая, пошел к фургону, чувствуя, что отрубается на ходу. Если честно, он не помнил, как снимал ранец и снимал ли его вообще...

* * *

— Ясно вижу, на контркurse — два фрегата, боевой транспорт, двадцать истребителей! Повторяю, мостик! На контркurse сторки! Два фрегата типа Хат, боевой транспорт — опознано! — "Сторра дан", скорость сорок махов... двадцать тяжелых истребителей типа шесть, скорость шестьдесят! Шестьдесят! Шестьдесят! Сторки! Расстояние...

"Ррррраа... ррррраа... ррррраа..." — захлебисто и страшно взвыли колокола громкого боя, наполняя истошным криком помещения эсминца, и люди, бросая сон, занятия, еду, неслись по местам боевых вахт, на ходу вскакивая в скафандры, врубая баллоны боевого питания. «Беспощадный», до той поры казавшийся щукой, в дремоте дрейфующей по течению, ожил. С его поста связи вырвался ослепительный луч и, меняя цвет, дал серию вспышек: белый, золотой, пропуск, белый, золотой, пропуск...

Я — Земля. Я — Россия.

Из космоса впереди, из неразличимой для человеческого глаза, но про низанной локаторами дали, вырвались мечи голубого и алого пламени.

Я — Сторкад. Атакую!

На дальномерном посту "Беспощадного", на экранах, сигналы преобразовались в изображение. Наваливался гигантский — не меньше километра — "Сторра Дан", переделанный из грузовоза боевой транспорт, с палубы которого стартовали еще не все «шестерки». Прикрывали его похожие на граненые наконечники стрел фрегаты. Далеко впереди мчались два десятка истребителей, до смешного похожих на детские самолетки из бумаги — в своем любимом строю, в «щипцах», привыкших с кровью выхватывать из боков неповоротливых конвоев корабль за кораблем...

Игорю вспомнилось, как он сложил из листка с задачами такой вот самолетик, запустил его, и они с Риткой стояли у окна третьего этажа, смотрели, как тот кружит и кружит над школьным двором, под прозрачным небом, то снижаясь, то взмывая, но никак не желая падать — так было красиво, и Ритка смеялась...

Ее родители погибли именно в тот день, как позднее оказалось. Оба, сразу — сгорели со своим крейсером "Черная птица". В том же сражении погиб его, Игоря, отец, штурман эсминца «Разящий». А через полтора месяца, когда он заканчивал обучение на курсах дальномерщиков, ему сообщили, что Ритка осталась где-то в развалинах Сельговии...

— Ссссукии... — процедил Игорь, наваливаясь скафандровой маской на нарамник. — Семь, девять, семь, семь, семь, шесть!

Он не видел, но знал, что металлические пальцы мичмана Панченко сейчас бегают по клавишам — и главный калибр «Беспощадного» получает данные — разворачиваются длинные стволы плазменных пушек, нащупывают цель...

— Попадание! Попадание! — кричал старшина Шверда. Но Игорь и сам видел, как два истребителя разлетелись ослепительными брызгами, и засмеялся зло, слыша, как Панченко проревел:

— А-а! Это вам не Антарес!¹⁹

Орудия и ракетные батареи «Беспощадного» гремели дружными залпами. Но сторки не были трусами даже на кончик ногтя. Истребители разошлись «косой» — страшной, похожей на лезвие косы смерти — и продолжали атаку.

— Три, три, два, три, один, три! — кричал Игорь. — Три, два, один, один, три, три!

— Попадание! — откликнулся Шверда. — Стартуют еще!

— Игорь, на правый фрегат! — скомандовал Панченко. Мальчишка разогнал нарамник, с выворачивающим нутро сладостным чувством поймал зеркальный борт.

— Три десятки, девять, девять, восемь!

— А-а-а-а! — снова заревел Панченко. — Есть! — опережая Шверду, подтвердившего: — Попадание!

Экран расплылся радужным пятном. Игорь включил очистку, отражая атаку службы помех — наверное, со "Сторра Дан" — и продолжал давать цифры, мыча от наслаждения, когда борт фрегата расцветал вспышками, из которых белыми струями и пузырями брызгал воздух — главный калибр эсминца крепко поймал сторка, и тот вдруг начал проваливаться, падать в космос, вращаясь сразу по всем осям...

— Готов! — ликующе заорал Шверда.

Нестерпимый, палящий, сводящий с ума алый свет брызнул в лицо Игорю из нарамника...

...Внешняя связь скафандра доносила до его слуха истончающийся безумный свист. Игорь лежал на боку и смотрел прямо в космос с огнями звезд. Самая ближняя тянула к нему огненные щупальца.

Он перевалился на спину, раскинув руки. Стены поста на глазах покрывал длинный игольчатый иней, очень красивый. Над лежащим юнгой проплыл Шверда... часть Шверды, потому что остального — по пояс — не было. Стекло шлема изнутри покрывал такой же иней, как на стенах. Рядом плыли какие-то алые комья и снежинки. Все это, медленно вращаясь, уплыло в космос через огромную дыру во фронтальном борту — точнее, его просто не было, и Игорь смотрел в бездну именно через этот провал. Туда же свисал остаток его рабочего поста. Из дальнего сочилась, тут же застывая, оптическая жидкость

Потом через это пространство за бортом, которого больше не было, совсем близко пронесся истребитель, его преследовали очереди зениток — Игорь понял, что бой идет всюду.

Он поднялся, утвердил сапоги, включив магнитные захваты, на палубе — его было потянуло в космос. Внешних звуков больше не существовало, только тихо шипел в шлеме поступающий из баллона кислород.

Рубка была разбита почти взрывом. Панченко застрял в неудобной позе между своим столом и стеной, покачиваясь, как воздушный шарик — от старшины непрерывно тянулись нити замерзающего воздуха и... и крови.

Тяжело ставя ноги, Игорь подошел к старшине и почти без удивления увидел, что ног у того нет — край стола отрубил их ниже колен. Оттуда и шли воздух и кровь... но не только. Осколок брони наискось вспорол баллоны старшины, и они "травили".

¹⁹ В сражении у Антареса сторки уничтожили Шестой флот Земли, позднее зверски расправившись с почти двадцатью тысячами подобранных землян, чего раньше не отмечалось в Галактической войне ни за одной из сторон.

Качаясь из стороны в сторону, мальчишка подошел к двери, коснулся ее — просто так, на ней горел алый огонь блокады. Пораженные помещения блокируются, если борт не в силах самовосстановиться. И это правильно... хотя в них иногда остаются живые люди.

Как сейчас.

Достав трос, он туго перетянул повыше колен штанины скафандра старшины — тот перестал терять воздух и кровь и открыл глаза. Взгляд, плавающий и безразличный поначалу, стал осмысленным, Панченко сделал слабый жест рукой, и Игорь наклонился к его шлему, прижавшись своим.

— Сынку, — тихо сказал Панченко. — Перетащи меня до аварийки, а сам ховайся в шкаф. До сидишь до конца, шкаф прочный, ще не то сдюжит... ты только меня перетащи, а то калибр-то молчит... загинут наши...

Игорь отстранился. Губы Панченко шевелились, но он больше не слыша ничего, да и зачем? Юнга осмотрел баллоны старшины — они оба были повреждены — и, перекрыв вентиль своего левого, отсоединил его. Действуя быстро и заученно, Игорь снял со старшины поврежденные баллоны и, подсоединив свой, с удовольствием заметил, что Панченко глубоко вдохнул. Одновременно он попытался поймать левой рукой юнга, но тот уже отошел в сторону. Потом вернулся и решительно отбуксировал старшину в стенной шкаф. Тот пытался оттолкнуть мальчишку, но сейчас, конечно, был слабее. Намного. Игорь запихал его в шкаф и запер дверцу.

Старшина рассказывал, что в Карпатах у него жена и две маленьких дочки.

Один баллон, уже начатый. Его хватит часа на три. Потом — резервный патрон на полчаса. И еще минут пять дыхания тем, что в скафандре.

Конечно, до них доберутся за это время. Вытащат, нечего и говорить.

Игорь включил аварийку и удовлетворенно кивнул, когда экраны ожили. Вставил в разъем кабель связи и услышал голос командира корабля.

— ...кто?! Ответьте!

— Юнга Муромцев, даль-пост главного, — по-прежнему очень спокойно ответил мальчишка. — Пост уничтожен. Старшина Шверда погиб. Старшина Панченко тяжело ранен; мною ему оказана первая помощь. Воздуха на посту нет, аварийное оборудование работает, товарищ кап-два.

Кавторанг секунду изучал лицо подростка. Потом сказал:

— Муромцев, нас атакуют. Если успеет подойти их второй фрегат, без главного калибра нас добьют. Вы можете обеспечить работу поста?

— Да, товарищ кап-два, — кивнул Игорь. — Пост будет работать.

— Отлично, — кавторанг вдруг моргнул и тихо-тихо сказал, словно не было боя и не били по эсминцу враги, грозя уничтожить его в любую секунду: — Сынок. Прости нас, сынок. Сделай все, как надо. Все на тебя надеются... прости нас, мальчик, но иначе уже никак...

...— Пять! Пять! Шесть! Шесть, три, четыре! — вслепую Игорь задавал данные, одновременно считывая их и сам для себя фиксировал: — Попадание! Четыре, четыре, три, два, два, один — получай, мразь! А-а, горишь, гадина, горишь! Мостик, принимайте!

— Давай, сынок! Давай, юнга! — кричал кавторанг, удерживаясь обеими руками за поручни кресла — на мостике тоже был ад, в котором мельтешили люди. Давай на "Сторра Дан", мальчик!

— Пять! Пять четверок!.. Пять! Пять! Четыре четверки!.. Есть! — крикнул Игорь и захлебнулся от боли — летевший со скоростью пули осколок борта вспорол ему левый бок.

Он прижал локоть к разрыву, ощущая жуткое — как Космос вытягивает из него воздух, кровь и жизнь. — Мо... стик... четыре... четыре, пять, три, два, три... бейте... — и засмеялся, когда увидел, что левая палуба транспорта встала дыбом, подброшенная взрывом: — По... падание...

— Сынок, что с тобой?! — кричал кавторанг. — Что с тобой, сынок?!

— Меня немного... ударило, ничего... — Игорь, скорчившись, зажал рану и теперь лежал боком на пульте. — Принимайте, не отвлекайтесь... пять единиц, два — бейте его!..

...Когда через сорок минут аварийная группа со всеми предосторожностями, но быстро вскрыла пост — Игорь был еще жив.

В госпитале эсминца его все-таки удалось спасти.

* * *

Фургон покачивался на мощных амортизаторах, как гамак. Игорь не сразу сообразил, что лежит на откидной койке в носу, там, где обычно устраивают в этих передвижных домах спальни. Куртку и сапоги с него сняли — вещи, ранец, оружие и снаряжение лежали тут же, на полу. На второй откинутой койке, уткнувшись друг в друга носами, спали двое мальчишек-близняшек лет по семь-девять. Больше в комнатухе никого не было, но из-за низкой двери в ногах доносились голоса.

Первое, что Игорь понял — он проспал больше десяти часов. Взгляд на комбрас подтвердил его ощущение. Игорь хотел вскочить... и остался лежать. Лениво набрал на комбрасе код личного канала и подождал, пока пройдет соединение через инстанции.

— Привет, — не без удовольствия сказал он появившемуся на экране генерал-губернатору. — Знаешь, а я сплю.

— А я тоже, — Довженко-Змай без стеснения широко зевнул и улыбнулся. — Отдыхай. Похоже, что самое трудное мы снова сделали.

— Ну и хорошо, — согласился Игорь. Несколько секунд они смотрела друг другу в глаза — Игорь почти спросил: "А как Светлана?" Но не спросил, и генерал-губернатор, повторив: "Отдыхай," — отключился.

Игорь потянулся — с наслаждением. Прикрыл глаза — не потому, что собирался спать вновь, а просто с закрытыми глазами лежать было приятнее. Вспомнился виденный сон — и помешал все-таки уснуть вновь, а кроме того Игорь ощутил чей-то любопытный взгляд и приоткрыл глаза.

Тот мальчишка, который лежал с краю, спрятавшись под одеяло, поблескивал из-под него одним глазом. Игорь сделал вид, что не замечает этого и сел. Потянулся к оружию, отщелкнул крышку кобуры «тулы-баранникова», неспешно достал РАП, начал его проверять. Глаз восторженно-любопытно расширился. Игорь выщелкнул из запасной обоймы заряд, положил на ладонь и заставил его пробежаться — до кончиков пальцев, скользнуть между ними на тыльную сторону... потом патрон перескочил в другую ладонь и к нему присоединился второй, они затанцевали по рукам Игоря то плашмя, то вставая на донца и раскланиваясь, как партнеры в танце. Это было простенькое упражнение, Игорь специально разнообразил движения, чтобы ненароком не погрузить мальчишку в транс.

Под одеялом восторженно засопели. Мальчишка приподнялся на локте, одновременно тормоза — тихо, но настойчиво — своего братишку. Рядом с первой парой любопытных глаз появилась вторая. Игорь с усмешкой вогнал — неуловимым движением — оба заряда в магазин и стал обуваться. Он, если честно, не знал, как себя вести с детьми такого возраста — весь его опыт ограничивался лицеем, где он, старшеклассник, выступал по отношению к младшим как командир. Склонности к вожатско-воспитательной работе Игорь никогда не испытывал.

Наконец тот, который проснулся вторым, не, выдержал:

— Скажите, — негромко, но настойчиво позвал он, — скажите, вы дворянин, сударь?

— Доброе утро, — Игорь выпрямился. — Я дворянин, и меня зовут просто Игорь.

— Меня — Ярослав, — представился тот, который проснулся первым и до сих пор молчал, — а его — Владислав. Вы так долго спите! Мы играли, потом легли — а вы уже спали... Папа сказал, что вы очень устали, и чтоб мы не шумели... Мы же не шумели?

— Не шумели, — подтвердил Игорь.

— А как вы это делаете — с зарядами? — снова вмешался «Владислав» — в миру, скорей всего, просто Владька. Он уже сидел, скрестив ноги. — Это биоэнергетика или фокус?

— И то и другое, — Игорь поднялся на ноги. Мальчишки понравились ему. — Вы, говорят, из Усть-Илимска?

— Ага, — кивнул Ярослав. — Мы всей семьей тут!

— И тут здорово, — дополнил Владислав. — Только тут нет никаких местных, про которых мы стерео смотрели.

— Поверьте мне, тут этого добра слишком много, — вздохнул Игорь, уже направляясь к двери...

...В смежном помещении сидели за столом несколько человек — они смеялись и шутили, хотя с некоторых еще лила вода. Красивая рослая женщина полусерьезно ругалась на мужчину и подростка — именно они были мокрыми.

Игорю почтительно и дружелюбно уступили место, и перед ним появилась тарелка, наполненная овощами, жареным мясом и картошкой, а так же большая кружка с чаем и бутерброды с вареньем. Игорь только теперь почувствовал, как ему хочется есть — шоколад и витамины, которыми он питался последние дни — это не еда...

...— Спасибо, — поблагодарил Игорь. — Я вам посоветую скорее нагонять остальных. Это хороший совет, поверьте мне.

Застегивая крепления ранца, он увидел в окне две одинаковых физиономии. И две машущие ему ладошки.

"Смешные," — сам усмехнулся он.

7.

Около трехсот человек решили осесть на весьма удобном участке — широкой луговине над крутым берегом небольшой речушки. Ее как-нибудь назовут, если еще никак не назвали... а вот у поселка уже были имя: Высокий Берег. Так возвещала надпись на одном из щитов легкой переносной брони, вперемешку с фургонами окружавшей лагерь. Поселенцы уже успели установить два десятка равномерно вращавшихся ветряков; люди в форме гражданских строителей уже рыли на легкой технике котлован по разметке. Возле них стояли указатели с оптимистичными надписями: что где будет возведено. В нескольких местах из динамиков доносилась музыка, классика. На одном из фургонов была сделана надпись: "Редакция еженедельника "Свет"." На другом — "Поселковый совет".

Игорь ел пирожок с картошкой и наблюдал, как на мокрой лужайке взрослые и мальчишки играют в лапту. Картина умиротворяла и внушала уверенность в отменном душевном здоровье новоприбывших. Только славянин способен в середине инопланетного дождливого месяца с непонятным названием «сечень», еще толком не имея дома, играть в лапту.

Светловолосый пацан лет двенадцати как раз вихрем помчался по дистанции. Игорь видел, как мужчина — очень похожий на бегущего мальчишку — подпрыгивает на месте и кричит:

— Давай, давай, сынок, давай, давай, да-ва-а-ай!!!

"Давай, сынок, давай, давай!" — вспомнился Игорю лицейский стадион, и крик тренера, и дорожка под подошвами кроссовок... Но как же редко он играл в эту игру со своим отцом. Тренер тоже говорил «сынок», но это ведь совсем не то. Когда рядом в игре отец, когда он тебе вот так кричит — это совсем другое, это так здорово....

Интересно, сколько он потерял, оттого, что ему чаще всего готовила не мама, а учил забивать гвозди не отец? Игорь завидовал бегущему мальчишке, который не умел и четверти

от того, что умел Игорь...

...— Привет, Игорь.

— Привет, Леш, — не поворачиваясь, ответил Муромцев. — Вкусные пирожки.

— Вкусные, — согласился Лешка Романцев, один из капитанов колонии, становясь рядом.

Вообще-то он был не «Лешка», просто так уж сложилось — атлетически слепленный гигант лет сорока, наполовину русский, наполовину норвежец, имея высшие военное и гражданское образования, он уже десять лет работал капитаном на Сумерле и сейчас стоял возле Игоря: в хорошо пригнанной полувоенной форме и снаряжении для походов, к голенищам обоих сапог пристегнуты кинжалы, на поясе — ИПП и многофункциональный тесак. В левой руке капитан держал пирожок, в правой — "коновалов" с подствольником.

— Едешь дальше? — продолжая смотреть игру, спросил Игорь.

— Пока нет, — покачал головой Романцев. — Небольшие неурядицы. Семья Хлоповых, одиннадцать человек, отстала. Не могу с ними связаться.

— Хлоповы? — переспросил Игорь. — Я четыре часа назад был с ними, все было нормально... Что, совсем не отвечают?

— Совсем, — кивнул капитан, — как будто связь у них вышла из строя... С воздуха тоже ничего не обнаружили. Сейчас возьму драгун, поеду искать.

— Погоди, — Игорь проглотил остатки пирожка, — они могли свернуть с пути, срезать. Я поднимусь на ранце, полетаю над деревьями. А ты давай по земле.

— Погодка-то нелетная, — Романцев посмотрел в небо. — Ветер наверху.

— Ничего, я справлюсь. Только рацию возьму к комбрасу, а то он один не добьет.

— Если найдешь их — свяжись со мной, — предупредил Романцев.

— Обязательно, — пообещал Игорь. И добавил: — Ты тоже мне сообщи.

* * *

Сквозь пелену дождя внизу все казалось однообразно-расплывчатым. Игорю приходилось снова и снова протирать очки ночного видения левой рукой, правой удерживая управление ранцем.

Очень замерзли колени — между сапогами и нижним краем куртки. Несколько раз — два или три — Игорь видел внизу фургоны, но каждый раз их было по несколько штук и дежурные на связи отвечали, что Хлоповых тут нет.

Игорь не мог заблудиться — он отлично помнил направление. Но в том-то и дело, что там, где он оставил семью, уже никого не было. Игорь даже спустился, пытаясь найти следы, но дождь полностью уничтожил их на открытых местах. В результате он снова и снова петлял над лесом, понимая, что скоро придется переключиться на аккумуляторы и добираться к ближайшим людям.

Несколько раз Игорь чувствовал внизу лесовиков-вабиска, но их мысли были неразборчивы, а главное — полны страха перед начавшимся нашествием и не несли угрозы. Игорь снизился над верхушками кедров и пихт, мрачно то ли зеленевших, то ли черневших даже сейчас, в сечене. Дул сильнейший ветер, становилось все труднее откренить машину, и в какой-то момент Игорь с ужасом понял, что рукоятку управления выворачивает из его ладони!

Он вцепился в ребристый пластик левой рукой. Дождь, стекающий по очкам, смазал картинку, как скипидар, выплеснутый на холст, смазывает краски. Игорь вскинул левую руку... рукоять рвануло, ноги за что-то зацепились... ровное «йомм-йомм-йомм» винта превратилось в "ррроуу!..", что-то еще полоснуло бок, послышался страшный скрежет, Игорь почувствовал, как взлетает — но неправильно, по дуге, ногами вверх-вбок. "Падаю," — трезво подумал он и ударил по кнопке ротации раньше, чем сработала автоматика. Дикий

полет-падение превратился в спуск кленового семечка — головокружительное вращение ближе и ближе к земле, достаточно медленно, чтобы не рухнуть, а упасть.

Он бы и упал. Если бы это не был лес. Закрылок ротатора ударился о ствол дерева — и мальчишка понял, что уже не опускается, а вновь летит, летит, как камень, выпущенный из катапульты...

...Левую руку выше локтя, над комбрасом, Игорь не ощущал. Он вылез из крепления ранца и, поднявшись на ноги, осмотрел машину. Да, ей больше не летать. Лопасты сорвало — наверное, когда движок пошел вразнос. Правый закрылок треснул до корпуса. Рукоятку управления согнуло, на ней остались глубокие вмятины от пальцев. В довершение всего, треснувший аккумулятор вмялся в топливный бак. Лет двести назад Игорь взорвался бы...

А что с рукой?

Рука была цела. А онемела от того, что пристегнутую к плечу рацию раздавило и сквозь куртку вмяло в тело.

— Вот так, — Игорь быстро пробежался по связи через комбрас — ровный фон. Не добивает. Он на всякий случай настроил канал на постоянную передачу сообщения об аварии и пеленга. — Это скотство, господа. Теперь придется искать еще и меня.

Это он, конечно, переборщил — Игорь четко знал, куда нужно идти, чтобы выйти к ближайшим людям. Наступала ночь — точнее, в мокром черном лесу уже наступила. Но оставаться на месте не имело смысла. Он плотнее затянул кулиску капюшона и, удобнее перехватив ИПП, зашагал сквозь дождь...

...Стемнело совсем. По очкам снова текло, Игорь сдвинул их на лоб, полностью положившись на слух и ментальное чутье. Несколько раз он ощущал присутствие ночных хищников, вышедших на охоту, но спугивал их ментальным бичом — не до конфликтов... Только бы крокозуб не попался. Нет, так далеко на север их быть не должно.

Едва он подумал это, как толчок беспокойства заставил его остановиться. Секунду Игорь еще не понимал, что его обеспокоило. Потом — сообразил. В лесу пахло гарью, и это был не дым от костра. Именно гарь. Горелый пластик, раскаленный металл, жженое мясо.

Так горит человеческое жильё.

Игорь замер и несколько раз внимательно осмотрелся. В этот миг прекратился дождь, и лес наполнился шелестом падающих капель. Это было даже хуже, чем шорох самого дождя.

Игорь надвинул очки. И слева — там, где и ощущалось — увидел движущиеся расплывчатые алые пятна, менявшие форму. Бесшумными прыжками, держа ИПП наготове для стрельбы, он двинулся в ту сторону.

Нехорошо что-то. Ой нехорошо.

...Что это?

Возле берега ручья вповалку лежали тяжеловозы — восемь тяжеловозов, глаза закачены, горло у всех разорвано. Сбоку от них — наполовину в воде — человек с охотничьим дробовиком за плечами. В спине у него торчали два копыя — не вабискианских, а просто заточенных палки, копыя орангов.

За деревьями горел фургон — все еще горел, вяло, но неостановимо. Стенки раскалились докрасна и сплавившись.

Возле опушки — еще три трупа. Мужчина, молодая женщина, девочка, проткнутые копиями. Их убили внезапно, как и того, возле ручья.

Да, это Хлоповы, подумал Игорь спокойно и отстраненно. Так было легче воспринимать трупы людей, у которых гостил чуть больше шести часов назад. Которые кормили, его картошкой с мясом.

Между опушкой и фургоном, лежали оранги — очень много, не меньше сотни. Как видно, они напали внезапно и успели убить нескольких русских раньше, чем те что-то сообразили (почему они не установили сканеры, почему?!) Но те, кто был возле фургона, а

может, в нем, начали стрелять. Воронки — места взрывов гранат. Ошметки тел, шерсть и кровь. Обоймы. Старший Хлопов — сидит, привалившись к груде трупов, в руке — топор, голова раскроена. Это не копье. Это ятаган. Значит, и иррузайцы тут были.

Где же еще шестеро? Игорь специально думал так — «шестеро», стараясь не вспоминать физиономии двух Славок в окне фургона. Сгорели? Он обошел фургон и обнаружил еще два трупа, обгоревшие так, что невозможно было понять, кто это, ясно было только, что взрослый и подросток, даже пол непонятен.

Остальные, конечно, в фургоне. Вот так.

Игорь прошелся к опушке. Под деревьями, куда не достал дождь, на мокрой земле легко читались следы. Примерно пятичасовой давности. Много следов орангов. Два гухха — всадники, конечно.

А это что?

Игорь наклонился и поднял с раскисшей земли егерку. Детскую егерку с опущенными ушами и порванными завязками.

Как минимум одного из мальчиков оранги унесли с собой.

Русского ребенка эти твари унесли в черный мокрый лес. Пять часов назад. Сколько его волокут? Километров тридцать? Меньше? Больше?

На миг Игорь представил себе степень страха и надежды, которые должен был испытывать мальчишка. Нет поблизости пластунов, Алых Драгун, вертолетов, героев фильмов...

А вот Муромцев Игорь — есть.

Он несколько раз глубоко вздохнул. Всмотрелся в лес. И побежал по следу, держа его, как гончая.

* * *

Игорь не знал, сколько перед ним врагов. Оранги умели двигаться по лесу и, если бы не сырость, их вообще было бы проблематично выследить. Игорь считал, что не меньше сотни — менее чем с двумя сотням выходить против десятка землян было бы глупо. Игорь вовсе не считал себя сверхчеловеком, поэтому на бегу несколько раз пытался дать вызов — но комбрас выдавал фон. Был и соблазн сперва найти людей и организовать погоню по всем правилам. Но каждая секунда в руках орангов для мальчика могла оказаться последней.

На бегу Игорь припомнил, чем располагает. Два сороказарядных магазина к ИПП, третий — на оружии. Две тридцатизарядных обоймы к РАПу. Пять картечных гранат в «печке». Нож. Тесак. Пистолет с термитом. И кластерник.

Посмотрим...

Игорь никогда в жизни ничем не болел и вообще не знал, что такое природное недомогание. До Третьей мировой все страны, говорят, надуты гордились своим "спортом больших достижений", представленным кучкой "атлетов", за большие деньги кочевавших из страны в страну. Практически все они добивались рекордов применением сложнейших медикаментозных препаратов, лишавших их здоровья к тридцати в среднем годам. Никому из них не удалось бы пробежать с грузом и пятнадцати километров, не говоря уж о том, чтобы потом активно действовать.

Игорь воспитывался в совершенно иной традиции. Рассвело. Он бежал через лес уже седьмой час, не останавливаясь, размеренно дыша, с оружием наготове, читая след в движении. Ни одно животное, даже знаменитые английские верховые, не смогло бы бежать непрерывно и половину этого срока.

В прыжке он перемахнул восьмиметровый овраг, по дну которого бежала речушка. Да, они шли здесь, но вокруг оврага — вот снова след, рассеивается, делится... Запах мокрого костра — тут был привал. А это?!

Семь трупов орангов были затащены под низко нависшие ветви кустов и завалены

мокрым хворостом. Если бы не прыжок — Игорь не заметил бы их. Отпихнув хворост, Игорь склонился над ними.

Копейные раны. Они что, друг с другом передрались? А иррузайцы куда смотрели?

Костер. Горел уже после окончания дождя. Они были тут всего два часа назад — он отыграл больше половины времени. Но быстро движутся, гады... И что же все-таки...

...Игорь был закаленным и крепким парнем. Но у него жестоко перехватило дыхание — и не в лад забухало неутомимое сердце.

На мокрых листьях лежали почти неузнаваемые кровавые ошметки. Трудно было понять, где клочья одежды, где остатки тел. Между двух копий лежала оторванная — не отрезанная, не отрубленная! — голова мальчика: зубы оскалены, на подбородке двумя струйками запеклась кровь, во весь лоб — длинная рана. Русые волосы слиплись от дождя, синие глаза смотрели иридиевыми муляжами, по ним скатывалась влага.

Подальше — зимний ботинок со ступней. Кисть руки — пальцы в кулак. Другая рука — по локоть, сжимает обломок копья. Что-то, из чего выхлестнуты петли внутренностей — куртка? Да, но не пустая... Вторая голова?! Да, вторая, такая же жуткая, как первая, только правая сторона лица сорвана до розово блестящей кости. И все равно видно, что лица одинаковые.

Не один мальчик — оба. Славки. Игорь опоздал на два часа.

То, что произошло, Игорю сделалось ясно сразу. Мальчишек дотащили сюда. А тут, на привале, они поступили так, как должны поступать русские, земляне, даже если им еще нет девяти лет.

Они как-то освободились. И, наверное, вырвали оружие у охраны. Вот откуда трупы под хворостом.

Игорь опустил на колено и дотронулся до мокрых волос одной из голов. В нем рос молчаливый крик, страшный рык зверя, у которого отняли детенышей, иррациональный и ужасный.

Он бы их освободил. Освободил бы, не поспеши они, не схватись за оружие без всякой надежды на победу... Но не спешить — значило ждать. А ждать — значило терпеть.

Нет. Они были правы. Лучше смерть, чем лишние два часа рабства. Величие — понимать это, и мальчишки доказали, что понимают.

А теперь и он, Игорь Муромцев, должен доказать, что он — дворянин Империи.

Он встал на ноги и отдал честь.

— Спите спокойно. Я вернусь. Скоро.

И он вновь побежал по следу — неутомимо и безжалостно.

* * *

Интерлюдия: Сын Богов. 20

*Вет, веет небо черный пепел,
Высылает бездна черный полк...
Улетай отсюда, белый лебедь!
Убегай отсюда, серый волк!
Дрогнет воля и исчезнет радость...
Мир привычный будет битвой стерт...
Я один на рубеже останусь —*

*Правды воин против грязных орд!
Звон мечей качнется над округой,
Но неправым в битве счастья нет,
И врагов укроет белой вьюгой
Переставший плакать белый свет.
Вот утих над степью неба трепет...
Крик бойцов отрывистый умолк...
...Надо мною снова кружит белый лебедь
И к ногам прижался брат мой — волк.*

8.

Без десяти десять Игорь увидел с холма колонну орангов. Их было и правда около сотни — численность он оценил верно. Они переваливались неумоимо двумя колоннами по опушке примерно в километре от него. Впереди и чуть слева рысили верхами двое иррузайских офицеров — в пасмурном свете дня нет-нет, да и поблескивал металл.

Еще за две минуты до этого Игорь ощутил сумятицу мыслей орангов. Но проводить ментальную разведку не осмелился, чтобы не выдать себя — те двое стервецов наверняка были настороже. Удостоверившись в том, что враги в самом деле здесь, Игорь насколько секунд наблюдал за орангами, потом — побежал, параллельно их колоннам, одновременно сближаясь с ними.

Они все — трупы.

...Офицеры-пограничники, конечно, были хорошо подготовлены — во всяком случае, фланговый дозор выставили. Игорь «услышал» троих орангов до того, как углядел впереди и чуть сбоку плавно и быстро перемещающиеся бесшумные силуэты. Согнувшись пополам, он скользнул в тень у деревьев и ускорил бег, двигаясь с неестественной для обычного человека скоростью.

Оранги увидели его слишком поздно. Тот, который шел последним, обернулся — Игорь ударом ноги свернул ему шею. Оранг еще падал, а Игорь ударом "волчьей лапы" проломил висок другому и ребром ладони перебил позвоночник последнему. Сейчас он не был зол — только сосредоточен, потому что это было лишь начало. Самое простое.

Чутье не подвело — он вышел к речушке метров за триста от брода. Вышел раньше орангов и присел, найдя самое удобное положение для стрельбы. Переставил предохранитель. Откинул крышку кобуры РАПа.

Оранги появились почти тут же. Да, он успел вовремя... Иррузайцы чуть постегали и ехали теперь в середине строя.

Но как раз в них Игорь НЕ СОБИРАЛСЯ стрелять.

Нет.

Это для них слишком легко.

Он повел стволом в конец строя, выжидая, пока на брод втянутся все...

...Первый магазин Игорь расстрелял за семь секунд, ни разу не промахнувшись. На переправе поднялся страшный рев и вой. Не отнимая руки от спуска, Игорь сменил магазин, спустил задержку, вновь начал посылать заряд за зарядом, видя, что не может. Оранги частью побежали обратно, частью рванулись вперед. Иррузайцы скакали именно туда.

— Нет, куда это вы? — пробормотал Игорь, вскакивая и спрыгивая в ледяную зимнюю воду.

Тут оказалось два его роста, но мальчишка, опустившись на дно, мощным толчком вышвырнул себя — в ореоле брызг — на поверхность, на отмель, где ему было по колено, и побежал вперед.

Наверное, бегущий русский буквально источал агрессию, потому что сперва оранги, замерев на месте, непонимающе таращась и оцепенев. Среди них, наверное, еще оставались те, кто убивал мальчиков. Но не они были настоящими убийцами — нет. Поэтому Игорь не тронул бы их... но оранги, повинаясь, очевидно, приказам своих скачущих по берегу господ, бросились ему навстречу.

Он выпустил все пять зарядов картечи, скосив целиком переднюю часть бегущих. Но стрелять из ИПП начать он уже не успел — оранги оказались вокруг, везде.

ИПП был брошен на ремень. В правой руке Игоря возник тесак, в левой — полевка. Удары посыпались на него со всех сторон, но Игорь не чувствовал их — он шел сквозь рыжую, пахнущую мокрой шерстью массу. У орангов — как, впрочем, у иррузайцев тоже — не было даже представления о фехтовании веерного боя, при котором оказавшийся в пределах досягаемости любого из клинков враг неизбежно превращается в кусок мяса, угодившего в мясорубку: от винта, тянущего к вращающимся ножам, ему никуда не деться. Игорь сам был и подающим винтом, и ножами.

Оранги — только мясом.

Иррузайцы остановились на берегу, развернув гуххов и обмениваясь короткими замечаниями. А потом...

Потом из визжащего клубка, извергавшего то фонтан крови, то тело, пускавшееся плыть по течению, из этого месива — вырвался залитый чужой кровью мальчишка с клинками в руках. Он шел к берегу, оставив позади только трупы и воющих раненых с выпущенными в воду внутренностями и отрубленными конечностями — бурая вода обтекала его колени.

Потом он улыбнулся и молча выкинул вперед правую руку с клинком, увенчанным пилой по обуху. Указывая на верховых.

Иррузайцы выстрелили из пистолетов одновременно. Парень ушел от одного выстрела и отмахнул вторую пулю невидимым движением клинка. Он уже шел по песку, печатая на нем глубокие следы сапог и отталкивая локтем висевшее сбоку оружие.

Офицеры начали разворачивать гуххов. Они не собирались погибать в глупой схватке с мальчишкой, только что врукопашную перебившим больше двух десятков орангов.

Гуххи не сдвинулись с места. Послушные и верные своим хозяевам, они лишь дрожали всей кожей и, мотая узкими головами, хрипели — хотели бежать, но не могли. Каналы ментальной связи были перехвачены такой же тренированной и сильной, как у офицеров, но еще и невероятно свирепой волей. Такой, что и сами всадники осели в седлах, оглушенные. А страшный белолицый подошел к ним вплотную и, протянув левую руку, выдернул одного из всадников из седла — коротким и сильным рывком на груди; вабиска описал в воздухе дугу и тяжело грохнулся на песок.

Второй преодолел оцепенение, с воплем соскочил с седла, обнажив ятаган. Мальчишка не сделал ни одного лишнего движения: его левая — безоружная рука — метнулась вперед и вырвала офицеру горло. Захлебнувшись кровью, тот мёртво осел, заливая все вокруг.

Игорь повернулся к первому иррузайцу, который уже успел подняться на колено. Заблокировался — можно было ожидать ментальной атаки.

И понял вдруг, что никакой атаки не будет. Там, где должна была ощущаться ментальная мощь врага — холодный огонь — осталась лишь пустота, в которой слабенько трепыхался ужас. Игорь раздавил иррузайца, даже не прикасаясь к нему.

Только ужас остался и в поднятых на Игоря — почти молитвенно — обычно таких невыразительных глазах, вабиска. Он даже не пытался сопротивляться, когда Игорь сгреб его за ворот и вздернул вверх, как щенка — прямо к своему лицу.

— Я убью тебя, — сказал Игорь по-русски и не обратил внимания на то, что офицер его понял, хотя и отвечал на родном языке.

— Да, — слабо шевельнулись сероватые губы.

— Я тебе отрежу голову, сволочь.

— Хорошо, — покорно согласился иррузаец. И остался стоять на коленях, рухнув на

них, когда Игорь отпустил его — глядя в песок между широко расставленных ног мальчишки.

— Что произошло? — спросил Игорь. — Они сумели освободиться и напали на охрану?

— Да.

— Вот так, — с горьким удовольствием сказал Игорь. — Двое мальчиков. И даже с ними вы ничего не смогли сделать.

— Да, — обронил вабиска.

— Они умерли, как мужчины и воины, — подвел итог Игорь. — А ты за них подохнешь, как скот на бойне, — и размахнулся тесаком, чтобы раскроить голову посередине «хохла»... но неожиданно появившаяся мысль заставила его удержать руку. Он пнул иррузайца в грудь, заставив поднять лицо. — Вы сами додумались их захватить или выполняли приказ?

— Уигши-Уого, — выдохнул тот. — Нам приказал доставить живых белолицых Уигши-Уого.

— Я тебя не убью, — лицо офицера стало непонимающим и почти обиженным. — Я тебя отпущу. Ты возьмешь гухха и уедешь. Чтобы рассказать своему Уигши-Уого обо всем, что ты видел. И ты скажешь ему еще это... — Игорь положил окровавленный тесак на левую ладонь. — Запоминай. Я, Игорь Вячеславович Муромцев, дворянин Империи, от имени русского народа приговариваю его к смерти. Он умрет, как бы ни пытался уцелеть. Так ему и скажи. Понял?

— Да, — иррузаец сглотнул.

— Убирайся, — брезгливо приказал Игорь.

9.

Дождь продолжал идти. Даже стал сильнее — гудел по крыше фургона, перекрывая посвистывание генератора и смешиваясь с голосом офицера Алых Драгун, диктовавшего какие-то цифры.

Романцев слушал рассказ Игоря, жуя бутерброды. Игорь тоже ел, но вяло. За стенкой урчали двигатели лесоходов, по временам ржали кони — колонны продолжали двигаться через мокрый лес.

— Вот так, — заключил Игорь. — Ладно. Я посплю часок и полечу на север. Ты мне ранец новый достань.

— Достану... С рукой-то у тебя что? Нормально, или посмотреть?

— Нормально, — Игорь уже стаскивал сапоги, откинув полку. — Так не забудь, достань.

Он откинулся на надувную подушку, забросил ноги на полку, надвинул на лицо капюшон и уснул. Капитан вышел, через какое-то время принес вертолет и, поставив его возле полки, очень осторожно перевел будильник в комбрасе Игоря на два часа позже...

...И все-таки Игорь проспал не три, а два часа — его разбудил лично генерал-губернатор, ничего, конечно, не зная о проявленной Романцевым заботе.

— Одиннадцать человек погибли? — хмуро поинтересовался Довженко-Змай.

— Моя вина, — ответил Игорь, не вставая. — Я должен был остаться с ними. Тех, кто напал, я уничтожил.

Генерал-губернатор кивал с прежним хмурым видом. Потом сказал:

— Ничего. Это бывает, к сожалению... Ты где сейчас?

— У Пограничной. Триста пятьдесят километров от границы.

— Далековато... — генерал-губернатор что-то соображал. — Ладно. Выспался? — Игорь кивнул и сел. — Бери ближайшую реактивку с пилотом и давай к этому вашему замку в Зубастых Горах, где у фоморов база была. Там вабиска дерутся с шахтерами.

— Во! — вырвалось у Игоря. — Наши уже туда добрались?!
— Долго ли умеючи... Отправляйся.
— Лечу, — Игорь вызвал метеослужбу, чтобы посмотреть погоду в тех местах. — Послушай, после того, как я сделаю дело там, я могу взять отпуск на недельку?
— А, застонал?! — злорадно спросил Довженко-Змай.
— У меня личные дела, — пояснил Игорь хладнокровно.
— Бери, и не на недельку. Дальше уже сами колонисты справятся.
— Значит, я опять не у дел? — огорчился Игорь.
— У тебя день рожденья скоро, — напомнил генерал-губернатор.
— А, да... Кстати, — Игорь обувался, рукой показав офицеру на экране комбраса, что ему нужен не самолет, а ранец — ты почему тут ни разу не побывал?
— Да как сказать... — Довженко-Змай усмехнулся. — У меня были дела севернее.
— Намереваешься возобновить боевые действия? — насторожился Игорь.
— Наоборот — прилагаю все усилия к тому, чтобы их не было, — серьезно ответили ему.

* * *

Над Многоструйной было чистое небо. Игорь заходил на посадку по широкой дуге, огибая разрушенную дорогу. Отсюда он хорошо видел у нижних пещер суетливую возню лесовиков-вабиска, а у лестницы, ведущей в замок — составленные в шахматном порядке лесоходы и людей на них, как на стенах импровизированной крепости. В сторону относил какой-то дым, Игорь видел вспышки выстрелов и разрывы плазмы. Черт, только бы там не оказались яшгайаны — остановят движок в полете, и дело с концом. Подумав об этом, Игорь резко положил себя на бок, делая еще один вираж перед посадкой.

Он сел прямо на ступени и, отстегнув ранец, с грохотом сбросил его. Сверху бегом спускались несколько мужчин — тот, что впереди, был выше остальных, с внешностью и ухватками отставного военного. Он держал наперевес укороченный «тулу-дроботов» с подствольником, на голове сидела фуражка цветов геокорпуса, погоны украшали знаки различия, соответствующие армейскому подполковнику.

— Клементьев, — представился он. — Ты... вы капитан?
— ИО, — подтвердил Игорь, перехватывая ИПП. — Мне знакомы эти места... Сколько у вас людей? Всех, кто может сражаться?
— Тридцать два с женщинами и подростками, — подтянулся Клементьев.
— Оружие и приборы ночного видения есть?
— Этого достаточно. И взрывчатка с гранатами.
— Мы выгоним их из пещер под удар лесоходов и уничтожим, — распорядился Игорь, снимая ИПП с предохранителя. — Отберите мне десять человек — которые лучше остальных подготовлены, вы ведь знаете своих людей — и пойдем внутрь.

В той самом зале, где летом Игорь, Борька, и Зигфрид приняли первый бой, было полно народу. Группа Клементьева была больше рабочей партией, чем поселенцами, поэтому детей и женщин, к счастью, оказалось мало. Отобрав с помощью подполковника десятерых, Игорь поставил, нескольких из оставшихся охранять вход во внутренние помещения — от удара с тыла — а остальных — на лестнице, у лесоходов и возле бойниц.

— Полный боекомплект, подготовьте взрывчатку, — Игорь осмотрел свой отряд и поблагодарил историческое развитие за то, что никому не надо объяснять, с какой стороны братья за оружие... — Приборы ночного видения...

— Послушайте, — Игорь повернулся и увидел парня одних с собой лет, смотревшего странными глазами. — Возьмите меня с собой, пожалуйста, ради всего святого. Они ранили мою мать, я...

— Мне не нужны мстители, — отрезал Игорь.

— Но... — Игорь коротко взглянул на него, и парень отошел, больше ничего не сказав. А тот, кстати, заметил, что вдоль стены лежат несколько раненых и убитый... или убитая? — Иди сюда! — окликнул Игорь, и парень подбежал обратно. — Какая у тебя пушка? — мальчишка показал, перебросив из-за спины, охотничий полуавтомат. — Ладно, давай в строй... Попрыгали все. Вперед. Движемся двумя колоннами. Своих там, внизу, нет. Держите под рукой холодное оружие.

— Эй, на Запад! — сказал молодой мужчина с ГАПом на плече.

— Что? — не понял Игорь.

— Эй, на Запад, — повторил тот. — Это же наш неофициальный клич, неужели не слышали?

— Нет, — признался Игорь. И добавил: — Но мне нравится. Хорошо: эй, на Запад!

* * *

— Мы очень вам благодарны, — Клементьев пожал Игорю руку. — Мы поселимся на плоскогорье к югу отсюда.

— Как собираетесь назвать поселок? — любопытствовал Игорь, застегивая фиксатор ранца.

— Энергия, — улыбнулся геолог. Игорь улыбнулся в ответ:

— Хорошее название, — и махнул рукой вышедшим его провожать: — Эй, на Запад!..

...Прежде чем отправиться на встречу с вертолетом, который должен был его забрать, Игорь поднялся на ранце на максимальную высоту. И увидел вдаль — там, где кончались горы, в ущельях между ними — серо-зеленые переливы хвойных лесов за Третьим Меридианом.

Там еще не был никто из землян.

10.

В номере, в его комнатах, где Игорь не был почти семь недель, ничего не изменилось. Носков предложил, искренне обрадовавшись возвращению постояльца, обед прямо в номер, но Игорь, улыбнувшись, отказался, только взял из газетного принтера свежий номер «Отклика», который просмотрел, пока раздевался. В станице все было нормально, Игорь не стал ни с кем связываться. Он принял ванну и улегся в постель, подумав, что некоторые мечты все-таки сбываются.

Он давно забыл, как это — выспаться и почти удивился, проснувшись поздним вечером. Полежал в постели, зевая, потягиваясь, щурясь и по временам опять задремывая. Сходил в туалет и снова лег, но уже не спать, а подумать как следует.

Нужен был человек. Игорь хорошо осознавал, что ему не по силам добраться до Крылатого Совета и конкретно до Уигши-Уого. Можно, конечно, пробраться на север, даже в Сааск проникнуть можно... но Игорь трезво оценивал ситуацию: на то, чтобы убить Уигши-Уого, его навыков не хватит.

Он стал вспоминать... Не напрягаясь, методично и спокойно прокручивать в памяти пленку своего почти восьмимесячного по земным меркам пребывания на Сумерле. Как компьютер, запущенный в поиск по слову «мечь» в Центральный Информаторий, он перебирал скопившуюся информацию.

Не то. Не то. Не то.

Тимка.

Игорь открыл глаза и улыбнулся в темноту спальни. Он не совсем понимал, почему подумал об этом парне, но какое-то изощренное чутье подсказывало ему: невозмутимостранный порученец-рассылный Дергачева может оказаться тем, кто ему нужен...

...Найти в базе данных номера штабс-капитана оказалось не сложнее, чем номера обычного человека. Придерживая ладонью трубку аппарата, Игорь в раздумье смотрел в пустоту экрана.

Наконец Игорь послал вызов в Комитет Ксенологии. На экране почти сразу появилось лицо молодой женщины.

— Озерный, Комитет Ксенологии РИАН. Слушаю вас, сударь.

— Игорь Муромцев, — представился Игорь. — Я бы хотел, если это возможно, поговорить с... э... Тимофеем.

— С рассыльным господина референта? — ничем не выказав удивления, уточнила женщина.

— Да, если можно, — мысленно поставив себе плюс, кивнул Игорь. — Он на месте?

— Думаю, что да, сударь... — с некоторой долей сомнения подтвердила женщина. — Секунду, я его сейчас вызову.

В Озерном был день, и несколько — не одну — секунд пришлось подождать. Потом Игорь увидел на экране покачивающееся лицо Тимки — бесстрастное и внимательное, он куда-то шел и связался, через комбрас.

— Добрый день, — поздоровался он. — Ищешь меня? Или господина штабс-капитана?

— Добрый день, — кивнул Игорь. Помолчал и сказал, не сводя глаз с лица Тимки. — Я хочу с тобой встретиться. Чем скорей, тем лучше... и это очень важно, можешь мне поверить. Ты можешь?..

Тимка несколько секунд изучал лицо Игоря. Потом ответил:

— Я не могу прилететь.

— Я сам прилечу, только скажи — когда и куда, — нетерпеливо ответил Игорь, ощущая, что находится на правильном пути. И добавил: — Поверь, это очень важно и очень нужно.

На этот раз Тимка ответил без задержки:

— Хорошо. Через четыре часа в кафе-автомате на Дубовом Проезде — я буду ждать час. Не против?

— Буду через четыре часа, — подтвердил Игорь.

* * *

В Озерном шел снег. Настоящий снег, какой Игорь очень любил. Уже совсем стемнело, город был полон огнями и людьми, но снег придавал ему сказочный, загадочный и пустынный вид, несмотря на большое количество пешеходов и транспорта на улицах. Вокруг каждого огня — фонаря, раз делительной тумбы, витрины, вывески, рекламы, окна — медленно и плавно опускались большие, пушистые хлопья, менявшие цвет на грани света и синей темноты на черный с белого.

Наверное, людям вокруг тоже нравился этот снег, потому что почти никто на улице не спешил. И почти никого не было на немногочисленных движущихся тротуарах. Сквозь снег очень красиво переливался всеми своими огнями дворец генерал-губернатора — как общий план из фильма, большой и завораживающий. Игорь подумал, спит ли Сергей? Ой, вряд ли...

За огромной стеклянной стеной молодежного центра, среди пальм, над золотистым пляжем, меж невероятно завихрявшихся высоких волн парили мальчишки и девчонки. Снег штриховал и их. А выше висела в ночном небе площадка крытого кафе — полностью прозрачная, дух захватывало при виде людей, спокойно ходивших и сидевших в воздухе среди разлитого света. Дальше — над всеми зданиями столицы — огненным шаром на колонне пламени застыла башня космической связи и планетарного вещания. Насколько Игорь помнил, Дубовый Проезд начинался именно от нее.

Навстречу прошли мальчишка и девчонка — с непокрытыми головами, на высоких

меховых воротниках лежал снег, в волосах разноцветными искрами в свете огней мерцали капли талой воды. Мальчишка держал одну ладонь девчонки в своих руках возле губ и дышал на нее, весело поглядывая в лицо подружке, изображавшей смертельно замерзшую, из-под пушистых ресниц.

Под ногами снега не было — подогрев убирал его в сточные трубы. А Игорю подумалось, что здорово было бы идти именно по снежку, который хрустит под ногами, оставляя позади следы подошв...

Он пересек небольшой парк, где меж деревьев таинственно мерцали огоньки рекламы, в несколько человек неспешно, явно ради удовольствия, катались на лыжах. Обогнул по кольцевому бульвару подножие башни — возле нее стражи порядка пили кофе и играли в крестики-нолики на снегу концами шашек в ножнах. Потом — свернул наконец на Дубовый Проезд, в самом деле обсаженный дубами: судя по их виду, они росли тут давно и их просто оставили, когда расчищали место для города.

Дубовый Проезд оказался жилой улицей — тихой и темноватой. В таких местах обычно не бывает кафе — трактирчики, в которых по вечерам собираются завсегдатаи, но никто не назначает встреч. Возле одного из домов торчал снеговик с игрушечным плазмометом наперевес.

И все-таки кафе тут было. Оно оказалось совсем небольшим кафе-автоматом возле остановки городского струнника — очевидно, сюда забегали перед тем, как разойтись по домам, школьники. Но сейчас в помещении — прозрачном параллелепипеде — было пусто, только прямо возле стойки сидел человек. Со света в темноту не видно... однако... Игорь был уверен, что Тимка видит его. Он ощущал это.

Тимка пил какао из большого и непритязательного стакана. На маленьком столике под правым локтем лежали упаковки из-под бутербродов. Короткая рыжая куртка мехом внутрь, с широким воротом была расстегнута, лежали на столике высокие меховые краги и пушистая ушанка. Под столик Тимка вытянул ноги в теплых джинсах и унтах.

Игорь не стал задерживаться на улице — вошел, снимая свою немецкую егерку. Странно было оказаться в пустом зальчике, словно висящем в темноте. Снаружи по стеклу бесшумно скользил снег.

— Привет, — сказал Игорь, подходя к окошку с меню. Он взял себе кофе со сливками и два бутерброда с рыбой. Тимка кивнул и не смотрел больше, что там делает назначивший ему встречу человек — задумчиво уставился сквозь стекло, будто еще кого-то ждал. Когда же Игорь сел, он вдруг сказал:

— Люблю снег. Я тут часто сижу, когда снег. Прошлой зимой это кафе открыл... — он перевел свои взрослые глаза на Игоря и произнес: — Я слушаю. Ты хотел меня видеть.

— Ты ведь не рассыльный референта? — даже не спросил скорее, а уточнил Игорь. — Ты телохранитель штабс-капитана и курсант "черной сотни".

Это прозвучало почти как обвинение...

"Черная сотня" была самой малочисленной и единственной полностью засекреченной спецслужбой Империи. О ней слышали все и никто толком ничего не знал. В давние-давние времена так назывались люди, несшие военную службу при первых русских царях. Но потом, в начале XX века — организации ультрарусских националистов, активно участвовавших в политических событиях того непростого времени. Но те организации были известны уже только историкам. Современная "черная сотня" — или Оперативный Отдел Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, ООСЕИВК — происходила от СОНа, Специального Отдела Ноль, созданного в период Безвременья при возрождавшейся системе русской монархии для выполнения особо щекотливых, сложных и безжалостных операций не только на территории бывшей Российской Федерации, но и по всему охваченному безумием земному шару. Первые агенты СОНа отличались не столько профессионализмом, сколько фанатичной ненавистью и полным презрением к смерти. Но постепенно система подготовки стала улучшаться. СОН широко использовал сирот-подростков — не только для обучения, но и для реальных операций. В те годы, когда

проехать сто-сто пятьдесят километров небольшой группой было уже смертельно опасно, СОНовцы ухитрялись добираться до Африки, Южной Америки и Австралии, выполнять задания, а некоторые — даже возвращаться назад. Сколько из них погибло — подсчитать так же сложно, как оценить общую цифру потерь русского народа в те годы. И не менее сложно определить тот вклад, который СОН внес в окончательную победу и возрождение России. Позже СОН был преобразован в ООСЕИВК, функции которого состояли в проведении спецопераций там, где что-то провести было заведомо невозможно, и эта невозможность подтверждалась всеми расчетами. Тогда людям "черной сотни" ставили невыполнимое задание — и они выполняли его в девяти случаях из десяти. Ни о численности этой организации, ни о системе подготовки, ни о чем-либо еще никто ничего толком не знал. Само ее название было окружено жутковатым ореолом, лишенным — в отличие от остальных спецслужб или военных вообще — восхищения.

"Черная сотня" просто БЫЛА. И этого было вполне достаточно, чтобы ни один на самом деле опасный и могущественный враг России не мог чувствовать себя в безопасности где бы то ни было.

В лице Тимки не дрогнула ни единая жилка. Он отпил какао. Игорь пригубил кофе и откусил от бутерброда. Тимка молчал, Игорь не выдержал:

— И что же?

— А что ты хочешь услышать? — невозмутимо ответил Тимка.

— Правду, — с излишней агрессией уточнил Игорь. Тимка пожал плечами:

— Я рассылный господина референта. Это правда.

Игорь протянул руку — и стаканчик с кофе, взлетев в воздух, выплеснул горячую жидкость в лицо Тимке. Ответного движения не было — точнее, Тимка схватился за обожженное лицо и вскрикнул. Зашарил по столу за салфеткой, шипя от боли. Игорь вскочил, едва не споткнувшись о вылетевшего из-под стола робота-уборщика, выдохнул:

— Прости...

— Придурок, больно! — простонал Тимка, отрывая кусок салфетки.

— Прости... — упавшим голосом повторил Игорь. — Я не хотел... я думал... прости.

— Пошел ты... — Тимка отмахнулся. Игорь со вздохом поплелся к дверям, чувствуя себя идиотом. Он рассчитывал выявить реакцию Тимки... а она была обычной, как у всякого мальчишки, которому не тягаться в умениях с лицейским выпускником.

Дверь не открылась. Игорь качнул ее. Отпустил ручку. И оглянулся. Тимка смотрел на него — через весь зал. Не глядя, бросил комок салфетки уборщику. На лице у него даже красных, пятен не было.

— Зачем нам ломать дверь? — спросил он. — Кофе ты пролил, но еще есть бутерброды. Может быть, доешь? А заодно и поговорим.

В голосе его появилась хорошо распознаваемая властность, свойственная тем, кого учат повелевать с раннего детства.

Игорь вернулся к столу и сел, улыбаясь. Тимка улыбнулся тоже, и это была настоящая улыбка. Потом он протянул через стол руку, и мальчишки обменялись крепким рукопожатием, меряясь силой. Когда они расцепились, ладони у обоих покалывало, и оба уже не улыбнулись, а засмеялись, не сводя друг с друга глаз.

— Мне не зачтут эту работу, если узнают, что меня раскололи, — откровенно сообщил Тимка и добавил, нахмурившись: — Но я не понимаю совершенно, как это у тебя вышло.

— А никак, — признался Игорь. — Я шел вслепую. И, не останови ты меня у двери, так и ушел бы в уверенности, что ошибся.

— Мгхм... — издал неопределенный, но расстроенный звук Тимка и потер лоб. — Не понимаю. Я был уверен, что ты уходишь, потому что обиделся. Так ты НЕ ЗНАЛ?! Проклятье...

— Ты хорошо работал, — успокоил Игорь. — Я что-то заподозрил еще в первую встречу — помнишь, когда ты с птицей стоял... Даже не ощущение, а так. Краешек подозрения. Но мне всегда казалось, что вас как бы придают разным там премьер-

операторам, а не просто шефам спецслужб колоний... Тимка неопределенно поморщился:

— Все равно мало приятного... Первые мои штрафные баллы, мдас... и крупные. Плюс к тому — получается, что я раскрыл себя сам. Это еще чище.

Игорь не стал обещать никому не рассказывать — ясно же было, что Тимка расскажет сам. Как рассказал бы Игорь, случись с ним что-то подобное. Нельзя сказать, что Тимка выглядел смертельно убитым, но Игорь все-таки заявил:

— Будем считать, что я сам догадался.

— Ни фиги ты не догадался, — упрямо ответил Тимка. — Ладно. Ты хотел говорить со мной именно как с человеком "черной сотни". Но тебе не повезло. Я не смогу выполнить ни одной твоей просьбы. Мы делаем только свою работу и выполняем только приказы... — и он молча показал глазами вверх, потом добавил: — ЕГО.

Он так это сказал, что Игорь понял с удручающей ясностью — все бесполезно. Как сказал бы Степка — пролет. Эти немногие слова, сказанные вполне дружелюбным тоном, были куда более категоричны, чем многословный отказ. Говорил взрослый деловитый человек за маской подростка. Такой же, как сам Игорь. Нет, еще более деловитый и собранный.

— Жаль, — сказал Игорь и поднялся. — Налью себе еще кофе...

Он вернулся со стаканом к столику через полминуты. Ребята сидели друг против друга, словно двое обыкновенных друзей-мальчишек, зашедших в кафе поболтать и погреться.

— Если не секрет — о чем ты хотел меня просить? — поинтересовался Тимка, взглядом попросив разрешения взять один из бутербродов с рыбой.

— Зачем тебе это? — удивился Игорь.

— Предположим — просто любопытно. Так о чем?

— Убить Уигши-Уого, ну да что теперь, — пожал плечами Игорь.

— Да ничего, — согласился Тимка. Засмеялся и повторил: — Ничего, просто странно, какие подарки нам иногда делает жизнь. Ты мне понравился, — сказал он откровенно, — было неприятно отказывать. И такой подарок!

— О каком подарке ты говоришь? — нетерпеливо спросил Игорь.

— Что я, по-твоему, тут делаю? — вопросом ответил Тимка.

— Охраняешь Дергачева, — удивился Игорь.

— Ты же сам сказал, что его незачем охранять, — напомнил Тимка, — и это правда. Во всяком случае — это не моя работа.

И тут Игорь догадался. Догадка была такой, что он просто не мог поверить своему счастью.

— Ты получаешь приказы... — начал он, но Тимка перебил его:

— Я не получаю приказов. Я получил один приказ, когда отправлялся сюда. И интерпретирую его, как мне удобнее. А ты — второй человек после штабс-капитана, который обо мне знает. Даже генерал-губернатор не в курсе... — его лицо вновь отразило явственное неудовольствие. — Твоему Уигши-Уого осталось жить около месяца. И он будет не первым, кого я тут устраню.

Сказанное слегка пугало — уж слишком откровенными и спокойными были слова. Игорь помолчал, двигая по столу стаканчик с остатками кофе, потом спросил:

— А меня ты бы мог убить?

— Не сходя с места, — спокойно ответил Тимка. Игорь прищурился:

— Ну уж?.. Это не так легко...

В следующую секунду он почувствовал, как сразу отнялись руки и ноги — и это было ужасно. Хорошо, что ощущение почти тут же отхлынуло — Игорь сел прямо, нервно моргая. Тимка смотрел на него серьезно и печально-понимающе.

— Как ты это сделал? — тихо спросил Игорь. Тимка выставил из-под стола унт со словами:

— Просто пнул тебя... а ты и не заметил. Чуть сильнее — и ты уже был бы мертв. И все бы удивлялись, что у здорового, тренированного парня остановилось сердце.

— Почему ты меня не убил? — в упор спросил Игорь. Он ожидал ответа, что русский русского... и так далее, но Тимка ответил:

— Я думал об этом. Такое действие не соответствует уровню угрозы.

— А иначе?... — Игорь не договорил. Тимка повел плечом и спросил вдруг:

— У тебя есть, где ночевать?

— Я обратно полечу, — вздохнул Игорь, вставая и нахлобучивая егерку. Тимка тоже поднялся, стол немедленно ушел в пол. Мальчишки вышли наружу. Снег шел по-прежнему.

Игорь наклонился, собрал в горсть и поплотнее скатал снег. Запустил снежок в прозрачную стану — он красиво разлетелся в воздухе, наткнувшись на невидимую преграду. Оглянулся — Тимка, заткнув краги за отворот куртки, тоже мял в руках снежок. Бросил в стенку и улыбнулся — не Игорю, а просто так. Проходивший мимо пожилой человек в полушубке заметил:

— Мальчики, не балуйтесь.

— Мы больше не будем, — извинился Игорь. Мужнина, кивнув, удалился, а парни, посмотрев друг на друга, захихикали. — Ладно, пойду я, если ты передумал меня убивать, — попрощался Игорь и зашагал прочь... но не успел он пройти двух десятков шагов, как его остановил резкий свисток.

Игорь обернулся. Тимка нагонял его.

— Подожди! — Игорь поднял подбородок. — Подожди... — Тимка наклонил голову вбок и предложил: — Зачем тебе лететь? Хочешь, заночуешь у меня?

— А ты во сне меня не задушишь подушкой? — полушутя спросил Игорь. Тимка серьезно ответил:

— Ты запрешься, — и, задумавшись, добавил: — Хотя это меня не остановит. Но я обещаю, что если мне придет в голову такая мысль, я сделаю все совсем не больно.

— Ну а сейчас-то что делать? — осведомился Игорь. — Спать рано...

— Можно сходить, куда захочешь, — ответил Тимка. — И даже девчонок найти.

Игорь на секунду задумался. И понял, что ему очень не хочется идти на аэродром, садиться в «джет», долго лететь... А хочется остаться здесь до утра.

— Знаешь, — ответил он, — давай лучше сыграем в снежки. Я сто лет в них не играл.

* * *

У Тимки была маленькая квартирка — жилая комната с кухонным и бытовым закутками, разделенными пластиковыми шторами — в пристройке дома Дергачева, но с отдельным входом из переулка.

— Сейчас поедем поосновательней, — пообещал Тимка, набирая коды доставки. — Один-шестнадцать, свет... Раздевайся и сушишь, — мальчишки в самом деле вымокли, пока швырялись снежками. — У меня второй кровати нет, я тебе надувной матрас дам, подушку и одеяло.

— Отлично, — Игорь развешивал одежду в шкафу для сушки. — У тебя тут полное подключение, я по нему уже соскучился.

— Да, весь Озерный подключен... Ты есть что будешь?

— Что себе заказываешь, то и мне, — Игорь уселся за откинутый стол, с любопытством осматриваясь. Комната не имела никакого лица. Конечно, понятно — это временное жилище, хоть и долговременное. Но все равно: человеку свойственно обростать какими-то дорогими сердцу вещами даже в гостиничном номере. — Слушай, тебя ведь не Тимка зовут?

— Да меня никак не зовут, — отмахнулся тот. — Для Сумерлы я Тимка Раскатов, значит, я Тимка Раскатов. Это все.

В этих словах была окончательность, и Игорь заткнулся, молча глядя, как Тимка достает из окошка упаковки саморазогревающихся блюд. Сочувственно спросил:

— Сублиматами питаешься?

— Не всегда, — вздохнул Тимаа. — Часто. Садись.

В упаковках оказалась баранина с клецками, и каперсами, морской салат, сдобы и вишневый сок. Игорь ощутил, что в самом деле хочет есть.

Поглядывая друг на друга поверх тарелок, мальчишки в молчании смолотили ужин. Игорь понимал, что сидящий напротив парень намного сильнее его во всех отношениях, но это не подавляло и не беспокоило, скорее уж забавляло. Немного обидно было, что с Тимкой, конечно, не удастся подружиться. С такими не дружат. О них даже не говорят громко... "Рассыльный господина референта"... Сейчас Игорь был уверен, что многочисленные случаи гибели вабиска высокого ранга, о которых он слышал — дело рук Тимки.

— Ты пишешь работу по Сумерле? — неожиданно спросил Тимка. — Как идут дела?

— Да так, — признался Игорь. — Я постоянно занимаюсь чем-то другим. Более важным... — он засмеялся и добавил: — Кажется, я стараюсь произвести на тебя впечатление.

— Зачем? — пожал плечами Тимка. — Я знаю о том, что ты сделал. А сделал ты очень много.

— Но сейчас, — Игорь отложил вилку и потянулся, — сейчас я напрямую займусь работой. Как раз создалось настроение... Да, кстати. У меня скоро день рождения...

— Нет; — Тимка покачал головой. — Я понял — нет, приглашать меня не надо. У тебя и так хватит гостей... Давай-ка спать. У меня с утра работа.

— Да, конечно. — Игорь поднялся. — Знаешь... спасибо тебе. И за вабиска, и за... ну, за обед и за ночлег.

Тимка несколько секунд рассматривал стол. Потом он поднял голову и ответил:

— Тебе тоже. За снежки.

Глава 3 Небоевые потери

*На этнической войне
Фронта нет и тыла...*
Г.Пономарёв.

1.

За четыре с лишним земных месяца от Светланы пришло три сообщения. Ну, если быть точным — за два с небольшим, начиная с Нового Года. Это были не визиты, а письма-факсы, длинные, веселые и обстоятельные, которые Игорь читал и перечитывал, лежа на кровати и улыбаясь.

Сегодня пришло четвертое сообщение. — Игорь обнаружил его, вернувшись из школьного спортзала, куда ходил регулярно, чтобы пообщаться с друзьями — их пути опять разошлись — и поддержать форму. Последнее время его никто не беспокоил, но на этот раз неприятных ощущений не возникало — на Игоря и правда нашло желание работать, разбираться в грудах накопленных за много месяцев материалов.

Несколько раз он видел Войко Драганова — последний раз на масленицу. Точнее — принципиально не видел, и тот отвечал Игорю тем же. Господа дворянство расходились на контркурсах, как нэйкельский и земной корабли в космосе — не замечая друг друга очень старательно. Но в целом и это не портило Игорю настроения.

Переодевшись и завалившись на диван, он распечатал факс и начал вчитываться в набросанные знакомым почерком строки. Светла написала о том, что она продолжает скрываться от матери и младшего брата, где — не сообщала, но добавляла, что страшно скучает и ждет только момента, когда ей исполнится шестнадцать, чтобы немедленно

вылететь на Сумерлу. Игорь не понимал, если честно, что младший-то брат Светки, курсант-военный, имеет против их отношений?! Он никогда не видел этого парня и был с ним знаком только по рассказам генерал-губернатора. Мать — ладно, судя по всему, англичанка была натурой властной и склонной к решительным действиям, а с браком дочери и Драганова она связывала какие-то планы...

Дважды прочитав письмо, Игорь сложил его и убрал в стол. Потом сделал по комнате несколько кувырков «колесом» и, посвистывая, начал включать аппаратуру, чтобы продолжить работу. Попутно он настрогал себе бутербродов и заварил кофе, кружку с которым водрузил на колено. С удовольствием перебрал пачку уже отпечатанных листов — он любил сразу переводить готовое на бумагу.

Работалось хорошо. Он уже довольно давно заметил — с удовольствием и некоторым удивлением! — что его работа начинается... ПОЛУЧАТЬСЯ. Из огромной кучи разрозненных записей, схем, карт, графиков, диаграмм и сравнительных столбцов спектра, к которой он еще в конце прошлого года не знал, как подступиться, появился быстро и красиво обрастающий мясом скелет "Планетография и сумерлогия материка Беловодье вассальной планеты Сумерла".

В комнатах было тепло, даже жарко. За окнами лил дождь, недавно сменивший мокрый снег, но Игорь вывел на все окна летний лес и даже шум ветра врубил — под него лучше работалось. Полулежа в кресле, он шевелил пальцами, не касаясь клавиатуры и независимо от глаз — со стороны это выглядело жутковато.

Игорь так погрузился в работу, что не сразу отреагировал на вызов. С неохотой он повернулся к аппарату и щелкнул кнопкой ответа.

На экране возникло лицо Катьки. Она смотрела на Игоря, словно не узнавая его, и тот довольно неприветливо и нетерпеливо окликнул девушку:

— Что случилось? Здорово.

Катька дернула головой и... залилась слезами. Игорь вскочил:

— Что с Борькой?! — выпалил он первое, пришедшее на ум. Катька затрясла головой отрицательно и выдавила:

— Нет-нет... включи Озерный, Игорь, Игорь... это ужасно!!!

* * *

Игорь не часто видел растерянных дворян. Капитан Бельков в самом деле был растерян — этого могли не заметить обычные люди, но Игорь это видел даже на экране.

— Произошедшее по методам исполнения напоминает методы действия так называемых террористических организаций... — капитан держал кулаки на столе, запястья вылезли из рукавов форменного белого мундира, костяшки пальцев побелели. — Э... это преследовавшие политические цели группы людей... они совершали массовые немотивированные убийства с целью посеять страх и добиться каких-то результатов... в период... особенно активно — незадолго до начала Третьей мировой... Последние террористические организации были уничтожены силами правопорядка во времена Промежутка... Мы просто не в силах... мы не понимаем, кто мог сделать то, что было сделано... Это до такой степени противоестественно, что мы даже рассматривали вариант техногенной аварии. Однако, характер взрывного устройства — емкость, содержащая примерно полтора центнера пороха, перемешанного с галькой — указывает на то, что это дело рук вабиска Иррузая. Я повторяю — именно и только Иррузая! Но что совершенно необъяснимо, — в голосе Белькова прорвалось отчаянье, — как они со взрывным устройством могли попасть в Озерный! Остается вариант чьей-то маскировки под иррузайцев... однако не укладывается в голове мысль о возможности совершения подобного злодеяния руками... Все службы охраны правопорядка работают с полной отдачей, мы надеемся добиться результатов...

...Игорь стоял возле экрана, скрестив на груди руки и набывшись. Ему было тяжело дышать, он все еще переживал увиденные перед выступлением капитана кадры.

В Озерном, на окраине, произошел взрыв пороховой (!?) бомбы, заложенной в мусорный контейнер. Сто пятьдесят килограмм черного пороха разнесли ёмкость вдребезги, добавив к гальке обломки пластика. Увиденное Игорем живо напомнило ему фильмы или хроники времен второй половины XX — начала XXI веков. Дикое, бессмысленное время... Взрыв произошел недалеко от остановки струнника вскоре после окончания занятий в школе.

Пятеро взрослых и двадцать четыре ребенка в возрасте шести-четырнадцати лет погибли на месте. Двое взрослых и трое детей умерли чуть позже несмотря на помощь окружающих и оперативное вмешательство врачей. Восемь взрослых и двадцать детей наводились в центральной больнице города. С ранениями различной степени тяжести. Еще человек двадцать были ранены легко.

Игорю врезался в память снег на месте взрыва. Он был весь подтаявший, дырчатый от крови.

Он был красный.

Когда начали показывать репортаж из больницы, Игорь отключился.

Во время Галактической войны — даже в ее конце, когда все стороны ожесточились, даже сторки, не церемонившиеся с пленными! — никто из воевавших СПЕЦИАЛЬНО не поднимал оружия на женщин и детей вражеской стороны. К ним могли относиться лучше (как земляне, в память которых крепко впечатались ужасы Серых Войн, или скиутты, презиравшие тех, кто показывал силу и власть на самках и детенышах) или хуже (как те же сторки или нечеловеческие в суждениях и поступках дайрисы), но никто не делал их объектом уничтожения сознательно! Фоморы позже — те да, те... но те — другое дело! Это была некрожизнь, потусторонняя и открыто враждебная по своей сути...

Игорь еще не успел отойти от аппарата, когда на экране появился Борька. Глаза следопыта и начальника штаба «Волколаков» были красные, но губы — плотно сжаты, а взгляд — налит злобой. Не здороваясь, он заговорил о совсем, казалось, постороннем, глядя куда-то поверх плеча Игоря:

— Игорь, я очень хочу побывать в космосе. На всех планетах. На всех, слышишь?! Я хочу увидеть пляжи Зеленого Шара. Хочу увидеть бури на Океаниде и ее подводные города. Хочу увидеть золотые леса Рады. Хочу увидеть пустыни Нова-Гоби. И холмы Сапфира, и рассветы на Багровой, и табуны в степях Константины. И скалы Нью Уэллс хочу увидеть, и джунгли на Сребрине, и... и... и все планеты Нейтралов, и Чужих даже, все, все планеты, какие есть! Но я не улечу со СВОЕЙ планеты даже на день, пока мы не разделимся с этой сволочью, которая... которая... — Игорь вдруг всхлипнул и простонал: — Которая убила мою сестричку! — и он упал лицом на руки, скрещенные на столе, возле которого сидел.

Игорь окаменел. Он хорошо помнил двух СТАРШИХ сестер Борьки, гордых славянских красавиц. Но почти не помнил тихую, спокойную девятилетнюю младшую. Он видел ее редко — у девочки был большой талант резьбы по дереву и кости, она жила и училась в интернате при дворце генерал-губернатора...

Как же так?!

Игорь выключил аппарат и несколько минут сидел, стиснув кулаками виски и пытаясь хоть что-то подумать. Потом вдруг с ругательством вскочил, схватил попавшейся ему под руку диск — пронзительно взвизгнув в полете, тот метнулся через всю комнату невидимой молнией и перерубил бордюрную планку у дверного косяка. Повернувшись к аппарату вновь, Игорь начал вызывать генерал-губернатора...

...Это оказалось нелегко — долго, трудно, не то, что раньше, когда был прямой канал. Кажется, с какой-нибудь планетой было бы легче связаться, чем с Довженко-Змаем... но наконец тот появился на экране.

— Я знаю, кто это сделал, — сказал Игорь. Генерал-губернатор не удивился — он кивнул:

— Я тоже, Игорь.

— Это затем, чтобы тебя свалить. Понимаешь?

— Понимаю, — снова склонилась голова генерал-губернатора.

— Сергей, — Игорь почувствовал, как скрипнуло в горле. — Как же они могли, Сережка? Ради чего? Ради каких-то сволочных барышей? Или у них есть какая-то цель? Настоящая цель?

— Цель? — Довженко-Змай вздохнул. — Да, у них есть цель. Не думай, что это просто деньги. За деньги пни не могут купить в нашем мире и тысячной доли того, что хотят. А хотят они много и жадно. Хотят бессмертия своих любимых, холимых, лелеемых тел. Физического, примитивного, сладостного бессмертия. Хотят виртуальных приключений и реальных развлечений, о которых ты ничего не знаешь, не можешь знать. Хотят андроидов-рабов и рабов людей. Хотят всевластия своих денег. Хотят все иметь и ничего не отдавать взамен. Хотят популистской власти и карманной демократии для широкого употребления в узких кругах. И еще многого, очень многого они хотят. А нас ненавидят. За то, что им нужен мир, который наши предки УБИЛИ несколько веков назад, Игорь. Он им очень нужен.

— Но зачем?! — со слезами крикнул Игорь.

— Спроси трупного червя, зачем ему падаль, в которой он копошится? — тихо спросил генерал-губернатор. — Он не ответит. Он просто без нее не может жить. А большее его не интересует... какие там для червя величие человеческого духа и безумство мечты, порывы и дерзания... Ну что, — вдруг очень жестко спросил Довженко-Змай, — дворянин Империи, оценил, с кем разделились наши предки? А если вот ТАКОЕ — ежемесячно и везде?

— Оценил, — Игорь сглотнул слезы. — А Бельков... он знает?

— Уже знает, — подтвердил Довженко-Змай и улыбнулся. Улыбка на его лице показалась Игорю противоестественней убийства. — Он догадался. Хотя трудно себе представить, что ТАКИЕ еще могут быть в нашем мире, Игорек.

— Их отправят на газ, Сергей? — с надеждой спросил Игорь. — Их секвестрируют и отправят на газ?

— Сначала их нужно поймать, — ответил генерал-губернатор. — Поймать за руку. Это трудно, но мы сделаем это.

— Значит, еще какое-то время они будут жить, — задумчиво сказал Игорь. — А сестра Борьки больше не будет...

...И в эти мгновения, пока он осознавал этот факт, в его мозгу промелькнули картины другого мира. Это был мир, разгороженный на части, на кусочки заборами, дверями, сигнализацией, охраной, мир, где все косятся друг на друга — и никто никому не верит, потому что сам сплошь и рядом обманывает тех, кто не успел обмануть его. Мир, где за занятия спортом надо платить. Надо платить и за лечение, и за учебу, и за право заниматься своим хобби. Деньгами платить! Непонятно, кому: «фондам», «комитетам», «комиссиям», «советам», многочисленным и безликим, как дурной сон. Как будто стране не нужны сильные, здоровые, честные и веселые люди... Мир, где у всех есть права, но никто ни за что не отвечает — и чем больше прав, тем меньше ответственности, а место в этом мире покупается все за те же деньги, которые нельзя заработать честно, но всегда можно украсть... а если украсть очень много, то за эти деньги можно купить доброе имя...

А они? Что было бы с ним и с его друзьями в таком мире? Игорь свел брови. В мире, где они считались бы детьми и о заботе в их отношении говорили бы много и красиво? Он представил себе Женьку, спокойного и рассудительного Женьку, шляющегося по вечерним улицам с редкими фонарями — вечер, пиво, тусклое, серое безделье, тесная квартирка, сон, а на следующий вечер — то же... и так всю жизнь. Лизку, смелую и хладнокровную, прислуживающую в баре, которой бросают на поднос мятые деньги и мерзко шутят, а она улыбается и спешит от столика к столику. Бесшабашного, порывистого Борьку, охотника и

мечтателя, продающего себя извращенцам, съехавшимся в Россию со всего света, а потом проигрывающего эти деньги на «автоматах». Насмешливую, резкую Катюху, сидящую полупьяной на лавке в сумрачном парке, среди окурков и пустых банок, в обнимку с такими же нетрезвыми парнями. Зигфрида, но не нынешнего, гордого и храброго, а скучного, приглаженного, никакого...

И себя. Да, ведь и он, Игорь, тоже был бы совсем другим. Невероятно, но ведь это вполне могло быть, он был бы сыном полуниточного военного, презираемого не только богатеями-выродками, но и государством, которому он служит! И не было бы ни друзей, ни космоса, ни будущего... а Димка — Димку погубил бы не бой, не вражеская палица, а умер бы он в подъезде от передозировки наркотиков...

Серый пыльный мешок, одетый на голову — безо всякой надежды его снять. На всю жизнь...

...— Сестра твоего следопыта? — тихо спросил генерал-губернатор. — Мне жаль. Поверь... — он покривился. — Но когда мы найдем доказательства — у них не будет ни имен, ни адвокатов. Только номера, и те недолго, — жестко сказал он. — И в это ты тоже поверь, Игорь.

— А до тех пор они будут жить, — Игорь покачал головой. — Мне очень плохо от этой мысли, Сергей.

2.

Приближение людей по коридору Игорь почувствовал издали и заранее открыл дверь. В нее ввалились двое пионеров — сопя от усердия, казачата вели с заломленными за спину руками... Игорь едва не захохотал, невзирая на все происходящее. Они вели Тимку. Раскатов терпеливо улыбался.

— Игорь, — сказал один из пионеров, дергая «пленника» за ворот куртки, — вот, говорит, что к тебе прилетел. Прилетел на «джете», его ребята на аэродроме охраняют.

— Молодцы, — похвалил Игорь, — но его отпускайте. Он правда ко мне, и он не опасный, — про себя Игорь попросил у Тимки прощенья за наглую ложь. — Охрану у «джета» оставить... Что начштаба?

— Усиленную объявил, — солидно ответил говоривший и толкнул, соседа: — Отпускай, ты чего... В связи со взрывом. Это ирружайцы, как считаешь?

— Да, — кивнул Игорь.

— Вот и мы так думаем... А в столицу они тайно пробрались.

Наверное, он и дальше развивал бы эту тему, но Игорь отсалютовал:

— Будь готов!

— Всегда готов! — синхронно рявкнули ребята и, четко повернувшись, вышли.

Тимка посмотрел им вслед, закрыл дверь и сказал без насмешки:

— Волки. Вцепятся — не отдерешь... Неплохо тебя охраняют.

— Садись, — Игорь махнул в сторону комнат. — Есть хочешь?

— Очень, — признался Тимка. — Трое суток ничего не ел... Прилетел, думал — поем, отосплюсь. Где там! Этот взрыв... — он поморщился, словно от несильной, но надоедливой боли.

Игорь, уже входя в комнату с упаковкой ветчины и хлебом для бутербродов, в упор спросил:

— Знаешь?

— Подозреваю, — дипломатично ответил Тимка. — Шеф не верит, правда. Да я и сам не верил, пока не нашёл кое-какие следы.

— Когда успел?! — удивился Игорь. Тимка, молотя челюстями, как камнедробилка, ухитрился ответить чисто:

— Умеючи долго ли?.. Я зачем прилетел — не затем, чтобы мне руки выкручивали...

— Догадываюсь, — кивнул Игорь.

— Дело из ряда вон, — Тимка уничтожил второй бутерброд; кусок ветчины свисал у него изо рта, как прикушенный язык. — Вот пришлют сюда взрослого офицера — и я на побегушках окажусь. Понимаешь? — лицо мальчишки из "черной сотни" стало искренне-обиженным. — А я сам хочу всё сделать.

— Да делай, я-то что? — не понял Игорь. Тимка шлепнул на хлеб еще один кусок и вздохнул:

— Дело в том, что мне иррузайцев придется пока оставить. В двух местах сразу я быть еще не научился. Работаю, но пока без толку...

"Уж не на это ли и расчет у этих сволочей?" — подумал Игорь, и Тимка продолжил:

— Конечно, на это у них и расчет. Но, — он протянул руку и хлопнул Игоря по колену, — они от меня все равно никуда не денутся. Только попозже.

— Да о чем ты говоришь? — Игорь вздохнул. — Ерунда все это... Ты тех достань. Подонков этих. А с Иррузаем мы и сами разберемся.

— Ну нет, — Тимка упрямо мотнул головой. — Закончу в Озерном — и пусть иррузайцы эвакуируются на полюс. На час дольше проживут.

— Ты за этим приехал? — уточнил Игорь. Тимка дожевывал бутерброд и откинулся в кресле.

— Да. Я же обещал тебе. И себе.

Игорь встал:

— Угу... Поспишь?

Он видел, что Тимка хотел сказать «нет», но что-то в его лице словно обмякло, он махнул рукой:

— Четыре часа, не больше. Я тут лягу?

— Спальня там, — улыбнулся Игорь, — иди и устраивайся по-человечески. Можешь и в душ зайти.

— Слякоть тут у вас, — сказал Тимка уже из спальни. — У тебя где бытуха?

— Там же, рядом с душем, — откликнулся Игорь.

— Я одежду почищу, ага?

— Конечно.

Тимка еще какое-то время шуршал, потом затих. Игорь заглянул в спальню — из-под одеяла торчали только клок волос и кисть руки с расслабленными пальцами.

Игорь вернулся в комнаты, но даже не успел сообразить, что будет делать — снова ожила связь. Степка на экране, явно не рассчитывая на ответ, объявил коротко, что "идем за Пограничную, резать иррузайцев за детишек в Озерном" и вырубился.

Что интересно — никто и не сомневается, что бомбу взорвали иррузайцы. И никто не спросит — как они добрались до Озерного?

Кто их туда ПРИВЕЗ И — ЗАЧЕМ.

Люди привыкли к тому, что СВОИ — это, СВОИ. И никак иначе... Это, конечно, здорово. Но какое же богатое поле деятельности для подонков всех мастей — тех, кто еще ползает по разным планам там, готовый на все, чтобы...

— Да ради чего?! — Игорь обеими руками шарил по стене. — Неужели правда ради... у-у, мммерзость!

Он спустился вниз и взял в принтере "Землю и волю". Экстренный выпуск украшала шапка: "Преступная небрежность официальных властей — из-за их халатности в столице убито двадцать семь детей!"

"Убито двадцать семь детей" было набрано красным, крупнее прочего и иным по форме шрифтом. Делавшие выпуск знали, как расставлять акценты.

Тяжелые мысли навалились на Игоря. Нет, он не был наивным щеночком, абсолютно уверенным в благополучии мира. Он и читал и слышал о разных вещах, то тут, то там прорывавшихся мерзкими гнойниками: притоны наркоманов и лаборатории по производству этих наркотиков; подпольные клубы педофилов и «наслажденцев»; убийцы-маньяки и

просто подонки... Их было исчезающе мало в красивом и благородном мире — и вроде бы становилось еще меньше...

Но они были. Как древние насекомые-паразиты, как клопы или тараканы, таились по пыльным углам большой, веселой и деловитой Галактики Человечества реликтовые пакости — алчность, разврат, себялюбие, жестокость, лень и безразличие. Таились — и выползали, оставляя за собой следы крови и грязи, едва предоставлялась возможность...

Игорь перевел дыхание. Что толку молотить кулаками в стены. Надо бороться — просто бороться. И тогда мерзости станет еще меньше. Хотя бы на чуть...

ДОЛЖНО стать меньше.

* * *

Интерлюдия: Дорогою Добра ²¹

*Спроси у жизни строгой — какой идти дорогой,
Куда по свету белому отправиться с утра?
Но если с другом
худо —
Не уповай на чудо —
Спеши к нему, всегда иди
дорогою добра!
Забудь свои заботы, падения и взлеты...
Не хнычь, когда судьба себя ведет не как сестра!
Иди за солнцем
следом,
Хоть этот путь неведом,
Спеши, мой друг, всегда иди
дорогою добра!
Ах, сколько будет разных сомнений и соблазнов!
Не забывай, что это жизнь — не детская игра...
Ты прочь гони
соблазны,
Усвой закон негласный —
Иди, мой друг, всегда иди
дорогою добра...*

3.

Когда хоронили сестричку Борьки, шел дождь. Игорь плохо запомнил, как все происходило. Тимка, кстати, не уехал еще и держался где-то в задних рядах, сунув руки в карманы куртки. Сам Игорь хотел подойти к Борьке, но не решился — тот стоял возле самой костровой площадки, рядом с родителями, старшими сестрами и Катькой — стоял такой жуткий, с окаменевшим лицом, что Игорь прямо с кладбища пошел к себе.

По дороге стекали влево и вправо, в водосборники, черные струи. Тимка догнал Игоря, пошел рядом, задумчиво слизывая воду с верхней губы. Потом спросил неожиданно:

— Знаешь, чем хорош наш мир?

²¹ Стихи Ю.Энтина.

— Чем? — Игорь поежился. Ему хотелось в ванну, потом — в постель, под одеяло.

— Наш мир хорош уже тем, что в нем подлецам трудно притворяться, — немного непонятно ответил Тимка. — Ладно. Я к тебе не пойду, полечу сразу в столицу. У нас там еще снег...

— Лучше снег, чем такая слякоть... — глубокомысленно отозвался Игорь. — Ты извини, я тебя провожать не буду. Спать охота.

— Да ничего... — Тимка повернул. Игорь долго смотрел ему в спину, потом, не оглядываясь, пошел дальше.

Иррузайцы использовали связь с нечистоплотными людьми из бизнес-кругов для осуществления мести — а свели их, наверное, недоброй памяти фоморы. Иррузайцы будут пытаться свалить Довженко-Змая, потому что теперь люди будут требовать от него возобновления боевых действий на севере. Если он пойдет на это, то деньги, нужные на развитие новых губерний, пойдут на войну. Если не пойдет — потеряет всю свою популярность. Вариант один, надежда одна — найти истинных виновников. Справятся ли Дергачев со своим Тимкой, справится ли Бельков?

А какие интересы тут у Иррузая? Только месть? Кому?.. Игорь мрачно улыбнулся. Да тут все ясно. Их просто надули. Пообещали, наверно, что-то вроде: "Довженко-Змай падет, вам будет временное облегчение, а там что-нибудь придумаем..." Черт подери, какие же они кретины... Уигши-Уого не откажешь в хитрости, но он, наверное, так и не понял, что его «союзники» скорее уж приблизили гибель Иррузая...

... — Налейте пива, пожалуйста, — сказал Игорь вошедшему следом хозяину. Тот кивнул, ушел за стойку, оттуда вернулся с кружкой. Ставя ее перед Игорем, тихо сказал:

— Жалко девочку... Всех жалко, но ее... тихая такая была, — потов вдруг сузил глаза: — Эх, а вот взять бы сейчас «семенова», да и... — он не договорил — ушел.

Игорь выпил пиво залпом. Хрустнул соленым сухариком из чашки.

Нет, долги надо возвращать... Что там Носков сказал про "семенова"?..

Игорь поднялся к себе, разделся, влез в горячую ванну. Включил гидромассаж.

Тимка все сделает. Но иррузайцев он пока что и правда будет вынужден оставить в покое. И генерал-губернатор их не тронет. Но их все-таки надо наказать. Уигши-Уого подождет, да. Но есть караваны и пограничные крепости. И они заплатят. НИКТО не имеет права поднимать руку на русских и убивать их так подло и безжалостно.

Теперь он сам, Игорь Вячеславович Муромцев, найдет себе дело. Не сразу. Скандинавы говорят, что только трус мстит сразу, а раб — никогда. Пусть утрясется все здесь. Он спокойно отпразднует свой день рождения. Он еще напишет работу.

А потом...

— Игорь, ты здесь?

Голос Борьки донесся от порога.

— Сюда, — позвал Игорь, садясь в ванне. Вошел Борька — в мокрой одежде, глаза у него запали.

— Я у тебя переночую, — сказал он, садясь на край ванны.

— Конечно, — не удивился Игорь. — Я сейчас вылезу, нальем заново, и ты отогреешься. Ляжешь в спальне.

— Мать с отцом на работу ушли, а сестры уехали, — Борька потер лицо. — А мне дома страшно. Пес так воет... Я бы к Катке пошел, но не хочу, чтобы она меня таким видела опять... Знаешь, Игорёк, я ее почти и не замечал, — и Борька вдруг начал кусать большие пальцы рук — сильнее и сильнее, до крови.

— Прекрати, — голос Игоря стал повелительным, взгляд поймал глаза Борьки и не отпускал их. — Сейчас разденешься, сменишь воду и ляжешь в ванну. Полежишь, потом обсушишься и пойдешь спать. Понял?

— Да, хорошо, — прошептал Борька, поднимаясь. Игорь накинул халат. И, развернувшись, положил ладонь на плечо друга:

— Сейчас тебя бесполезно утешать... Поэтому скажи мне одно: когда пройдет какое-то время, ты согласен будешь мстить?

— Спрашиваешь! — Борька ожил, поворачиваясь к Игорю. — А о чем ты?

— Пока не знаю, — признался Игорь. — Я пойду спать. И ты ложись.

* * *

Игорь проснулся, от того, что Борька двигался по комнате. За окнами было хмурое, сочащееся дождем утро, и Борька как раз застегивал куртку.

— Ты куда? — Игорь приподнялся на локте, приглушил голос, хотя никого, кроме них, тут не было.

— Зайду домой, соберу ранец, — отозвался Борька.

— Пойдешь в школу?

— Да, — вздохнул Борька, присаживаясь на край кровати. — И потом — я пока что все еще начальник штаба, а у нас сегодня будут решать вопрос по реорганизации в связи с тем, что мы остаемся в тылу.

— Да, конечно, — Игорь сел. — И мне надо работать.

4.

Двое охранников в похожей на полицейскую белой форме ОКК прошли по бетонированной дорожке, не громко переговариваясь. Тот, что шел ближе к ограде, временами постукивал жезлом по чугунным прутьям, увенчанным светящимися зелеными звездами — символом компании. Вскоре постукивание затихло вдали.

Комплекс спал. Только несколько снегоуборщиков очищали магистральные дорожки от выпавшего вечером снега, да в главном офисе светились почти половина окон, а у подъезда стоял транспорт — в том числе «насад» главы совета директоров и «копье» директора "Земли и воли".

...Белая тень плавно и быстро выросла сбоку от дорожки. Там, где она поднялась, не снегу не осталось следов, и не было ни единого следочка на снегу, где она поплыла вдоль дорожки, не обращая внимания на многочисленные камеры слежения. Аппаратуру не обманешь... но почему-то именно от экранов тех камер, по которым плыла тень, отворачивались в дежурке охранники.

Возле окна тень замерла и мгновенно преобразилась — ее бесформенность молниеносно и бесшумно превратилась в четкий белый контур. Существо замерло у стены, почти неразличимое на ее фоне. Мимо прошла еще одна пара охранников — так близко, что, вытянув руку, они могли бы коснуться ночного гостя.

Но даже и не подумали. Голов не повернули.

Человек в белом подскочил и, левой рукой ухватившись за карниз на высоте около четырех метров, качнулся... встал на карнизе легким, неуловимым движением. Казалось, вертикальная стена держит его вопреки законам гравитации.

Он шел по карнизу, и в тех местах, где на нем и на стене лежали длинные косые полосы тени, белый цвет обтягивающего комбинезона темнел, вновь сливаясь со стеной — и возвращал себе белизну, едва тень кончалась.

Около четвертого окна человек остановился. Он стоял чуть сбоку, чтобы не рисоваться на фоне окна — и что-то делал рукой. Потом все так же легко перетек в вентиляционную фрамугу... размером четверть метра на двадцать сантиметров, послушно открывшуюся под его рукой, хотя магнитный — контакт находился, конечно, внутри. Если бы кто-то увидел, это — ему бы долго пришлось осмысливать такой факт.

Но никого вокруг не было.

...В коридоре мягким светом горели панели дежурного освещения. Было пусто и почти тихо, только с нижнего этажа доносились два невнятных голоса. На дверях кабинетов глубоким матовым сверканием поблескивали таблички.

Неспешным, почти прогулочным шагом, совершенно бесшумно, ночной гость зашагал по коридору. Он не пытался прятаться, как-то скрывать себя — просто шел. Лицо скрывал капюшон с двумя прорезями для глаз, внимательно смотревших вокруг. Комбинезон — цельный вместе с обувью — плавно менял цвет в соответствии, с местами, мимо которых шел ночной гость. Довольно рослый, но гибкий, как кошка и бесшумный, словно сквознячок... Похоже было, он не раз ходил по этим коридорам и хорошо знает их.

На повороте из стены выступал декорированный узорным шпоном короб вентиляции. Человек огляделся, легко подтянулся на одной руке. В другой у него появилось... скажем так — ЧТО-ТО, чем он невероятно быстро извлек решетку и, перевалившись внутрь, поставил ее за собой на место..

В начале вентиляционной трубы он лежал, прислушиваясь и принохиваясь. Потом — пополз вперед, ориентируясь по ему одному понятным приметам.

Он полз уверенно, почти тек же быстро и так же уверенно, как шел, пока сбоку из очередной вентиляционной решетки не зазвучали уверенные голоса, обсуждавшие какие-то финансовые проблемы. Человек придвинулся к решётке.

Внизу был кабинет. Несколько человек сидели вокруг модного конференц-стола — трое в гражданском, один в форме флота ОКК. По столу ходили бумаги, работал компьютер.

Человек в вентиляции окаменел. Он не слушал разговор — тот шел об отправке грузов, сделках и прочих делах. Это его не интересовало.

Время шло — минуты... час, еще час... Около четырех утра совещание внизу стало заканчиваться. Ночной гость следил за тем, как люди расходятся — не шевелился, не моргал, только по временам медленно прикрывал и открывал глаза.

Мягко чмокнул замок и погас свет. Кабинет погрузился в полутьму — за окнами горели фонари. Тогда человек, словно большая капля, вытек из бесшумно открытого им отверстия. Выпрямился. Повел вокруг рукой, в которой был зажат все тот же предмет. Временами он останавливал руку, проводил в воздухе, зигзаг — и двигал ее дальше. Во время очередного зигзага в руке человека запульсировал огонек, а сам зигзаг обрисовал на одной из стен — у шкафа — алую мерцающую решетку из скрещенных лучей. Такие же зигзаги по полу очертили над ним хитросплетение лучей зеленого, цвета.

Ночной гость удовлетворенно кивнул и, примерившись, взвился в воздух неестественно длинным прыжком, в котором оттолкнулся ногой от дверцы шкафа и распластался поверху на нем самом. Свесил руку, начал размещать по краям алой решетки поблескивающую ленту, как бы перехватывавшую лучи. Когда таким образом он очистил квадрат в его руке снова оказался нож или что там, и эта штука плавно заскользила по облицовке стены. Короткими сериями вспышек мигала лампочка индикатора — очевидно, в этом мигании был какой-то смысл, потому что в определенный миг рука человека замерла, отодвинулась, а вторая — свободная — зашарила по панели. Замерла тоже, ее снова сменила та — с инструментом — только из него выдвинулось лезвие сложной формы, в следующий момент словно по волшебству превратившееся в манипулятор, тонкий, как паутинка. Свободная ладонь плотно легла на верхний левый угол квадрата в стене, инструмент в другой руке коротко мазнул торцом по нижнему правому...

Бесшумно в стене образовалась П-образная щель отошедшей бронепластины. Человек на шкафу оттолкнул ее подальше, и в темное нутро врезался узкий, но очень сильный луч, освещающий стопки дисков в коробочках с наклейками и обычных папок с цветными кодировками.

Фонарик прилип к виску человека — свет теперь следовал за поворотами головы, а руки освободились. И эти руки начали быстро перебирать папки, переснимая каждый лист маленьким аппаратом. Диски из коробочек на миг переключивались в правый рукав, а потом

тут же возвращались обратно.

Примерно через полчаса считка была закончена, и ночной гость привел все в прежний вид. С минуту полежал, закрыв глаза, потом повернулся на бок, сел на корточки — и снова прыгнул, причем так, что въехал в короб вентиляции, как штифт в гнездо. Ловко извернулся, дважды махнул инструментом в сторону алой и зеленой решеток — они погасли, лента исчезла, а решетка вентиляции уже встала на свое место...

...Снаружи подморозило. Белая крылатая тень скользила между служб вдоль аккуратных дорожек, мимо полукруглых ангаров, расписанных буквенно-цифровыми кодами. Неподалеку слышались шум и лязг — там шли круглосуточные работы, погрузка-выгрузка — но там, где двигался ночной гость, никого не было. А он по временам останавливался, читал коды, кивал и шел дальше. Именно шел, как по обычной улице. Несколько раз он поворачивал — в немыслимом лабиринте складов ориентироваться, казалось, сложно было только с рабочим сканером, но у него как-то получалось, потому что он шел (и пришел) к одному-единственному складу.

Дверь — небольшая грузовая, а для прохода людей — была заперта. Он подошел и, помедлив, постучал по верхнему ее краю: раз-раз-два-раз-раз-два-три.

С той стороны зажурчали, отходя в гнезда, сувальды. Из двери упал косо срезанный кусок света, обрисовалась фигура.

(Вабиска. Все точно.)

Глаза вабиска от изумления расширились совсем по-человечески. Он потянулся за ятаганом, одновременно ошарашенно спросив, все еще не в силах осознать всей фатальности произошедшего:

— Ты кто?!

— Я смерть твоя геройская, — проникновенно ответил на его родном языке ночной гость — кстати, совсем мальчишеским голосом. И вабиска упал, перекосившись всем телом — поперек темного лба взбухал рубец от удара ребром двери.

Человек вошел в тамбур, закрыв за собой дверь. Одновременно, что-то спросив, в дверь напротив вошел еще один вабиска — в коже, с ятаганом в опущенной руке. Он, увидев белого, не растерялся и не стал тратить время на разговоры — просто сразу же бросился вперед, размахиваясь для удара в шею.

Человек ловко и быстро ушел под удар и замер в стойке напротив вабиска. Тот усмехался, покачивая ятаганом, на лице прямо читалось: "Никуда ты от меня не денешься, сейчас..."

— Падай, — как ни в чем не бывало предложил пришелец, — ты убит.

Вабиска дернулся вперед... и, опустив голову, неверяще уставился на кровь, выбрызгивающую из перерезанной паховой артерии. Снова посмотрел на стоящего перед ним человека — тот показывал небольшой скелетный нож²², оказавшийся у него в руке.

Вабиска рухнул навзничь.

Ночной гость бесшумно вошел в дверь — в помещение, заставленное контейнерами. Прислушался и двинулся вдоль них — прямо вглубь складского помещения. Свернул в проем между двумя контейнерами.

В небольшой выгородке, образованной их стенками, на раскладных кроватях спали шестеро вабиска. Еще две кровати были пусты.

Человек поднял руку — в ней был баллончик. Послышалось тихое шипение, в воздухе повисло, расплываясь, аэрозольное облако.

Ничего не изменилось. Просто через несколько секунд спящие перестали дышать.

(Вот и все. Или нет? Стоп. Не расслабляться.)

²² Откованный из цельного куска металла нож без накладок на рукояти, зачастую вообще представляющей собой пустотелую металлическую рамку.

Он вышел в проход и заторопился наружу. Но не успел — там мягко заурчал мотор.

Прыжок в тамбур. Свет — погасить. Дверь — настежь, тихо, аккуратно. Небольшой полувездеход-джип точно разворачивался кормой. Туго натянутый полог трепетал, из кабины выскочил на снег высокий человек в теплой куртке с капюшоном, отороченным мехом, сказал шоферу:

— Поставишь — и иди, на сегодня отработали.

— А разгрузить? — спросили, из кабины.

— Сервопогрузчика активирую.

— Хорошо, — ответили из кабины. Тот, в зимнем, зашагал к складу, не замечая, что дверь приоткрыта.

А когда заметил — было поздно.

Нет, ночной гость на этот раз не собирался убивать, хотя и узнал лицо, хотя и не испытывал ничего, кроме отвращения к предателю, ради барыша связавшегося с врагами человечества. Не убил — но вырубил конкретно, уложив в тамбуре. А потом выскользнул наружу... и ушел куда-то в сторону раньше, чем с неба ударил мощнейший, почти парализующий сноп света и послышался резкий голос:

— Всем оставаться на своих местах! Лечь на землю! Быстро! Не двигаться!

* * *

Сдернув за плечи капюшон-маску, Тимка весело захохотал. Рухнул в кресло, задрал длинные ноги и продолжая смеяться. В таком состоянии — хохочущего — его и нашел штабс-капитан Дергачев, бесшумно вошедший в свой кабинет.

Дергачев поднял брови. Тимка поднялся, не переставая посмеиваться и доложил:

— Все материалы со мной. А директора Карева сейчас допрашивает полиция — почему он валяется без сознания на складе и откуда на этом складе мертвые вабиска.

— Значит, все-таки он? — штабс-капитан сел на край стола, закинул ногу за ногу. — А кто с ним?

— Похоже, что на Сумерле он один, — Тимка посерьезнел. — Если и есть кто — то пара исполнителей из служащих. Этих господин капитан быстро вычислит. А вообще-то следы на Землю ведут... Вот, — он достал из рукава футляр с плёнкой и диск, зевнул: — Извините... А где Файт?

— С германцами где-то на Дальней... Зачем он тебе? — Дергачев передал документы вошедшему человеку: — Отпечатать... Так зачем?

— Хочу продолжить работу по основному профилю, господин штабс-капитан. Оформите командировку?

— На Луну-233, — предложил Дергачев. — Надолго?

— На три месяца, господин штабс-капитан, — Тимка снова зевнул и потянулся: — Извините... Я пока отправлюсь спать?

— Отправляйся, — спрятал, отвернувшись, усмешку, Дергачев. — Командировку завтра вечером заберешь.

— Угу, — Тимка подумал и добавил: — Господин штабс-капитан.

— А все-таки ты нахал, — заметил Дергачев, соскакивая со стола. — Подожди. Когда встретишь Файта — передай ему, чтобы явился сюда.

— Не далековато ли? — усомнился Тимка.

— Бешеному кобелю семь верст не крюк, — нетактично ответил Дергачев. — А мне с ним надо серьезно поговорить.

— Параллельное задание? — поинтересовался Тимка. Дергачев замахнулся на него:

— Иди ты!.. Спать.

Игорю всегда очень нравились дни рождения. Нет, не потому, что подарки, поздравления и всякие там блага и послабления, как обычно полагалось в лицее. Просто каждый такой день приближал его — мальчишку — ко взрослой, такой заманчивой и интересной жизни.

Но шестнадцатилетие — это нечто особенное. Это она и есть — взрослая жизнь. Полное со-вер-шен-но-ле-тие! Что тут еще скажешь? Поэтому в поздравлениях сквозила белая зависть, а Игорь ощущал себя неясно и неудобно — ведь это они, его друзья, организовали праздник ему, Игорю, и не где-нибудь, а в только что открытом молодежном центре Прибоя!

В отдельном зальчике на столе между блюдами и бутылками лежали многочисленные поздравления, а на небольшом столике — подарки, в числе которых Игорь разглядел несколько предметов: во-первых — головную повязку, как у Борьки, расшитую и с перьями у висков (от Катьки); во-вторых — украшенные бисером и золотыми накладками ножны к «полевке» (подарок Женьки); в третьих — книгу, изданную пионерским отрядом: станицы с ироничным названием "Наши скромные герои", и большую картину Лизки, посвященную экспедиции к Третьему Меридиану. Но и остальные подарки были ого-го, причем львиная доля их была не то что от плохо знакомых людей — от людей, фамилии которых вообще ничего не говорили Игорю при первом рассмотрении! Лишь напрягшись, Игорь вспоминал то картографические экспедиции, то бои за Фелькишер Ланд, то недавнее переселение...

Вошедшему в зальчик Игорю устроили овацию. По крайней мере, так сказала Клотти, на что Игорь заметил, усаживаясь, что «овация» переводе с латыни — "забрасывание яйцами". Яйцами в него бросать не стали, но хоровое "слава, слава!" в исполнении друзей приобрело мощь и торжественность национального гимна. Игорь дирижировал вилкой, умело скрывая смущение — еще ни разу в жизни его не чествовали так шумно и весело. Может быть, потому что ни разу в жизни он не сидел в компании, которой командовал, с которой делал общее большое дело, делил опасности и радости последние восемь земных или шестнадцать здешних месяцев?..

Не было Тимки, и Игорь на миг взгрустнул. Где он? И... живой ли вообще? Но грусть оказалась недолгой, потому что Зигфрид добрался наконец до гитары и запел, обращаясь главным образом к потолку:

*— Как из славного района Забайкальского,
Из того-то лица Селенжинского
К нам приперся млад-Игорь-Муромцев.
Игорь Муромцев
Вячеславович...*

— Игорь вытаращил глаза и уставился на Зигфрида, который продолжал велеречиво плести нечто в дико звучащем в устах германца старорусском стиле, но очень складно. "Игорь Муромцев Вячеславович" поворачивал вспять горные лавины, спущенные на мирные селения яшгайанами, вызволял из иррузайской неволи неких «девиц-красавиц» и устраивал им счастье с "витязями верными из дружинушки хороброй", летал под облаками "выше сокола могучего", отпирал реки, запруженные злым колдовством и сокрушал "поединщиков-нахвальщиков", которых высылали против него злые силы. Когда песня закончилась, Игорь только и смог развести руками и, внезапно ощутив сильный голод, навалиться на копченый окорок, притащенный Борькой. Но друзья не унимались, и Игорю пришлось со вздохом отодвинуть тарелку, потому что невозможно же жевать, когда все поют старую песню, сложенную еще в начале XX века от Р.Х, скаутами тогдашней Империи:

*— Будь готов, разведчик, к делу честному —
Трудный путь лежит перед тобой...*

Когда все подхватывали припев "будь готов, будь готов!", Игорь вспомнил, что именно этой старой песней озвучили зимой снятый пионерами Озерного фильм "Мы на Сумерле надолго". Игорь его смотрел. Что странно — в этих самодельковых лентах, где иногда пропадало стерео, было какое-то очарование, из-за чего зачастую они смотрелись интересней профессиональных работ. Один из друзей-приятелей Игоря по лицу собирал такие ленты — в его коллекции хранились аж черно-белые фильмы, снятые в 30-е годы все того же XX века, с живыми актерами, моноплоскостные и с отвратительным звуком, которому не могла помочь никакая очистка. Но лицеисты смотрели эти ленты с увлечением, пытаясь поймать за хвостик что-то, чудившееся им в старинных кадрах — и ускользавшее. А сейчас Игорь, похоже, понял — время. Вот что — время ускользало. Мысль, что все, запечатленное на носителях — было. Это не выдумка художественной ленты, а жизнь. Мальчишки и девчонки на экранах школьных "Финистов+", где крутили записи, были живые, на стоящие. Они давным-давно выросли и умерли, выросли и погибли или даже не успели вырасти, но все они существовали.

Игорь подумал, что несколько раз ведь тоже попадал на запись — тут, на Сумерле. Выходит, и он него тоже что-то останется. Даже если он вообще больше ничего не сделает в жизни.

— Эй! — в лоб ему попал шарик из салфетки. Степка смеялся, обнимая Клотти. — Какого черта ты задумался — на своем-то дне рождения?! Отставить!

— Есть отставить, — улыбнулся Игорь. — Эй, погодите, хватит жрать, слушайте! Тост! — он поднялся, держа в руке бокал с вином. — Тост, я сказал! За...

— Разрешите? — в зальчик всунулся офицер-связист, на него уставились удивленно. — Муромцев, Игорь Вячеславович здесь?

— Это я, — Игорь поднялся, обведя взглядом друзей. — Чем обязан?

— Его Светлость генерал-губернатор Сумерлы Сергей Константинович Довженко-Змай поздравляет вас, сударь, с совершеннолетием и передает оформленные документы, — в руке офицера оказался пакет, он улыбнулся, протягивая его Игорю и — добавил: — Поздравляю вас и от себя лично. Честь имею.

Он козырнул и исчез так же внезапно, как и появился. Игорь удивленно посмотрел на конверт с гербом Гербоводческой Палаты, приложил палец к контрольной печати и достал из конверта... в самом деле — карточку совершеннолетнего. Все, что нужно, по полной программе. Тут же оказалось — совершенно неожиданно — письмо от Василия Дмитриевича, из Верного.

— Смотрите, как меня, ценят, — Игорь всем продемонстрировал карточку и гордо оглядел своих. — Держись, малышня... Кстати, вы в этом году школу заканчиваете, думаете, что будете делать?

— Ой, думаем... — пригорюнился Борька. — Но не сейчас, а? — под общий смех добавил он...

...Веселье шло своим чередом. А Игорю, как иногда бывает посреди праздника, вдруг стало грустно. И он почувствовал себя каким-то лишним.

Игорь тихо выбрался из-за стола и, улыбнувшись в ответ на вопросительный взгляд Степки, вышел наружу.

6.

В центре было довольно многолюдно, но Игоря словно специально ноги занесли в нижнюю галерею. На одной ее стороне были двери пионерских служб губернии — закрытые. Другая стена — прозрачная. За нею в вечернем полумраке открывался вид на залив и падал медленный снег. Наверное, последний в этом году.

Звук шагов заставил его обернуться. В конце коридора появился мальчишка,

отряхивавший о колено рысью шапку. Его меховую куртку украшали знаки различия заместителя начальника штаба — и эмблема, Игорю неизвестная: черный на фоне алого солнца силуэт фургона, выше — золотые буквы «ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ». Парень был огненно-рыж, синеглаз, бледнокож и веснушчат. "Финн," — определил Игорь и не ошибся, потому что мальчишка, все еще колотя шапку о колено, поинтересовался:

— Эй, руссии, где тут наш временный штаб?

Игорь прищурился:

— Как ты меня назвал, чухонец недобитый?

Финн вспыхнул, Игорь мог бы поклясться, что его рука дернулась к висящей на ремне финке-лаап — но сдержался, и Игорь оценил это, сменил гнев на милость и повел рукой:

— Тут везде штабы. Тебе какой?

Финн подошел ближе, вздохнул:

— Извини... Добирался долго.

— Покажи финку, — Игорь принял оружие с уважением. Прямое, лишь на самом конце загибавшееся лезвие переходило в удобную рукоять из странного дерева — очень легкого, но явно прочного, с волокнистой красивой структурой. — Это что? — он щелкнул пальцев по рукояти.

— Скрутень, — пояснил финн, точным движением, не глядя, вдвигая финку в ножны. — Это на Сребрине такое растет...

— Ты из переселенцев? — уточнил Игорь. — С Дальней?

— Точно, — финн кивнул. — Поселок Высокий Берег, вернее, это пока только название. Видишь, у нас даже штаб отряда здесь. Только я не знаю, за какой дверью, — он улыбнулся. — Думал, ты подскажешь.

— Так я тоже нездешний, — пояснил Игорь. — Вообще-то с Земли, а тут живу в станице Черноречье, Прибойная губерния... А что это вы решили собраться-то?

— Дела, — несколько туманно пояснил финн. — Да, меня зовут Пааво. Пааво Ориккайнен, а тебя?

Игорь не успел представиться — дверь прямо за их спинами раскрылась, и чья-то рука не глядя, но точно повесила на крепления эмблему отряда.

— О, наши! — обрадовался Пааво и нырнул в дверь, откуда тут же послышался галдеж.

Игорь снова повернулся туда, где шел снег. По заливу двигалась группа огней — какое-то судно... со свистом, слышным даже здесь, пролетел высоко над водой струнник на Иппу. "Меня, наверное, уже ищут," — подумал Игорь, но остался стоять.

Дверь позади хлопнула, появился мальчишка — помладше Пааво, русский, с решительным подбородком и гербом патруля «Латники» (серебристый панцирь на черном фоне). Он сказал Игорю, как старому знакомому:

— Хорошо, что ты еще тут... Всегда гоняют самого младшего, ты представляешь?

— За бутербродами и лимонадом послали, — догадался Игорь. Мальчишка вздохнул. — Пошли, покажу, где.

Мальчишка взглянул в лицо Игоря и полушутливо-полусерьезно поклонился:

— Сударь...

— Меня зовут Игорь, — усмехнулся Игорь. — Так ты идешь?

— Артём, Микульский, начальник патруля «Латники» пионерокого отряда «Землепроходцы» поселка Высокий Берег, — представился по полной мальчишка. — Мы в основном из Забайкалья.

Игорь про себя воздел руки к небесам. Местность, в которой стоял его родной лицей, вот уже двести лет поставляла едва ли не пятьдесят процентов колонистов в самые разные места Галактики. Забайкальцы даже на фоне прочих русских обличались редкостной обстоятельностью в подгребании под себя новых земель и обладали чудовищным упрямством. Кроме того, у них в крови были страсть к охоте и сельскому хозяйству.

Купив бутербродов и лимонада, они вдвоем вернулись к штабу. Артём, придерживав дверь, пригласил:

— Заходи, заходи.

Игорь не заставил себя просить дважды.

Внутри небольшая комната ничем не отличалась от множества штабов пионерских отрядов, какие Игорь видел в своей жизни. Правда — с некоторым налетом «временности». Кроме уже знакомого Игорю Пааво за раздвижным столом (на нем лежала карта, которую Игорь узнал с ходу: созданная его командой, земли севернее Дальней) сидели еще двое мальчишек лет по пятнадцать: длинноволосый красавчик — начальник патруля "Лыжники", — и широкоплечий подросток с грубовато-решительным лицом, начальник штаба.

Между ними, поверх карты, стоял старый ГАП «тула-киреев» и лежали толстые диски-стозарядники.

— А, привет! — обрадовался Пааво, словно они с Игорем были десять лет знакомы, из них год не виделись. — Я так и не спросил, как тебя зовут...

— Игорь Муромцев, — представился Игорь.

— О! — откинулся на стуле длинноволосый. — То есть... — он вскочил: — Борис Колобов, начальник патруля «Лыжники» пионерского отряда «Землепроходцы» поселка Высокий Берег.

— Женька Рубан, начальник штаба, — поднялся широкоплечий. — Рады видеть... — он замялся и закончил: — Вас. У вас какое-то дело?

"Борька и Женька опять," — отметил Игорь. Артем, расставлявший на каких-то, ящиках принесенное, сообщил через плечо:

— Он просто донести все это помог.

— В принципе это правда, — признался Игорь. — А карта знакомая... И ГАП. Особенно в профиль.

Пионеры внимательно и как-то выжидающе смотрели на Игоря — в результате этих взглядов он начал чувствовать себя несколько неуверенно.

— Я что-то не так оказал? — в конце концов осведомился он.

— У вас заряды есть? — спросил Женька.

Вопрос оказался под стать взглядам: неожиданный. Но Игорь уже успел собраться:

— С собой — нет. А что?

Все четверо переглянулись. Игорь еле сдержал улыбку, когда услышал вполне закономерное:

— По-моему, надо рассказать.

Это предложил Женька. Пааво кивнул, а Борька добавил:

— Может быть, нам повезло.

— Может быть, — согласился Игорь — он ощущал сильный интерес и прочно обосновался на одном из стульев наискось от двери. — Я могу почти все. Итак — зачем вам заряды? И что это за заряды, которые нельзя купить в факториях?

— Там, где мы поселились — отличный лес, — начал Женька. — Пре-вос-ход-ный и в огромном количестве. Но за рекой — местные. Некоторые вполне нормальные, ничего плохого не скажем. Но есть и другие. Проблема, которую надо решать.

— И решение в том, чтобы они нас боялись, — заметил Пааво. Игорь кивнул. Решение было неплохим. Он бы, во всяком случае, проголосовал бы за него обеими руками.

— Поэтому мы потихоньку воюем, — признался Женька, понизив голос. — Ну — потихоньку, вы понимаете?

Игорь кивнул снова — он понимал. От этого «потихоньку» на всех населенных планетах стоном стонали нелояльные местные жители. Уже не раз случалось, что регулярные войска, после долгих обсуждений наконец-то отправившиеся брать какой-нибудь бандитский город, обнаруживали на его развалинах некоего Федьку Хрюкина, который с чисто крестьянской обстоятельностью строил светлое будущее, представлявшееся ему в виде двухэтажного хутора со свинарником на триста голов. На Сумерле с этим оказалось посложнее — Алые Драгуны, набравшиеся из местных землян, и сами неплохо резали «немирных» вабиска. Вот только на Дальней — Драгуны были нужны везде — стояла всего-

то пара кавалерийских эскадронов да полурота легкой пехоты. И, хотя Довженко-Змай прислал половину охраны с латифундии на помощь Драгунам, регулярных частей не хватало все равно катастрофически. Трудно было в такой ситуации ожидать, что новые переселенцы останутся сидеть сиднями на определенных им землях, перенося набеги иррузайцев и запуганных ими лесовиков.

— Наш отряд решил организовать партизанскую группу, — нейтральным тоном объявил Женька, внимательно изучая лицо Игоря. — Все равно с занятиями в школе пока полнейшая катавасия...

— Как в книжке "Монолит", — вмешался Артем, уже успевший вскрыть сок. — Читали?

— Слушайте, ради всего святого, — Игорь поморщился, — зовите вы меня на «ты» Читал я «Монолит». Думаете, получится?

Он хотел добавить, что главного героя этого романа хорошо знал отец.²³ Тесна Галактика для человека...

— Очень интересно делать невозможно, — процитировал молчаливый Борька один из постулатов землянина.

Игорь не увидел в желании мальчишек «попартизанить» ничего странного, германские парни уже давно повоевывали между Пограничной и болотами почти до Дальней — всякий раз, когда находило настроение. Степка ходил с ними и здорово развлекался — Клотти его поносила за «сорвиголовство», а анклав не мог надышаться на своего приемыша: и умный, и смелый, и работающий — короче, настоящий германец...

— Ну, вообще-то зарядов у нас хватает, — Пааво возложил локти на стол. — К «булатам» не хватает. И к подствольникам тромболонов нет. Вот проблема.

— У вас есть подствольники? — уточнил Игорь.

— Три, — признался Женька. — Старье. «Пищали», однозарядки.

— А людей сколько? — поинтересовался Игорь.

— Шестнадцать, — ответил Женька. — Старшие. Все проверенные ребята, стрелки, рукопашники, следопыты.

— Следопыты... — повторил Игорь, про себя подумав, что следопытский ранг, заработанный в земной тайге, глухой, но безопасной, мало имеет общего с Сумерлой и ее реальностью. — Знаете, я бы на вашем месте поместил объявления на местные газетные полосы и в информаторий, — Игорь окинул мальчишек взглядом. — Добровольцев будет завались. И вам легче.

— Мы просто не можем, — покачал головой Женька. — В принципе мы-то заявляем, что идем в краеведческий поход, а какие в краеведческий поход добровольцы? Нашу идею тут же накроют.

— Ясно... — Игорь полез в карман, вытащил блокнот — обычный, из пластиковых листов. — Вот что... — он вытянул руку, Артем подал карандаш. — Вот что, я тут пишу мои данные и то, как меня найти. Сегодня у меня день рождения, вы уж извините... — Игорь, улыбаясь и подняв ладонь, переждал "поздравляем, поздравляем!" и продолжил: — Но послезавтра свяжитесь со мной. Я достану вам заряды к «булату» и тромболоны. И кстати... — Игорь чуть прищурился: — Я бы не отказался сходить с вами. Я снова не у дел. Или вам лишние не нужны?

— Что вы! — вытаращил глаза Женька. — Мы будем только рады! Вы же внук самого «Кулака»... и тут про вас столько говорят...

²³ Роман П. П. Ольшенко, бывшего участником события, в нем описанных, посвящен событиям войны с фоморами, а точнее — высадке их десанта на Тайгу, где колонисты на протяжении полутора месяцев вели ожесточенную партизанскую войну с захватчиками. 14-летний Ольшенко был начальником штаба в пионерском партизанском отряде «Вихрь», который создали подростки, оказавшиеся в походе по лесам и оставшиеся в живых, тогда как их поселок был уничтожен врагом.

— Еще одно «вы» — и ищите себе другого спонсора, — дружелюбно предложил, поднимаясь на ноги, Игорь. — Хорошо, я пойду и изо всех сил буду ждать вашего сообщения...

...Снаружи Игорь прищелкнул пальцами и весело подумал: "Ну вот я и опять при делах! А как там мой день рождения?"

Но и на этот раз ему было не суждено вернуться в зал. Справа — там, где за поворотом находился огромный экран — слышался возбужденный гомон, и Игорь, поколебавшись несколько секунд, направился в ту сторону — посмотреть, что и как.

Человек пятьдесят — в том числе и взрослые — стояли вокруг экрана, обмениваясь в озабоченными репликами. Диктор ИТАР-РИ на фоне плавно передвигающихся в космосе громадин звездолетов сообщал:

— ...линкоры класса «Эмпайр» — основа мощи флота Англо-Саксонской Империи. По данным из наших источников на десантных судах находится до ста тысяч только кирасир и панцырников-пехотинцев, штурмовые части и подразделения гвардии. Как уже было сказано, в ответ на ноту Совета Первых Родов Сторкада, посол Англо-Саксонской Империи на Сторкаде передал Совету меморандум Его Величества Императора Англо-Саксонской Империи, Лорда-протектора Союзных и Лендлорда Вассальных планет, в котором предлагается не вмешиваться в акцию англосаксов, направленную на искоренение гнезда пиратских Семей сторков на Арк-Фендане — планете, как известно, находящейся в англосаксонском секторе влияния...

— Что произошло? — спросил Игорь у стоявшей рядом девчонки. Та мельком бросила взгляд и отрывисто сообщила:

— Англосаксы на Арк-Фендане, на орбите.

— Теперь Сторкад взбесится, — сказал кто-то.

— Не взбесится, — возразили в ответ, — англосаксы им и так почти кислород перекрыли, а Семьи на Арк-Фендане почти вне закона у самих сторков.

— Туда им и дорога, — добавили с другой стороны экрана. Поддержали еще несколько голосов. Офицер в форме торгового космолота заметил:

— Трудно будет воевать. Я Арк-Фендан знаю — гравитация 0,7 от нашей, солнышко светит едва на 3/5, три четверти планеты — чернолесье...

— Справятся, — оспорили его.

На экране диктор на фоне флота сменился кадрами из информационных роликов ВВС. Звучала музыка, пилоты бежали к истребителям и штурмовикам; на палубах, возле катеров с подвешенными десантными шаттлами строились под разноцветными знаменами и "Юнион Джеком" тяжелые пехотинцы в алой парадной форме; скандинавские егеря в кепи с цветными околышами метали в цель финки; синие кирасиры в хвостатых шлемах замерли возле танков; шотландцы из Кордильер, в ярких лентах и перьях, в килтах, маршировали под вой волюнок; проезжали на ошестинившихся стволами машинах уланы в леопардовых ментиках... В боевом снаряжении солдаты всех армий выглядят почти одинаково, даже человека от нечеловека не сразу отличишь, поэтому смотреть на яркую чужую форму было интересно.

— А по-моему, зря они это затеяли, — сказала еще одна девчонка. — У них и так несколько войн одновременно идет.

— Их вооруженные силы великолепны, — заметил хриловатый мужской голос, — а флот и штурмовики, пожалуй, лучше наших. Кроме того, шэни, и гаргайлианцы уцепятся за возможность воевать против сторков обеими руками. Или что там у них? Англосаксы используют их как основную ударную силу на планет

Вокруг засмеялись, но тут же посерьезнели — все. Документальные кадры репортажа сменились старой хроникой времен Галактической войны. За мельканием кадров ясный и звонкий мальчишеский голос пел с неистовой силой, рвавшейся из строк:

— *Земляне!* ²⁴

*Я поведу вас туда,
где не бывали мы!
Мы пройдем сквозь толпы
врагов, как сквозь лес,
затрещат их кости, как сухие сучья.
И если прекратится треск,
значит полегла в боях слава наша!
Мы войдем в их миры,
как пламя в камыш,
города их вспыхнут
другими огнями,
их планеты навзничь
падут перед нами!*

Игорь коротко переглотнул, наблюдая за кадрами хроники — всплывали из багрового тумана окровавленные, озверелые и вдохновенные лица, рушились улицы и горело небо...

— *Шел на площадь за рядом ряд.
К небесам поднимались руки.
И клялись войска.
Был парад.
Проносились хоругви, хоругви.
В центре вился имперский флаг,
черно-желто-снегово-белый,
а на левый и правый фланг
уносились знамена красные.
Этот видел его, видел тот
наше красное, красное знамя,
красное-красное, как восход,
потревоженный ураганами.
До далеких звезд пронесли
цвет восхода — и мы узнали,
что закаты неदेशней земли
были цвета земного знамени!
Всё пройдя и смерть победив,
возвратимся мы стариками.
Станут драками наши бои,
реки быстрые — ручейками.
Мы вернемся в свои города,
где полдневный дремотный воздух,
и лишь в снах к бойцам иногда
возвратятся дальние звезды...*

...Его не искали. Больше того — посмотрели на него так, что Игорю показалось, будто его не узнают.

— Слышали? — с порога поинтересовался он тем не менее. — Англосаксы на Арк-Фендане!

— Да неужели? — спросила...

²⁴ Переделка стихов О.Сулейменова из поэмы "Глиняная книга".

Спросила Светлана.

7.

Над Озерным было уже полночь. Недавно прекратился снег, город спал, лишь на залитых огнями улицах в центре тихонько урчали снегоуборочные машины — дренажная система не справлялась.

Во дворце генерал-губернатора жизнь не прекращалась ни на секунду, но и там из каждых десяти окон светилось только одно, а шум почти утих. Огромный комплекс, раскинувшийся на холмах, дремал.

Караул возле кабинета, генерал-губернатора сменился. Солдаты в парадной форме Алых Драгун, отдав салют холодным оружием, вновь замерли у дверей, украшенных имперскими гербами, чуть вздернув подбородки. Пустой гулкий коридор перекатил эхо шагов уходящей смены и затих, снова.

Дежурный офицер в «предбаннике» работал за компьютером. Дверь в сам кабинет была наплотно закрыта...

...Вытянув ноги под стол, Войко Драганов смотрел новости. Довженко-Змай, одетый в мундир Алых Драгун, стоял у огромного овального окна, придававшего кабинету сходство с рубкой космической яхты. Руки генерал-губернатора были скрещены на груди, глаза полужакрыты. Длинные ресницы чуть подрагивали.

— Мы дружим с девяностого, — внезапно сказал Драганов, не отрываясь от экрана. — С первого класса лица. Я все понимаю и я не в обиде на тебя... Но все-таки — почему, ты даже не попытался образумить ее?!

Довженко-Змай нее повернулся. Он вообще не сказал ни слова — но Драганов напрягся. Он СЛЫШАЛ голос друга.

"Образумить? А отец смог образумить... ЕЕ? Ту, которая умерла на моих руках на улице Иппы в двухсотом? У нее тоже был парень — он ранил меня, когда мы не захотели отказаться друг от друга. И брат у нее был — мы и сейчас с ним дружим, ты знаешь. Но она захотела, чтобы было так, как было — и никто ничего, с этим не смог поделать. Даже смерть."

"Да, и смерть, — отозвался Войко и выключил экран. — Если тебе было больнее, чем мне все это время — я тебе не завидую. Помнишь, как наша лицейская группа пела:

*Я завтра уйду в безнадежный бой. 25
Подписан уже приказ.
И мы не увидимся больше с тобой,
Но эти часы — для нас..."
Генерал-губернатор подхватил:
"Соль на щеке, и губ твоих жар,
И тихий шепот, дождя...
Сегодня я счастлив — вот только жаль:
Я мало любил тебя.
Короткое «да» — пьянящий ответ.
(А звезды шипят в крови)
Я тысячу сонных, приглаженных лет
Меняю на день любви..."*

"Помнишь, на нашем выпускном пели эту песню, а мы танцевали с девчонками и

говорили о будущем?"

"Да, — молча кивнул Драганов. — Сколько погибло человек из нашего выпуска? Ты помнишь?"

"Уже пять, — отозвался Довженко-Змай. — Трое военных, двое гражданской службы... Ты теперь улетишь с Сумерлы, Войко?"

"Нет. Но в конце лета соберу экспедицию и пойду за Третий Меридиан. На год, может — на два, не знаю. Буду искать артефакты Рейнджеров. Может быть, снова приедет Беннет, мы в прошлый раз неплохо поработали."

"Мне жаль, Войко," — закончил генерал-губернатор, поворачиваясь наконец.

— Сергей Константинович, — приоткрылась дверь, появился дежурный офицер, — капитан Бельков только что передал — он ждет вас в тюрьме.

— Да, я сейчас еду. Машину, поручик, — Довженко-Змай оттолкнулся от подоконника. — Поедешь со мной?

— Полечу в лагерь, — покачал головой Драганов, поднимаясь на ноги. — Подвези до аэродрома, по пути ведь.

— Конечно, одевайся.

* * *

— В какой он камере?

Дежурный полицейский, вытянувшись в струнку, отпрапортовал:

— Пятая камера, господин штабс-капитан.

— Откройте, — приказал Бельков и положил на стол фуражку.

— Да, господин штабс-капитан, слушаюсь, — полицейский полез в сейфовый шкаф, потом повернулся и неуверенно спросил: — Господин штабс-капитан?

— Да.

— Разрешите задать вопрос?

— Конечно.

— Это правда... — полицейский смешался. — Это правда, что он... что он нанял вабиска — и помогал им произвести тот взрыв?

— Правда, — кивнул Бельков. Тогда полицейский, подумав, взглянув прямо в лицо своему начальнику и обстоятельно разъяснил:

— Тогда я прошу вас, господин штабс-капитан, снять меня с поста и разрешить отгул. Я нахожусь при оружии и у меня ключи от его камеры... Я боюсь, что нарушу присягу, господин штабс-капитан. Я всегда был хорошим полицейским, вы знаете... и тут у нас немного работы. Но тогда, в тот раз, я помогал соседям хоронить их дочку. Такая красивая и умная была девочка, она бы закончила школу в этом году... У меня самого оба сына ходят туда же. Так что я прошу вас официально, господин штабс-капитан.

Бельков слушал очень внимательно. Затем кивнул:

— Да, конечно. Вы можете быть свободны. Ему все равно некуда бежать...

...Карев поднялся с кровати быстрым движением, уже глядя в сторону двери. Сел, вцепившись в откидную койку обеими руками и облизывая губы. Глаза его поблескивали двумя искорками в свете дежурного плафона. Бывший глава совета директоров выглядел сейчас загнанно к жалко, почти раздавленно.

Бельков аккуратно закрыл за собой дверь и встал, прислонившись к косяку плечом, скрестив на груди руки. Он стоял молча, не сводя с арестованного взгляда, и под этим взглядом Карев начал ерзать, оближивать губы все чаще — и наконец нервным голосом, с каким-то даже вызовом, бросил:

— Вы меня не запугаете, штабс-капитан, не запугаете!

— Да ты сам себя запугал, дальше некуда, — брезгливо сказал Бельков, подходя ближе.

Еще молча достоял, глядя, на корчащегося против своей воли Карева сверху вниз. — Знаешь, что? Я уже довольно долго работаю в полиции. И мне никогда — слышишь, ни-ког-да! — не хотелось бить арестованных. И не приходилось. Даже когда три года назад я арестовал одного из вашей компании, пытавшегося убить генерал-губернатора... тогда ещё просто мальчика Серёжку... даже тогда мне не хотелось ударить его. Я полицейский. Я арестовываю, а не караю, карать — дело суда. И он тебя ждет, будь уверен... но я не об этом сейчас. Просто мне в эту секунду впервые в жизни хочется не просто ударить арестованного, а избить его — до полусмерти, и это все равно будет очень маленькой платой за тех, кого ты убил руками иррузайцев. Просто как человеку хочется, как нормальному человеку... — и кулак Белькова со страшной силой впечатался в лицо Карева, отбросив его к стене так, что послышался глухой стук. — Как хорошо-то... — пробормотал штабс-капитан, потирая костяшки пальцев, — чудо до чего хорошо... — заливаясь кровью и с ужасом следя за руками полицейского, Карев сел на кровати. — Я пытаюсь понять, чего тебе не хватало? Ради чего ты убил двадцать восемь детей? Чем же ты будешь оправдываться перед собой?

— Двадцать семь детей, — гнусаво сказал Карев. Бельков покачал головой:

— Двадцать восемь двадцать восемь... Ты еще не знаешь — кажется, твоему сыну было двенадцать лет?

— Было? — сорвался в хрип Карев. — Как...

— Когда он узнал, что ты сделал, он застрелился, — пояснил Бельков. — Зря конечно. Он не виноват, что его отец такая сволочь. Позавчера, у себя в спальне... Ну так за что, ради чего ты их убил? Неужели ради денег, тебе что, не хватало того, что у тебя было?!

Раскачивавшиеся на кровати Карев вдруг выпрямился — и теперь уже штабс-капитан отшатнулся, пораженный тем, какое у арестованного было выражение лица. А тот заговорил, скалясь и отрывисто бросая слова и фразы:

— Что? Ради денег? Нет, не ради денег... не ради денег, плевать я на них хотел... Думаете, только вы, дворяне, проследживаете свои идиотские родословные? Вот уж нет... Я тоже кое-что о себе знаю... Мой предок — еще тогда, до Третьей Мировой — владел половиной добычи нефти в вашей России. Он был не просто богат. У него была власть и возможности. А ваши проклятые предки в те годы нищенствовали, потому что были глупцами, вот и все... И с американцами он бы договорился, договорился бы и жил не хуже, чем раньше, может, даже лучше... Но как же, нет! — Карев забулькал горлом, из его глаз брызгала ненависть, обжигавшая расплавленным свинцом. — Вам моча в голову ударила! Имперцы, сверхлюди, сучары... начали эту войну... не задавили вас совсем вовремя... не перебили, не выморили дочиста, пока было можно... Вы все разрушили! Все, дочиста! Все планы! Весь мир! Ради своей поганой чести... Конечно, что вам было терять! А другие потеряли все! Но я — я про это знал и помнил! Если бы ты мог понять, как я вас ненавижу! И вас самих! И вашу жизнь! И ваши корабли! И ваши лица! И вашу армию! И вашу науку! И... и... — он захрипел, плюнул на пол. — Будьте вы прокляты! Ну ничего! Я не один такой и не последний! Мы подождем! Мы потерпим! Все равно будет наш час! Тогда вы за все заплатите! За всех! Тысячу лет будем ждать! Десять тысяч! Но наш час придет! Наше время настанет! — Карев был жалок и страшен, он снова прохрипел: — Будьте вы прокляты!

— Проклят будешь ТЫ, — Бельков оправился от изумления и был очень спокоен. — За детей, которых ты убил. Тебе недолго осталось — и все эти оставшиеся тебе дни ты будешь носить на себе это проклятье. Оно не от меня. Оно от нашего мира, в котором тебе нет места...

...Генерал-губернатор сам открыл изнутри дверцу машины, и та, при поднявшись и, набирая скорость, бесшумно двинулась в сторону дворцового комплекса. Довженко-Змай молчал довольно долго, потом спросил неловко:

— Ты ударил его?

— Да, — Бельков поморщился. — И теперь мне противно... Не надо было этого делать. Не сдержался.

— Не сдержался, — согласился генерал-губернатор. — Ты прав, не надо было так. Это от злости на самого себя. По большей части, — и он откинулся на спинку, послушно повторившую форму тела. — Только ты себя зря винишь. Такое предвидеть было трудно.

— Это не имеет значения, — Бельков смотрел в окно. — Полицейский обязан делать свою работу.

— Как же мы все-таки недалеко ушли от грязи прошлых времен, — вдруг сказал генерал-губернатор. — Казалось бы, навечно изгнали саму мысль о возможности подобного — вот. Пожалуйста. Ведь существуют же рядом, на одной планете, такие, как этот пацан, витязь в охотничьей куртке, Игорек Муромцев — и эта сволочь с дипломом доктора планетарной экономики. И это обидно. Очень. Его, конечно, казнят. Только не вернешь уже... А себя ты не вини. С тихими подонками вообще страшно трудно бороться.

— Да. Иппу брать было легче, — наконец улыбнулся Бельков. И тут же смешался: — Прости. Я не подумал...

— Ничего, — ответил Довженко-Змай, но его лицо окаменело. — Просто немного больно...

Какое-то время ехали молча. Но генерал-губернатор неожиданно и довольно странно нарушил молчание:

— Враги всегда мечтают, как бы напасть на нашу страну, уничтожить наших защитников — армию и флот, отнять наши земли, фабрики и заводы, посадить нам на шею капиталистов, чтобы весь советский народ работал на них, чтобы опять вернулись в нашу прекрасную страну нищета, безработица, голод, холод, унижение, рабство...²⁶ Я в лицее читал одну старую книжку. Старомодная очень, но интересная. Это оттуда... — он выдвинул экран и несколькими нажатиями кнопок вывел на него ажурно-просчитанный, легкий чертеж моста.

— Вот, назвал в честь... в честь НЕЕ. Предложил на конкурс гостов через Дальнюю и Пограничную.

— Выиграешь, — уверенно сказал Бельков. — Сколько их по твоим проектам построили?

— Три тут, на Сумерле, — с удовольствием вспомнил генерал-губернатор, — и еще один на Океаниде. Я был бы хорошим инженером, если бы не стал генерал-губернатором.

— Кажется, одно другому не мешает, — заметил Бельков.

— Ох, мешает, — вздохнул Довженко-Змай.

— Кстати, — вспомнил штабс-капитан, — как там этот твой витязь в охотничьей куртке-то?

— Он что-то подозрительно притих, — задумчиво протянул генерал-губернатор. — И мне не очень верится, что он пишет свою работу. Скорее всего, скоро где-нибудь за Дальней запыляется... и подкладывать дровишки в тамошние костерки будет именно он. Мне бы вот только узнать, с кем он выйдет на прогулку — с германцами или подойдет на авантюру новых колонистов? Если с колонистами — они чего доброго, возьмут столицу Иррузая до конца лета...

8.

Сторк был почти неотличим от людей Земли — высокий, в помпезном, даже слишком, парадном мундире, он вошел в зал и окинул собравшихся невыразительным взглядом больших, ярко-зеленых, широко посаженных глаз. Узкое бледное лицо с гладкими скулами и прямым носом было бесстрастно. Точным, неожиданно земным жестом сторк отдал честь.

Генерал-полковник подумал вдруг, что в этом совпадении нет ничего случайного. Земной обычай отдания чести произошел от того жеста, которым средневековые рыцари

²⁶ Здесь отрывок из фантастического романа Г.Адамова "Тайна двух океанов".

поднимали забрало. Сборки походили на землян почти до смешного; скорей всего в их истории тоже было нечто подобное. Он вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы посмотреть Сторкад в жизни — не на экране. Красивая планета... А через секунду пришла и другая мысль: не случайно враг выбрал именно сторка для этой миссии. Именно из-за похожести, чтобы смягчить землян.

— От имени, — начал сторк, и генерал-полковник внутренне вздрогнул от неожиданности, — объединенного командования Нэйкели, Дайрона, Сторкада и Джаггана, а так же подчиненных планет я, Кен Ло Сиад токк Сиад апМид Сиад... — дальше звание, соответствующее земному маршальскому; по нему и по имени, указывавшему на принадлежность сторка к элите элиты от элиты планеты, генерал-полковник почуял всю важность намерений врага и с трудом заставил себя сохранять хладнокровие, — ...уполномочен предложить противной стороне мир.

— Отказано, — сказал генерал-полковник и злорадно увидел, как расширились глаза сторка. Сделав вид, что он этого не замечает, генерал-полковник начал: — От имени объединенного командования Земли, Скиутты, Брэссудзы, Нэриана и Гаргайла я, генерал-полковник Столпников, глава Военного Комитета Большого Круга Объединенной Земли, уполномочен предложить противной стороне капитуляцию, — глаза сторка стали яростными и надменными; генерал-полковник добавил: — Прошу помнить, что наши — лоты находятся на орбитах всех ваших метрополий, кроме Дайрона. Прошу так же не забывать, какое количество добровольцев с миров, названных вами "подчиненными планетами" жаждет принять участие в высадке. У вас есть полномочия для принятия решения?

— Да, — сторк на миг прикрыл, глаза. — Воля победителя — закон для побежденного, и мы принимаем условие о капитуляции. Начнем с того, что возвратим всех ваших пленных, в том числе — переданных в частное владение, не требуя возвращения наших...

Позади в зале поднялся радостный и недоверчивый шум. Сторк, презрительно скривив губы, окинул взглядом ту часть зала, где сидели не-земляне:

— Поясните вашим... — последовал сторкадский вариант «шакала» — ...что мы капитулируем перед Землей. Вам решать и ставить условия. Только вам.

— Несомненно, — согласился генерал-полковник и, протянув руку, взял из пальцев подошедшего адъютанта лист бумаги. — И все позднее будет обговорено подробнейшим образом. Но прямо сейчас бы я хотел поставить вопрос о Сторкаде. Из всех воевавших сторон только ваша замешана в осознанных военных преступлениях. Вот список тех, кого Земля хочет получить для суда — двести тридцать семь офицеров и гражданских.

Сторк окаменел. Не менее полуминуты он не сводил глаз с невозмутимого лица землянина. Потом отчетливо перевел дыхание и заговорил тихо-тихо, перейдя на родной язык:

— Мне известно, что вы понижаете меня. У меня было восемь сыновей. Шестеро старших мертвы. Седьмой калека. Ваша ракета оторвала ему руки и ноги... Восьмому — по вашему счёту тринадцать лет; сейчас он дежурит в расчете ПКО моего города. Так вот. НИКОГДА Сторкад не выдавал своих. Если вы будете настаивать на этом позорном пункте — мы станем драться с вами до конца. **МЫ ВСЕ СТАНЕМ ДРАТЬСЯ.** А последние из нас уничтожат планету. Мы подготовились. Итак, человек? Представители Дайрона готовы заменить меня на переговорах.

Генерал-полковник вновь посмотрел в глаза сторка. Ему вспомнился зал с факелами — несколько лет назад...

Улыбка сына — доверчивая и гордая...

...Ключки разорванного листа спланировали под ноги сторку и человеку. Сторк проводил их безумными глазами. Поднял их — уже непонимающие, больные, смертельно усталые, измученные — да какие угодно, только не грозные! — на человека. Человек бесстрастно сказал:

— Теперь приступим к началу подробного обсуждения...

...Привалившись к закрывшейся двери спиной, Столпников, генерал-полковник Объединенного Флота Земли и глава Военного Совета Большого Круга, всхлипнул, обеими руками разорвал тесный ворот парадного кителя и, почти ничего не видя от слез, срывающимся голосом выкрикнул внутрь каюты:

— Юрик... сыночек!.. Ты слышишь?! Победа, мир, Юрик! Победа!..

Веселый мальчишка улыбался плачущему отцу.

Молча.

Со стены.

Из траурной рамки портретной голографии.

* * *

Струнник со свистом проскакивал над небольшими речками, терявшимися среди серебристо посверкивавших равнин, покрытых редким ковром солянки. "Виут... виут... виту..." — мягко шептали стыки, и состав то взлетал на полукилометровую высоту, то падал к самой земле.

Облокотившись на откинутый столик, Светлана любовалась летящими за окном видами. Игорь — нога — на ногу — сидел возле собранной сумки и любовался Светланой.

Она часто прилипала к окну. В самом деле — интересно было смотреть, как буквально на глазах леса сменяются перелесками с полосами степи, а дальше — над широким ковром весеннего разнотравья — серебрится Пик Силантьева, высочайшая вершина планеты. И вот, уже полчаса струнник с трехсоткилометровой скоростью летел над солончаками экваториального пояса.

— Прибытие в Новый Минск через десять минут, — объявил динамик над дверью, купе.

— Приехали почти? — Светлана отвернулась от окна. — Я и не заметила, — она улыбнулась.

— Я тоже, — признался Игорь. — Я на тебя смотрел все время.

— Ты спал, — возразила Светлана. — По крайней мере час.

"И сон видел," — хотел сказать Игорь, но не сказал, потому что девушка пересела к нему и положила голову на плечо. Игорь обнял ее и дунул на висок, отбрасывая волосы. Светлана засмеялась, покосилась лукаво:

— Давай ещё посмотрим.

Они дружно откинули столик. Игорь нажатием кнопки опустил стекло. Упругий горячий ветер с запахами взгретой земли хлестнул в купе, отталкивая от окна, но юноша и девушка, обнявшись, встали плотнее.

Это была другая страна, совсем не похожая на лесистый сельскохозяйственный Север с его фермами и аграрными поселками. Солянка накапливала из почвы минералы, на больших озерах открытым способом добывали поваренную соль. Местность пересекали дороги, по которым, поднимая облака белесой пыли, шли колонны гигантских транспортных. Мелькнули на горизонте тесно стоящие башни комбината — белые, сверкающие. Равномерно и неспешно вращались на холмах лопасти ветряков. Искристо — глазам больно — сверкали огромные кристаллы на берегах озер, где в густой жиже неустанно ворочались конвейерные лопасти солеуборочников.

Линия делала широченный разворот — мелькнул океанский залив с разноцветными парусами — и состав ухнул в распадок ущелья, облицованный шлифованными гранитными плитами. Пролетели выгнутая ажурная арка моста, пешеходные тропки с людьми на них, экран — Игорь только заметил надпись: "Новый Минск приветствует вас!" и движущуюся цепочку каких-то цифр.

— Странно, — сказала Светлана, — перелет с планеты на планету не так удивляет, как

путешествие по одной, когда за окном все меняется на твоих глазах. Я столько раз прилетала на Сумерлу, а в этих местах никогда не бывала. Только на экране видела... Казалось — скучно, а тут как-то по-особенному красиво... А может быть — потому что ты рядом.

Игорь подхватил сумку и улыбнулся...

...Из купе на перрон прыгали и сходили люди. В основном это были отпускники с севера или местные: ездили на север по каким-то своим делам. Все эти люди очень быстро расселялись е привокзальной площади.

Новый Минск — пятый по числу жителей населенный пункт Сумерлы — спускался к океану по склону большого холма. На взгляд Игоря, тут было маловато зелени — лишь два парка и кайма бульваров вдоль жилых улиц. Дальше по берегу различалось движение — строили жилой район, новый, и космопорт. А еще дальше начинались рощи, к которым вела дорога.

— Нам туда? — кивнула Светлана. — Выглядит симпатично.

— Судя по проспектам — туда, — Игорь поправил на плече сумку. — Пошли транспорт искать. Я заранее не заказывал, чтобы было романтичнее.

У съезда с площади стоял памятник Силантьеву — знаменитый геолог и основатель города, опираясь на молоток и широко расставив ноги, не сводил глаз под пробковым шлемом с соляных полей, которые он открыл, начал разрабатывать и на которых погиб семь лет назад.

Новый Минск носил на себе прочный отпечаток промышленного города — иного, чем города Севера, непривычного. Даже характерная наглядная агитация имела промышленный характер.

Они как раз проходили мимо редакции местной газеты, когда рядом мягко притормозил «полоз». Высунувшийся из опустившегося окна пожилой мужчина в легкой куртке спросил:

— Северяне? Садитесь, если в парковый комплекс.

Он говорил иначе, чем на Севере. Те места заселяли в основном забайкальцы и переселенцы с Балкан. А здешние районы — обитатели Русской Равнины, к каким явно относился и водитель.

Светлана и Игорь вместе с сумкой поместились на заднем сиденье, и «полоз» тронулся с места, быстро набрав скорость.

— Свадебное путешествие? — поинтересовался водитель.

— Почти, — откликнулся Игорь и получил тычок под ребра от Светланы. — Отдыхаем.

— Гражданская служба? — определил водитель. — Понимаю, сам был... На севере, небось, еще холодно?

— Да так, — ответил Игорь.

— А у нас всегда одно... Но привыкаешь, даже затягивает. Я ведь сюда с самим Силантьевым добрался. Вообще-то я на пенсии давно, а вот бросить работать не выходит. Консультирую на комбинате. Посмотришь — странно даже. Кажется, недавно пустое место было. А сейчас надо же — город! — он произнес это с насмешливым уважением. — Шесть тысяч человек... И я — шесть тысяч первый.

— А вы живете в городе? — любопытствовала Светлана.

— Да нет, здесь же, в парковом комплексе. В пансионате, — охотно пояснил водитель и засмеялся: — У меня ведь своего дома вроде как и нет. Где только не был — а последние десять лет — нет, больше — тут. Ну и решил осесть. Прикипел. Что ни говори, а я эти места своими руками создавал.

Машина проскочила по эстакаде над медленно текущим каналом, перекрытым мощными створами. Пошли рощи, среди которых тут и там стояли дома — белые, с большими окнами и верандами, коттеджи, совсем не похожие на хуто ра Севера, а рядом с ними — П-образные двухэтажки.

— У вас номер заказан? — поинтересовался водитель. — Мне направо.

— Спасибо, — Игорь подхватил сумку, — мы тут сами дойдем.

— Спасибо, — в свою очередь поблагодарила Светлана и, опершись на руку Игоря, вылезла из машины.

Они осматривались, держа друг друга за руку, одетые практически одинаково: во все белое — широкополые шляпы с кисеей, легкие рубашки, спортивные туфли, только на Игоре были лёгкие джинсики, а на Светлане — короткая плиссированная юбка.

— Тихо, спокойно, — сказала девушка и вздохнула: — Вон туда — это, наверное, к океану?.. У нас третий домик.

— Вон указатель, — Игорь поудобнее повесил сумку и решительно зашагал к умиляющему своей классичностью столбу с табличками...

...Домик был однокомнатный, но с большей закрытой верандой, выходившей на океан, полностью подключенный и идеально чистый — автомат приятным голосом поприветствовал гостей, поинтересовался, на какой язык настроить дальнейшее общение и сообщил, что аппаратура приняла новых хозяев.

— Очень симпатично, — признала Светлане, снимая шляпу и встряхивая головой так, что рассыпались и засияли ее волосы.

— Очень, — подтвердил Игорь, имея в виду совсем другое. И вдруг заметил, что и Светлана смотрит на него: неотрывно и жалобно. — Ты что, Свет?

— Так, — Светлана вздохнула и призналась: — Я вдруг подумала: а что если ты меня разлюбишь?

— Я? Игорь тоже снял шляпу. — Я до сих пор не могу понять, за что... чем я заслужил... Я боюсь, что ТЫ меня разлюбишь. Я все эти месяцы боялся, что ты забудешь... — он чуть наморщил нос и почти весело признался: — Я тогда сразу умру, Свет. Сразу. Тут же.

* * *

Интерлюдия: Кто я без тебя? 27

*Легче облака и нежней
Спит в ладони моей твоя —
И эту ночь
ты не торопи...
Я не стою любви твоей,
И прошу тебя снова я —
Прошу тебя:
лишь не разлюби!
Ты единственный луч во тьме
В этом мире, что так жесток,
И я шепчу
лишь: "Не разлюби!"
Словно узник я, что в тюрьме
Нежный вырастить смог цветок —
Забыв его —
ты не погуби!
Вдруг
Глянешь, не любя,*

*Скажешь, не любя:
"Это — насовсем..."
Но
Кто я без тебя?!
Что я без тебя?!
Что я — и зачем?!
Зачем?..*

* * *

Адамант светил узким алым серпом, но тем ярче казались звезды. Всё остекление на веранде было поднято, два пляжных топчана, подтащенных к краю, сдвинуты вплотную и небрежно накрыты простыней.

Игорь и Светлана лежали бок о бок, устроив подбородки на скрещенных руках. Светлана болтала ногами и хихикала над байками Игоря:

— "...я из вас людей сделаю! Даже если это вас убьет!" — Игорь потянулся к Светлане, но она, улыбаясь, подставила под его ладонь свою руку и покачала головой:

— Погоди, я устала... Я скажу, когда... в общем, погоди.

— Конечно, — Игорь улегся на бок, опираясь виском на ладонь, и несколько раз подтолкнул коленом Светлану в бедро.

— Не приставай, — весело заметила Светлана. — Ты, оказывается, неугомонный.

— Свет... — Игорь перевернулся на спину, вытянулся, вскинув руки над головой: — Свет-Свет-Свет... какое хорошее у тебя имя! Больше ни на одном языке так не получится.

— Я наполовину англосаксонка, — напомнила Светлана, — и это не худшая моя половина.

— Ты не любила своего отца? — тихо спросил Игорь. Светлана вздохнула:

— Его трудно было любить... Он был слишком занят.

— А я? — мгновенно среагировал Игорь.

— Ты — это другое...

Они лежали и улыбались друг другу.

— Хорошо, что так бывает... — начал Игорь.

— Когда с первого взгляда, — поняла его Светлана. — Знаешь... мне ведь казалось, что я люблю Войко. А потом поняла, что это просто привычка. Я как только сюда прилетала — сразу его видела...

— Не надо, — поморщился Игорь. — Мне до сих пор перед ним неудобно.

— Мужская солидарность, — подколола Светлана. — Но ты — мой и только мой. И никто другой мне не нужен. Да и не может быть никого "другого".

Игорь сел, держась за колени и скрестив ноги. Потом встал и, бесшумно ступая по теплему деревянному полу, подошел к краю и оперся на защелку рамы, глядя наружу. Внизу проходила тропинка, горели фонари, но было пусто, а дальше — и ниже — ходили и смеялись люди, на вывеске стереозала двигалась реклама нового фильма "Операция "Совиное гнездо"". В океанской воде пробегали полосы сияния, и через них шел сверкающий огнями лайнер, кажущийся отсюда игрушкой.

На тропинке появился одинокий и печальный пешеход. Мальчишка лет десяти — босиком, одетый в шорты — шел, рассматривая тропинку и по временам пиная вниз мелкие камешки.

— Э, — окликнул его Игорь, — оплата за расчистку территории сдельная или почасовая? — мальчишка поднял печальное лицо, и Игорь позвал: — Иди-ка сюда.

Мальчишка повернул и подошел почти вплотную, кивнув:

— Добрый вечер, сударь.

— Для тебя, как я вижу, не очень, — заметил Игорь. Мальчишка, не переставая

разглядывать землю, тем не менее воспитанно ответил:

— Не очень, сударь...

— Подрался? Или, — Игоря осенило, — мелочи на стерео не дали?

— Не дали, сударь, — подтвердил мальчишка. — А карманные... — снова прерывистый вздох, — у меня кончились уже...

— А почему не дали? — Игоря забавляла ситуация, Он, правда, в подобной никогда не был — на Земле стерео (если не премьеры) давно были бесплатными, а премьеру бесплатно демонстрировали в лицее. — Школа?

— Пара по истории Земли. Вчера, — конспективно пробормотал мальчишка, не поднимая глаз.

— Ясно... Свержение тюркского ига. XV век от Р.Х.?"

— Не, мы это еще не проходили... — было понятно, что мальчишка не хочет распространяться.

— Тоже ясно... — Игорь чуть повернулся и позвал: — Свет мой зеркальце, сколько тут стерео стоит?

— Двушку! — с надеждой в голосе мальчишка вскинул голову и заморгал.

— Свет, найди там двушку и тащи сюда. А еще лучше — весь мой бумажник.

Светлана появилась с бумажником. Рама закрывала ее снизу до пояса, но и того, что было видно выше, вполне хватило, чтобы мальчишка выдохнул: "Ух!" — и устремил равнодушный взгляд на крышу. Светлана со смехом протянула Игорю бумажник. Тот порылся, достал двухкопеечную монету и протянул мальчишке: — Держи. Надеюсь, фильм хороший.

— Ой, нет, я не могу, спасибо, сударь, — мальчишка попятился и замотал головой. — За просто так я не возьму, сударь. Я пионер...

— За просто, так? — Игорь покосился на Светлану и та, кивнув, выставила большой палец. — Тогда вот что. До фильма еще сколько?

— Сорок минут, — ответил мальчишка.

— Вот и хорошо. Ты берешь двушку, а взамен находишь одного человека... Мы, правда, про него ничего не знаем.

— Пожилой такой, он тут живет, — дополнила Светлана. — Консультант на комбинате...

— А, это Николай Палыч! — обрадовался мальчишка. — Я его знаю, он у нас в кружке лекцию читал, и вообще... — мальчишка сделал неопределенный жест.

— А что нужно? — уже деловито продолжил он.

— Вот, держи еще десятку, — Игорь протянул банкноту. — Купи хороших конфет. Бабаевские тут есть?

— Конечно, — кивнул мальчишка. — Передать ему, сударь?

— Да... И еще... — Светлана уже успела сбегать к бару и принесла высокую цилиндрическую бутылку "Русской пшеничной", шепнув: "Коньяк он едва ли оценит..." — Вот, это передашь. И визитки, — Игорь приложил к бутылке две визитные карточки: свою и Светки. — Скажи, что мы его благодарим за то, что подвез. Давай, беги!

— Все будет сделано, сударь! — весело отрапортовал мальчишка и унесся бегом.

Игорь и Светлана еще долго стояли у края и любовались океаном. Молча, только потом Светлана вздохнула и сказала:

— Все-таки очень хорошо, а, Игорек?

— Да, — согласился тот и потерся щекой о бархатистую кожу плеча девушки.

— И вообще — в каком хорошем мире мы живем, — Светлана подняла лицо к небу и улыбнулась звездам. — В очень хорошем мире, честное слово!

И Игорь снова согласился с ней.

Директор Карев уже на предварительном допросе признался во всем, что позволило арестовать двух его «подельников» на Сумерле и проследить связи до Земли. Кроме того, были захвачены две группы иррузайцев, готовивших второй взрыв в Озерном и взрыв на космодроме. Но третий взрыв предотвратить не удалось — бомбу, заложенную возле молодежного центра с уже зажженным фитилем, заметили двое мальчишек-кадетов. Один из них бросился в здание и перекрыл двери. Второй попытался вырвать фитиль.

Взрыв прогремел именно в этот миг.

Глава 4 Красные травы

*Шли мальчишки не за славой.
В бой просились со слезами.
Умирали в чёрных травах,
Стон последний сжав зубами...*

1.

На побережье материка пришла весна — окончательно и прочно. В несколько дней все будто взорвалось зеленью и ожило. Струнник на Иппу был пущен окончательно — Игорь как раз любовался им и огромным информационным экраном, с которого вещал Дзюба. Дул теплый южный ветер, шевеля флаги на портовых зданиях, и буксирный катер, покрикивая сиреной, выводил на рейд огромный лесовоз.

Сидя на открытой кафе-веранде молодежного центра, Игорь ел селедку — с подсолнечным маслом, уксусом, луком и петрушкой — запивая ее квасом. И слушал песню, доносившуюся откуда-то — тот же альбом, что слушал тогда, у Борьки, когда ожил Степка...

*— Мне этот бой не забыть нипочем²⁸
Смертью пропитан воздух...
А с небосклона
Бесшумным дождем
Падали звезды...*

Песня была в общем-то грустная, как и все песни этого альбома, неразрывно связанные с Третьей мировой и Безвременьем, но популярные до сих пор. Однако, Игорь сейчас не очень воспринимал смысл — он просто ел, смотрел вокруг и ждал.

Борька появился неожиданно — откуда-то сверху, еще издалека подходил и улыбался. Крепко пожал руку вставшему навстречу другу и сел со словами:

— Ну, привет? Как отдохнул?

— Неплохо, — Игорь пододвинул ему тарелку. — Лопай.

— А где Светлана? — Борька в самом деле навалился на селедку.

— А она прямиком в станицу поехала, вы с ней разминулись, наверное, — Игорь налил, себе еще квасу.

— А ты-то почему меня сюда вызвал? — добивался Борька. — Черт, вкусно... Сегодня суббота, мы с Катюхой договорились в лес поехать, а тут целый день потерял.

— И еще экзамены скоро, — понимающе покивал Игорь. Борька почувствовал подвох и, продолжая жевать, подозрительно уставился на друга. Подтвердил:

— И экзамены. А что? Ты-то все сдал!

— погоди, — услышав вызов, Игорь положил на стол руку с комбрасом. На экране возник мужчина в гражданском, поздоровался кивком и сразу заговорил:

— Ваш заказ выслан. Сегодня вечером будет на месте. Приятно иметь в вами дело, сударь.

— Благодарю, взаимно, — улыбнулся Игорь и, отключившись, снова поднял глаза на Борьку, который продолжал жевать. — Ну вот как хорошо.

— Что хорошо?! — воинственно поинтересовался Борька. — Объяснишь наконец?!

— Объясняю, — Игорь облокотился на стол. — Я сторонник старой, но популярной теории, что слово надо держать. Помнишь, я тебе рассказывал про «Землепроходцев»? Через недельку, в конце апреля, мы с ними уходим за Дальнюю. Я им достал кое-какие специфические боеприпасы. А там посмотрим, крепко ли у иррузайцев головы в шеи ввинчены. И генерал-губернатор ни при чем — и нам развлечение. А теперь я тебя хочу спросить, — Игорь наклонился ближе, — ты со мной пойдешь?

— Партизанить? — тоже понизил голос Борька. — Ты про это меня тогда спрашивал?

— Игорь кивнул, и Борька положил ладонь — правую — на стол. Игорь припечатал ее, а Борька с удивлением оказал: — А я думал — теперь все, ты ведь со Светланой...

— Тебе Катюха мешает? — осведомился Игорь. — Кстати — никаких девчонок.

— Вопросов нет, — одобрительно кивнул Борька. — Отношение для школы напишешь? Твое слово кое-что значит...

— И на тебя, и на Женьку, — согласился Игорь. — Женька пойдет?

— Побежит, только свистни... — Борька азартно завозился. — Степку бы еще, а?

— Не пойдет он с нами, — покачал головой Игорь. — С германцами — может быть. Он и так там все время пропадает, глаз не кажет.

— Да-а, подобрали, называется, — оценил Борьке. — Очистили от очистков, а он нам фиквамы рисует.

— Стой, ты откуда это знаешь? — удивился Игорь. Борька махнул рукой:

— Мультик старый, а что?

— Ничего... — Игорь вспомнил диск, подарок отца, со старинными мультфильмами, но вопрос заострять не стал и шутливо сказал: — Твоя планета сделала счастливыми двух человек, что тебе еще? Он ведь не просто с германцами, он с Клотти.

Борька откинулся на спинку легкого стула и прищурился:

— А, теперь — понял?!

— Теперь — понял, — кивнул Игорь. — Мне знаешь, даже страшно как-то от нее уходить. Даже сейчас страшно, просто отойти ненадолго. Вдруг вернусь, а ее нет? Или вдруг просто проснусь? Смешно, да? — Это нормально, а не смешно, — поучительно ответил Борька.

— Ладно, хватит, — Игорь подобрался. — Давай решим вот что... Мы сейчас в станицу вместе вернемся, ты подхватишь груз и отправишься в Высокий Берег. Мы с Женькой уходим дня через два, привезем карты. Будут бить — не поддавайся.

— Может, кого еще из ребят? — деловито предложил Борька, пропустив подколку мимо ушей. — Желающие найдутся...

— Не сомневаюсь, поэтому — нет! — строго приказал Игорь. — Шум, выяснение отношений с вашим директором, не дай бог — с родительским советом, почему я вас куда-то срываю за три месяца до выпускных... Нет, спасибо. Так, ну, пошли? Скоро ДЭК, а торопиться нам особо некуда, а?

* * *

— Значит, ты уходишь воевать? — Да...

Светлана, сидя в ногах постели, вздохнула и поставила подбородок на колени. Игорь

лежал головой к открытому окну.

— Я вкусно готовлю? — вдруг спросила девушка. — Нас много учили, но я, если честно, получала не очень хорошие отметки...

— Вкусно, — Игорь заложил руки под голову. — И даже очень.

— А если я попрошу тебя взять меня с собой? Я умею не только готовить. Я фельдшер. Я хорошо стреляю. Отлично умею грести. Знаю все приемы самозащиты...

— Нет, Свет, — Игорь улыбнулся. — Не возьму ни за что, Я боюсь за тебя.

— А я?! — вдруг жалобно вскрикнула девушка. — А я как же?! Я за тебя?!

— Я мужчина, — Игорь прикрыл глаза. — И я дал клятву.

— Тем... тем мальчикам? — тихо спросила Светлана и сжалась в комок. — Которых убили?

— Да, — ответил Игорь. — И себе. Я не хочу мучиться мыслью о тебе, если возьму в бой. Лиза и Катя тоже остаются.

— И мы образуем клуб "Ожидание", — жалобно улыбнулась Светлана. — Будем собираться в этой комнате и вязать.

— Вы образуете клуб "Молчаливое Ожидание", — строго добавил Игорь. — Потому что для всех мы улетаем на Луну 233. Личная просьба — Борька с Женькой летят со мной... Ты потерпи, Свет. Летом мы улетим на Землю, и все войдет в нормальное русло.

— В привычное, — задумчиво поправила Светлана. — В привычное...

Игорь поднялся в шесть, проспав всего два часа. Светка спала беззастенчиво, как сурок, уткнувшись носом в подушку и тихо посапывая. Игорь прикрыл ее одеялом повыше, чтобы не отвлекаться — и бесшумно затворил окно — до отказа, пока не щелкнул магнитный фиксатор. Снаружи было пасмурно, словно решила нехотать вернуться зима. Фонари горели тусклыми пятнами, в домах огней почти нигде не было, только в отдалении гудели комбайны. Игорь взглядом нашел дом Вислоусовых — в комнате Женьки свет как раз горел, наверняка он ест.

Игорь сделал себе кофе и бутерброды, не спешно поел и начал одеваться — именно в этот момент послышался свист недавно подключенного визитера. Игорь вышел в кабинет и, сев в кресло, сказал:

— Разрешаю.

На приемной пластине возник собственной персоной генерал-губернатор.

— Доброе утро, — кивнул Игорь.

— Добрый вечер, — кивнул в ответ Довженко-Змай. — Я думал, ты еще спишь.

— И поэтому решил тебя разбудить, извини, что не доставил тебе удовольствия, — усмехнулся Игорь.

— Светка как? — поинтересовался генерал-губернатор.

— Вот она как раз спит. А я по делам уезжаю.

— По личным? — продолжал задавать никчемные вопросы генерал-губернатор.

— Угу. Я сейчас принадлежу только себе — и ей, какие еще могут быть дела?

— На Земле собирают комиссию для проверки обстоятельств ареста Карева, — сказал генерал-губернатор.

— Что там расследовать? — удивился Игорь.

— Ты же знаешь, так положено, — поморщился собеседник. Игорь кивнул, но его, если честно, это сообщение мало взволновало. Не продолжая тему, он оказал:

— Мы со Светкой летом поедem ко мне в Верный, там все как следует оформим и проведем. Я твою семью всех приглашу, или как?

— По этикету положено всех... — Довженко-Змай слегка поморщился. — Ладно, приглашай всех.

— Сергей, — вдруг вспомнил Игорь, — а где рассыльный Дергачева? Тимка, кажется?

— А что он тебе? — удивился генерал-губернатор. — Дергачев его послал куда-то на Луны, на 233-ю, кажется...

— Да мы познакомились, когда чемпионат по футболу был, — объяснил Игорь. И

подумал: "Интересно, на этой Луне вообще кто-нибудь есть?" — Так ты зачем появился, меня разбудить?

— Вообще-то спросить про Светку, — признался генерал-губернатор. — Я же брат всё-таки, не забывай... Хорошо, ладно. Счастливого съездить...

— Всего хорошего.

Игорь продолжал одеваться. Снаряжение было собрано с вечера, поверх рюкзака лежали «сбруя» и оружие. "Только бы она не проснулась," — подумал юноша, захлестывая ремни..

Конечно, когда он поднял голову и начал затягивать головную повязку, то увидел Светлану. Она стояла на пороге спальни, закутанная в одеяло.

— Мне приснилось, что ты куда-то не уходишь, — сказала она и вздохнула.

— Хочешь, — вдруг предложил Игорь, — поедешь на это время к брату?

— Нет-нет, — почти испуганно вскинулась девушка, — я останусь тут. Я буду ждать... — она сделала несколько шагов и подняла — одной рукой за накладку, и рука не дрожала! — ИПП Игоря. — Ижевский-Семенов пятьдесят второго года, сороказарядная шестимиллиметровая модель...

— Верно, и я хорошо умею ей пользоваться... — Игорь хотел сказать еще что-то, но потом просто обнял девушку, а закрыл глаза, положив голову на ее подрагивающее под одеялом плечо.

2.

К поселку Высокий Берег вела узкая грунтовка, щедро размоченная весенним дождем. Но неподалеку посвистывали дорожные машины, и в теплом сыром воздухе хорошо ощущался характерный запах — что-то заливали дорожный раствором. Слева и справа лежали собранные в плотные чокеры²⁹ древесные стволы, помеченные клеймами кооператива — вензелем «В» и «Б», "Высокий Берег".

Борька, встречавший друзей на конечном участке уже выстроенной дороги, куда их доставил вертолет лесничих — было по пути — сам вел джип. Он — в отличие от Игоря и Женьки — выспался. А они дрыхли нос к носу на грузовой площадке, задернувшись тентом и устроив головы на рюкзаках.

Дорога вывела на речной берег. Дальняя тяжело катила темную воду между широких берегов. Противоположный берег порос лесом. Понтонный мост все еще пересекал реку, но подальше над ней уже выгибались с обоих берегов арки настоящего мощного моста, спроектированного лично генерал-губернатором и носившего далеко не всем понятное имя «ЕЛЕНА». Там шли работы. А навстречу пёр мощный лесовоз с эмблемами "Русского Леса".

— Черт, — Борька свернул на обочину — джип взвыл, засвистел, задержался и осел на борт. — Еще раз черт.

— Приехали? — из-под тента высунулся Игорь. Лицо у него было красное. — Жень, подъем, приехали.

— Не сов... — начал Борька. И соскочил в грязь: — О!!!

Очевидно, разбитый край дороги не выдержал. На глазах мальчишек целый кусок берега плавно и неспешно, как во сне, соскользнул вниз. Мотор лесовоза взревел, а весь его передок задрался, словно у модельки, на корму которой наступили ногой. Центральный блок колес — только он сохранил опору — выметывал фонтаны жидкой земли, все глубже зарываясь в кашу и сползая к берегу. Мальчишки видели белое лицо водителя за стеклом — закусив губу, он рвал рычаги.

Игорь обнаружил, что бежит к машине. Женька мчался следом и орал:

— Сбрасывай чокер! Сбрасывай чокер!

²⁹ Тут — собранные в пучок параллельно друг другу древесные стволы.

— Не могу, перевернет! — закричал водитель из кабины. — Уйдите, ребята, утянет!

— Прыгай! — крикнул Игорь. — Прыгай, ну!..

— Машину не брошу! — кричал водитель.

— Игорь, держи! — услышал Игорь крик Борьки и, не поворачиваясь, поймал буксировку. Женька присел, сцепил руки — и подбросил Игоря к нависшей почти в трех метрах над землей буксировочной раме. Повиснув на ней, Игорь защелкнул карабин — и удар наткнувшегося троса отшвырнул его, перевернув в воздухе, на дорогу.

Джип взвыл, пытаясь удержать полным задним ходом двухсотеннотонную машину, сползавшую под откос. Это удалось всего на две секунды — но за эти секунды Женька подхватил свесившийся к нему конец лебедки-самотаска и успел дотащить его почти до деревьев. Борька, включив полный задний ход, поспешил ему на помощь и вместе они замкнули самотаск на барабан лебедки, окрутив трос вокруг здорового дуба.

— Врубай! — крикнул Борька, отскакивая. Женька поднял с земли грязного Игоря — тот держал на весу левую руку, затекшую кровью и смеялся.

С каким-то натужным хрипом лесовоз вытянул себя на дорогу, наполовину обрушив ее. В образовавшийся съезд, бурля, хлынула вода.

Со стороны поселка — там, где на холмах виднелись здания ветроэнергетического комплекса — мчались три джипа с людьми.

* * *

Не столь давно Игорь навидался много таких «поселков», где вместо домов стояли еще не снятые с колес фургоны, а таблички с названиями улиц были прибиты к деревьям. Но Высокий Берег на них уже не походил. Здесь тоже везде строили, однако было ясно, что это не лагерь переселенцев, а настоящий поселок. Хотя — как и почти везде — сперва строились здания общественные, помещения для скота, хозяйственные службы, а уж потом — жилые дома.

Школа, естественно, уже была построена. Сразу за ней начинался хорошо устроенный рубеж обороны — действующий, а не декоративный, каким он стал в станице. Левее — прямо в склоне холма — строился "Постоялый Двор" — он прямо так и назывался. Очевидно, хозяин заведения относился к поклонникам старинного английского писателя Толкиена, потому что "Постоялый Двор" стилизовался под жилища сказочных хоббитов.

— Симпатично, — заметил Борька, любовавшийся всем этим из окна штаба отряда, где им поставили раскладушки — чтобы избежать расспросов при ночевке по домам. — Но наша станица лучше.

Женька аккуратно собирал свой ИПП, к которому вообще относился с трепетной нежностью. Игорь читал паташовский каталог по Сумерле. Разговор они не поддержали, и Борька уселся на окно верхом. Где-то вне пределов видимости, но близко под рожок и гитару пели — Борька раньше не слышал такой песни:

— ...а вокруг загорелись костры
И тот камень, что лег в основу,
Стал предтечей нашей страны
И бессмертных картин Глазунова!
На страницах старинных книг,
На скрижалях арийской славы
Я читаю кованый стих
Твоего имперского права!
И плывет над полями туман,
И звенит над Россией время,
И опять на отроге холма

Борька несколько раз сморгнул и украдкой покосился в комнату — не видят ли ребята?! У него от этих быстрых ритмичных строк защипало глаза. И Борька поспешно беспечно поинтересовался:

— Когда они придут-то?

— Это у тебя надо спросить, — Игорь продолжал читать. Женька осматривал тромблону к подствольнику.

— Сказали, к вечеру.

— Чего тогда спрашивать? — Игорь захлопнул книжку, отложил ее и осмотрелся. Штаб был вполне обычным пионерским штабом, еще не вполне обустроенным. «Землепроходцы» только-только перебрались сюда из Прибоя, где Игорь свел с ними знакомство.

— Пойду пройдуся, — он сел и начал натягивать ботинки. — Кто со мной?

Женька покачал головой. Борька серьезно ответил:

— А я лучше еще в окно погуляю,

— Ну гуляй, гуляй, — подбодрил Игорь и вышел.

Сперва он прошелся по школе, прислушиваясь к голосам, доносившимся из помещений, где работали станции по интересам. Потом вышел наружу, задержался на крыльце, втягивая сырой теплый воздух — южный циклон разбушевался вовсю, нагнав сюда дождевые тучи с океана, ждавшие момента прорваться а вылить дождь.

Игорь пошел к реке — тянуло его туда. Прогулочным шагом миновал стройку моста, прошел мимо автоматического ревуна на мысу — и остановился, удивленный.

Тут Дальняя разливалась и, очевидно, мелела, потому что через броды двигались переселенцы — колонной. Само по себе это было не удивительно, но Игорь заметил, что вокруг фургонов гарцуют одинаково одетые всадники. Кони были покрыты бронзового цвета вальтрапами, на широкополых шляпах и рукавах камуфляжей виднелись бронзовые овалы.

Через Дальнюю перебиралась чья-то охрана с арендаторами. На глаз Игорь оценил общую численность людей в полтысячи.

Потом он заметил уже на этом берегу нескольких плотно стоящих всадников. Над ними лениво хлопал штандарт — бронзового же цвета с черным Новгородским Крестом³⁰.

— То ли Ставровы? — вспомнил геральдику Игорь и широким шагом двинулся к броду.

Его заметили. От группы всадников отделился один — с непокрытой головой, длинные русые волосы падали на плечи. Не доехав десятка метров, он соскочил наземь, ловко бросив повод на луку — конь послушно двинулся следом.

Северянину — плечистому, с глазами цвета воды в лесном омуте, светлокожему — было если и больше лет, чем Игорю, то не слишком. В лицо Игорь его не знал. Остановившись, приезжий слегка поклонился и представился, положив ладонь на рукоять полевки на поясе:

— Ставров, Ярослав Ярославович, дворянин Империи.

— Муромцев, Игорь Вячеславович, дворянин Империи, — ответил Игорь и, пожав протянутую руку, спросил: — Учился в Великом Новгороде?

— А ты в Селенжинском? — уточнил Ярослав. Игорь кивнул: — Учился. Потом год отучился в Петрограде и бросил. Экономиста из меня не получилось. — Ярослав улыбнулся, — вот и решил посмотреть, каков буду в роли хозяине латифундии.

— Почему Сумерла? — осведомился Игорь с интересом.

— Да нипочему, — беззаботно ответил Ярослав. — Посмотрел в Центральном

³⁰ Древний символ Великого Новгорода — крест, вписанный в круг и слегка выступающий концами за его пределы. Известен так же, как "кельтский крест" и в современном безумном мире считается одним из символов мифического "фашизма".

Информатории карты. Колебался между этой планетой и Тайгой, но тут как раз ранил на дуэли одного норвежца — а их же на Тайге полно, вот я и решил, что мне там будет неуютно. Мстительный народ! — философски-осуждающе заключил Ярослав, сокрушенно вздохнув.

— Где собираешься обосноваться? — деловито спросил Игорь. Северянин ему понравился.

— У северных отрогов Зубастых Гор.

— Поищи малахит и яшму, там есть, — дружески посоветовал Игорь. — Ты ссуду брал?

— А как же, — вздохнул Ярослав.

— У тамошних вабиска есть драгоценные металлы и камешки. Не для промышленной разработки, но сойдет. Сельским хозяйством собираешься заниматься?

— Конечно, — кивнул Ярослав.

— Не связывайся с пшеницей. Даже «777» дает плохой урожай, климат не тот... Лучше сей рожь — "Золотой ус" или «Спектрум» — и овсы. Овес даже вывозить не надо, его прямо тут скупают.

— У тебя тут что — латифундия? — уважительно спросил Ярослав.

— Нет, — вздохнул Игорь. — Я временами на государственной службе, а временами просто валяю дурака.

— Как сейчас? — прищурился Ярослав, окинув взглядом обмундирование Игоря.

— Примерно, — согласился тот, сделав вид, что не заметил взгляда. — И на всякий случай — учти, что тут очень опасно.

— У меня двести активных бойцов, — гордо ответил Ярослав. — И есть боевые машины... Послушай, — северянин положил руку на плечо Игорю, — судят по всему, твое дуракаваляние перешло в активную фазу. Так вот, ты мне нравишься. Если я буду тебе нужен — только позови. Я приду и приведу своих людей. Слово.

— Спасибо, — ответным жестом Игорь положил свою ладонь на плечо Ярослава. — Спасибо.

3.

— Давайте сразу решим вопрос подчинения, — Игорь закинул ногу на ногу и налил себе какао.

— Может быть, ты примешь командование? — предложил Женька Рубан. — Ты дворянин, проходил подготовку...

— Но примут ли мое командование? — возразил Игорь. — Нет, лучше не разрушать сложившуюся у вас иерархию... Вон, Борька — начальник штаба своего отряда, Женька — командир патруля... Чтоб не создавать неразберихи — воспринимайте нас как проводников и советников, напрямую подчиняющихся лишь тебе, Жень. Пусть не берут с собой продуктов, вообще ничего — только боеприпасы, да и то придется экономить. Всем с собой иметь холодное оружие.

— Совсем без продуктов? — проворчал Пааво.

— Только боеприпасы и медикаменты, — не допускающим возражений тоном определил Игорь.

— Шестнадцать человек, ротор, пять ГАПов и три подствольника, — перечислил Артем. — Нет, — поправился он, — девятнадцать человек и шесть подствольников. По-моему, это немалая сила.

— Давайте еще кое-что выясним, — деловито вклинился Борька. — У вас два патруля, ведь так? — все закивали. — Давайте там, сколько кого и чего в каждом патруле.

— Ну, наверное, по старшинству, — немного неуверенно начал Борька Колобов, глядя на своего тезку. — У меня патруль «Лыжники». Семь человек, ротор, четыре ТК-60, два «коновалова», "дроботов" и четыре охотничьих дробовика. Ну и разная мелочь. Пятерым

пятнадцать лет, двоим — четырнадцать, — он пожал плечами. — Все, — и убрал со лба свесившуюся прядь волос. Игорь машинально отметил, что Борька, наверное, нравится девчонкам.

— У меня патруль "Латники", — сказал Артем. — Тоже семеро. Три «семенова» с «пищальями». "Коновалов", шесть дробовиков. Пятерым четырнадцать, двоим тринадцать лет.

— Нет, ну это никуда не годится, — потряс головой Борька.

— Да, это неправильно, — согласился Игорь. На лицах местных появилось обиженное выражение, смешанное с непониманием. — Неправильно, конечно, — подтвердил Игорь. — Вернее, с точки зрения пионерской организации все правильно. Но получается, что все ГАПы в одной боевой группе, все подствольники в другой... Поэтому предлагаю вот что, — Игорь посмотрел на Рубана. — Ты, Жень, вместе с расчетом ротора и Пааво, а так же нами тремя образовываешь группу управления в поддержки. Два ГАПа от тебя, Борь, — он кивнул Колобову, — передаем Артему, Артем отдает тебе подствольник и два дробовика. У вас по шесть человек и примерно одинаковая огневая мощь. Там разберетесь, кого куда перебросить.

— Вообще-то это разумно, — неожиданно признал Пааво, играя финкой. — А, Жень?

— Так и сделаем, — согласился начальник штаба.

Разговор сошел с острой темы. Борька опять было поднял вопрос о конном походе — мол, зря он, что ли, привез сюда Раскидая?! — но Игорь решительно пресек эту тему, поинтересовался:

— У вас правда все знакомы с охотой и со следопытством?

— Конечно, — подтвердил Женька Рубан, — мы даже на курсах были, за Леной. Три месяца.

— Знаю я эти курсы, — вздохнул Игорь. — "Дети, обратите внимание, это олень. Да не это, а это, а это наш служащий и перестаньте в него целиться... Мальчик, оставь жучка, он ядовитый... как уже четвертого ешь?! Доктор, промывание желудка... Если у вас не получилась землянка — сделайте вид, что копали колодец... Мальчик, искусственное дыхание рот-в-рот так не делается... как не мальчик?!. как целуетесь?!"

Игорь изобразил все это весьма правдоподобно, всех здорово рассмешив, и ребята начали расходиться, договорившись, что встретятся завтра утром — как только рассветет, на берегу Дальней.

* * *

Уход в партизаны происходил до смешного буднично, да еще и при плохой погоде. Первый день мая оказался дождливым, теплым и тихим. Облака придавили лес на холмах за рекой. Над ветроэнергетическим комплексом перемигивались алые сигналы — знак того, что батареи не получают достаточно света для обеспечения поселка и включены аккумуляторы.

Собирались около новенького лодочного сарая на берегу заводи. «Землепроходцы» были экипированы тщательно и одинаково: из-под форменных пионерских беретов спадали до поясов кольчужные шарфы; куртки с непонятным, но прижившимся названием «энцефалитки» перетянуты поясным и плечевым ремнями, на которых крепилось снаряжение и подсумки; поясные рюкзаки;

бриджи с накладными карманами; гетры; туристские ботинки. У всех, конечно оставались комбрасы, повязанные черные галстуки; кроме того, все носили перчатки без пальцев. Короче, выглядели ребятки серьезно — увидевшему их со стороны было бы трудно поверить, что эти мальчишки собрались "в поход".

Настроение у всех, впрочем, было под стать погоде — довольно серенькое. Большинство мальчишек, судя по всему, переволновались и просто не выспались. Как бы грозно они не выглядели, но, конечно, было ясно, что никто из них до конца в себе не

уверен.

Наша тройка появилась последней.

Конечно, отлично выпавшаяся.

— Они не в себе, — заметил Борька. Свой «иж» он нес на локте. — Мы так прибито не выглядели. Никогда.

— Мы родились на Сумерле, — напомнил Женька. — Пооботрутся — и все будет нормально... Да и вообще — вспомни, какими мы были во время переселения — не намного лучше.

Игорь молча поздоровался с Женькой, Пааво, Борькой и Артемом. Рубан махнул остальным и, когда все поднялись на ноги и стянулись кучнее, сообщил:

— Ребята, вот кто нам помог с боеприпасами... — он переждал одобрительный гул и продолжал: — Еще. Я предлагал этому человеку командовать нашим отрядом, но он отказался и попросился с нами, да еще привел двух наших братьев, хороших следопытов из здешних казаков. Это, все согласятся, я думаю, большая помощь.

— Можно даже написать им оправдательное письмо для школы, — неспешно, но не без ехидства, заметил мальчишка, очень похожий на Пааво, но меньше и тоньше, с таким же, как у Женьки «ижом». Ясно было, что мальчишка большой нахал — впрочем, чего еще ждать от пацана с таким взглядом? Вообще оказалось, что Ориккайненов аж четверо — близнец-одногодок Пааво Тойво, их погодок Рютти и его погодок Пейви. У Борьки Колобова тоже оказался тут младший брат — тезка Игоря, но совершенно непохожий на Борьку; точнее — специально непохожий, коротко подстриженный и необщительный. Кажется, были еще братья — двое похожих, хотя и не абсолютно, мальчишек, стояли возле ротора. И еще двое — тоже вроде бы братья, смуглые и кареглазые в отличие от остальных, светлокожих и русых (или рыжих, как Ориккайнены).

— Ну что, — Женька Рубан оглядел свой отряд, устроил на плече ГАП с толстым блином магазина и скомандовал: — Пошли к броду!

Краеведческий поход начался.

* * *

Зал Крылатого Совета в Сааске был гулок и мрачен. Свет, обретая разные оттенки, падал на выложенный чугунными плитками с изображением Пещерного Змея и его слуг пол. Разноцветные витражи только подчеркивали мрачную внутренность зала.

Уигши-Уого поднял голову. Он казался расслабленным, хотя держался в своем кресле прямо. Руки лежали на широких подлокотниках вялыми плетью. Темные глаза вабиска обошли скамьи вдоль стен зала. От первоначальной — еще не очень давней! — численности Совета осталась едва половина.

— Где Скингу? — спросил Уигши-Уого и сам испугался того, какой у него странный, мертвый голос. В зале прошло неуловимое движение, кто-то быстро ответил:

— Отец Скингу убит со своим конвоем на границе. Кто убийца — неясно, всех перебили на глазах офицеров пограничного отряда за несколько секунд...

— А Геуни-Госсу? — взгляд Уигши-Уого наткнулся на еще одно пустое место.

— Отец Геуни-Госсу пропал из своего дома...

Члены Совета увидели, как Уигши-Уого вдруг странно задержался — сначала затряслась голова, потом запрыгали на подлокотниках руки, наконец он забился весь, дико, истошно крича и капая на одежду пеной с губ и оскаленных зубов:

— Слушать меня!!! Расчехляйте барабаны на Башнях! Пусть бьют сбор! Пусть созывают Великую Армию Священного Похода!!! — среди членов Совета прошло вновь легкое движение, но Уигши-Уого вскинулся, ревя: — Собирайте все наши войска! Снимите гарнизоны с границ! Созывайте лесовиков и орангов! Сходиться к границе в полной готовности! Шлите гонцов в Аллогун — пусть и они поднимаются! Птица покидает нас,

потому что мы терпим белолицую мразь и своих отступников на нашей земле!!! Мы покончим с ними!!!

Присутствующие повскакали на ноги. Стало шумно. Уигши-Уого нависал над залом, подняв обе руки. Последний раз Священный Поход объявляли больше десяти лет назад, когда вабиска Аллогуна, воспользовавшись высадкой десанта фоморов, оттеснили белолицых пришельцев к самому Второму Меридиану и едва не потопили в океанских заливах. Но Великую Армию не собирали и тогда. Уныния как не бывало — каждый уже представил себе, как могучий вал войск прокатится по захваченной врагами земле, словно огненный смерч очищения, не оставив и следа от белолицых демонов. Каждый видел пожары, гибель злобных пришельцев, всего, чем они осквернили привычный мир, всего их семени — навечно.

* * *

Тимка проверил, как прилегает к пояснице плавно изогнутый рюкзак, к спине — чехол с оружием, потопал плотно обутыми в сапоги-мокасины ногами. Сощурившись, окинул взглядом верхушки кедров. На этот раз он был в своём собственном, не калькированном под вабиска виде. Провел рукой по мощной голове Файта — сидевший рядом параволк ответил холодно-спокойным взглядом.

— Ну что? — спросил Тимка. — Пробежка на тысячу триста километров?

— Да, — буркнул волк. — Бежать по восемьдесят километров в день.

— Это шестнадцать дней, — возразил Тимка, — а нам нужно за две недели.

— Пробежим за две. Ты выдержишь?

— А ты выдержишь? — Тимка дернул параволка за хвост и при всей своей сумасшедшей реакции не успел отдернуть руку — она оказалась в челюстях Файта, одинаково способных отсечь конскую ногу и перенести, не раздавив, куриное яйцо. — Ладно, ладно, — засмеялся мальчишка, — бежим!

И они побежали — бесшумно и быстро, параволк и уберменш, бок о бок. Вверх по склонам — вниз по склонам — через ручьи — между деревьев — по каменным осыпям — по песчаным проплешинам — ровным точным бегом — не сбивая дыхание — вперед, вперед, вперед, от алеющего за спинами заката в надвинувшуюся темноту...

4.

Небо все-таки пролилось дождем — как прорвалось, полило вниз. Правда, этот водопад почти сразу прекратился, и его сменил ровный теплый дождик, шептавший в листве задумчивую песенку.

Здесь, за Дальней, формально территория все еще была русской, освоенной "явочным порядком". Вполне могли встретиться патрули Алых Драгун, а такой встречи никто не желал. У Драгун мог возникнуть законный вопрос о необходимости краеведческого похода именно в эту сторону.

— Вот это и есть партизанская жизнь, — сказал Женька Он, как и "землепроходцы", — в отличие от Игоря и Борьки, надевших головные повязки, был в пионерском берете. — Это ее основное содержание.

Он обращался к идущим рядом младшим мальчишкам, внимательно и почтительно его слушавшим. Сейчас это, пожалуй, на самом деле казалось им увлекательным краеведческим походом. Борька подтолкнул Игоря локтем и глазами указал на Женьку. Игорь улыбнулся и завел глаза.

— Сейчас мы его осадим на задние копыта, — шепнул Борька и быстрым шагом нагнал друга. Значительно кашлянул и вклинился в разговор: — Да, о содержании партизанской жизни он много знает, вы его, молодежь, слушайте внимательно... Кстати, он вам не

рассказывал, как варил кашу?

— О-о-о!.. — застонал Женька, и Борька с наслаждением начал "осадку":

— Нам тогда было лет по двенадцать, не больше, мы вообще только-только сюда переселились. Тяжеловато было. Вот мы — Женька, еще двое ребят, ну и я — ловили рыбу. И были у нас с собой сырая картошка, лук, морковь и пшенная... пшенная, Жень?

— Пшенная, — буркнул, тот.

— Да, и пшенная крупа, — Борька явно испытывал удовольствие от рассказа.

— А рыба ни фиги не ловилась, к тому же дождь полил. Мы два дня сидели в палатке. Съели морковку. Потом лук с хлебом и солью. На третий день сварили — картошку на сухом горючем и тоже съели, после чего собрались домой. Но тут что выясняется: тропку к озеру смыло начисто, а берег крутой. Надо делать плот, чтобы плыть на другой берег, а оттуда пешком вокруг озера. Ну — надо, значит надо... Решили мы перед этим сварить кашу из пшенки и заодно набить желудки. Я уж не говорю, что крупу эту взялся варить Женька. Я молчу, что он ее сварил, как англосаксы свою овсянку — на воде и без соли...

— Соли не было, — заметил Женька обиженно. — Уже.

— Ладно, это в какой-то степени тебя извиняет, — согласился Борька. — Но она же еще и горячая, эта каша! Вообще-то для каши это естественно. Но нам жрать-то хотелось до кругов в глазах! Что делать?.. И тут опять-таки Женька наш предлагает следующее: затащить котелок с кашей в озеро, поставить, где помельче, и есть по мере остывания... — Борька невозмутимо переждал смех и продолжал: — Нет, вы погодите, это еще ерунда. Самое интересное началось через десять минут, когда появился патруль, который разыскивал нас, и с него увидели, как на мелководе на четвереньках стоят головами друг к другу четверо мальчишек в трусах и ложками что-то черпают прямо из озера — котелка-то не видно!

На этот раз махнул рукой и засмеялся сам Женька — уж очень яркая представилась картинка. А Игорь обратил внимание, что идущий чуть в стороне мальчишка не смеется, а задумчиво улыбается. Этого паренька Игорь заметил уже давно — он был тихий, задумчивый, как его улыбка и вроде бы даже робкий. Как его зовут-то?.. Ян. Ян Реутов, четырнадцать лет...

Ян заметил взгляд Игоря и смутился, опустил глаза. Но тут же снова посмотрел — украдкой как-то — из-под русской челки и снова улыбнулся, но теперь уже не в пространство. "Ну, подойди," — подумал Игорь, и Ян подошел, придерживая на бедре "коновалов".

— Не смешно? — спросил Игорь.

— Почему, смешно, — Ян пожал плечами и чуть сощурился. — Я просто не умею громко смеяться.

"Не умеешь что?" — хотел переспросить Игорь, но решил не допускать бестактностей. Тем временем Ян застенчиво поинтересовался:

— А скажите, это вы?..

— Это я, — прервал его Игорь. — Портрет, статья, монумент в полный рост — что ты там видел? — это я и есть. И хватит об этом.

— Хорошо, — кивнул Ян. — Я просто часто думаю, каково это — быть известным.

— Да никак, — признался Игорь. — Если ты добиваешься известности ради известности, то это во-первых глупо, а во-вторых — ничего не получится. А если известность просто побочный эффект какого-то дела, то тебе на нее наплевать. Уяснил мою философию?

— Уяснил, — улыбнулся Ян.

— Вот и хорошо... Ну а что тебе нравится, если ты не любишь смеяться?

— Я не люблю, я не умею, — уточнил Ян и, на миг задумавшись, сделал вывод: — Что мне нравится? Вот.

Господин офицер, это ясно и просто:

Революция, царь — кто там прав, кто не прав.

Первый крест — крест Георгия Победоносца

Не отнять, даже с мясом с мундира сорвав...

— он взглянул лукаво и добавил: — Вот что.

— Угу, — Игорь кивнул и прочел:

*— Ты не просить пощады? Гордый...
Ночь всю степь синевой укрыла.
Зарастают травой сорной
Даже самых отважных могилы.
Ты над смертью в глаза смеялся,
Но сегодня над ней не волен.
Почему ты не защищался?
Даже руки связать позволил?
Что молчишь? Иль на сердце пусто?
Иль не сбылись гаданья снов всех?
Но, хоть ты не похож на труса,
Нас щадить не учили вовсе...*

— А еще, — подхватил Ян:

*А ей так хотелось ласки,
Огня, поцелуев, слов.
Но он, как в старинной сказке,
Любил лишь свою любовь...*

— Белянин, — сказал Игорь с удовольствием. — Его сейчас и не помнят почти... а тебе нравится?

— Очень, — признался Ян. — Я диск с его книгами достал и все у него прочитал. И прозу.

— Он писал прозу? — удивился Игорь. — Я не знал... Интересно?

— Смешно, — улыбнулся Ян, — правда, много непонятного... А вам нравятся стихи?

— Называй меня на "ты", — вздохнул Игорь. — Да, нравятся, как раз старые и малоизвестные... А ты сам не пишешь стихов? — Ян смутился, и Игорь определил: — Пишешь.

— Он не просто пишет, — вмешался нагнавший их Артем. Ян поморщился:

— Не надо, а?

— Почему "не надо"? — удивился Артем. — Так он не просто пишет, он лауреат прошлогодней Ломоносовской премии по литературе. Серебро, поэма "Все наше здесь!". И место в Петроградском.

— Ну хватит же, — попросил Ян.

— Это правда? — искренне удивился Игорь. — Почитай что-нибудь, а?

— Да нет, нет, — Ян не ломался, а искренне был смущен. — Я и сам ничего не ожидал. Насчет премии, я...

— Пылает дом,

— вдруг заговорил Артем.

— Огонь в подворье рыщет. ³¹

*И труп, копьем пробитый, у межи.
Степняк в доспехе гибкой плетью свищет
И ловит тех, кто прячется во ржи.
Я вновь в «тогда». И снова вертолеты,
Свистя и воя, нанесли удар.
И слышен гул шагов чуждой пехоты,
И вновь над Русью до небес пожар.
Я снова здесь. Огнем объятый колос,
От боли корчась, стонет: "Помоги!"
Мне разрывает душу этот голос,
А через поле движутся враги...
Защита где?! В бою порублен княже,
Спецназ повыбит, армия бежит.
И рабства тень вот-вот на солнце ляжет...
А воздух жаркий над межой дрожит...
Я автомат... рогатину... сжимаю.
Перевожу дыхание с трудом.
Где я, когда — не очень понимаю,
Но знаю точно: защищаю ДОМ...*

Вот так он написал! Это предисловие...

— Красиво, — честно сказал Игорь. — И сильно... Я бы не серебро дал. Впереди кто-то запел наперекор дождю старую добрую:

*— Взвейтесь, костры, под небесною синью!
Мы пионеры, дети России!
Близится эра светлых годов—
Клич пионера: "Всегда будь готов!"*

— Ладно, хватит! — повысил голос Женька Рубан, покосившись на Игоря. — Молчание!

5.

К вечеру по расчетам Игоря они все-таки выбрались на уже не контролируемую даже номинально территорию. Во всяком случае — тишком миновали отлично укрепленный поселок, окаймленный минными полями, от которого дальше на северо-запад даже еще толковых тропинок не протоптали. Прошагали километров тридцать пять, не меньше, дождь кончился под вечер, сменившись уже совершенно летней погодой — теплой, сухой и тихой. На Сумерле говорили: "Весна себя выплакала." Тут в самом деле не календарная, а фактическая весна чаще всего заканчивалась именно таким ливнем, коротким, переходившим в долгий теплый дождик, сразу за которым наступало типичное лето. Небо окрасилось алым, солнце-Полызмей садилось не в тучи, чистое, обещая и дальше хорошую погоду.

Легкие гамаки раскидывали прямо в чаще — звездами, голова к голове. Их делали уже тут, на Сумерле, из нити той самой многоножки, что когда-то напала на Игоря и Борьку на юге — легкие, не вероятно прочные и компактные... Несколько человек тесаками копали яму под очаг; Борька с двумя ребятами канул в чащу на охоту, Женька взял еще двоих и двинулся на близлежащий шум ручья, прихватив с собой фляжки. Игорь между делом размышлял, как различать в разговоре Борек и Женек. Ему вообще-то успели рассказать, что у ребят бытуют прозвища (среди казачат такого не было, а вот ему по лицейским временам это казалось привычным) и Рубана называют Рубакой, а Колобова... ну, тут ясней ясного,

хоть и ничего общего. Так что, они, наверное, не будут против...

Игорь растянул свой гамак привычным движением, проверил его и, набросив маскировочную сеть, удовлетворенно кивнул. Потом проверил незаметно, как ставят сканеры и, прислонившись к дереву на краю лагеря, замер — скрестив руки на груди. Нашел взглядом крупную алую звезду на все еще светлом небосклоне.

— Смотри на нее каждый вечер.

— Так ведь время не совпадает, Свет.

— Ну и что? Я тоже посмотрю, а ты будешь знать, что этой звезды уже касался мой взгляд, Игорек...

— Хорошо, Свет..."

Как-то глупо и поспешно они тогда поговорили. Впрочем, это всегда так получается, наверное. Уходишь — и какие-то бессмысленные, избитые, затертые слова сами собой соскакивают с ящика.

Но все-таки Игорь не сводил глаз со звезды. С Земли она не видна, а тут ее называют просто — Рубин...

За беспомощными словами ведь тоже могут скрываться искренние чувства. И, если любишь на самом деле — услышишь не сказанное, а то, что тебе хотели сказать.

Игорь встряхнулся, зевнул и прислушался. Лагеря слышно не было — кажется, они и впрямь кое-что умеют. Придерживая кобуру РАПа, он вернулся к остальным — одновременно с Женькой и теми, кто ходил за водой. Они принесли не только фляжки, но и целую связку еще живых форелей — самая маленькая оказалась длиной в полруки.

— В ручье, в заводи, они кишмя кишат! — чуть ли не прыгал от восхищения Мариан Торковски, один из тех темноглазых братьев. — Вот, смотрите — пять минут, а тут на всех! Мы... — в этот момент Женька с серьезным видом не глядя закрыл ему рот.

Через несколько минут появился и Борька со своей партией. Они притащили оленя, убитого стрелой — складных луков взяли несколько именно для этой цели, а пользоваться ими умели многие, если не все. Тут же закипела умелая и бесшумная работа, и на угли прогоревшего к тому времени костра начали укладывать форель в глине и мясо, обернутое в широкие листья. Сверху все это завалили землей.

— Чая нету, — вздохнул кто-то, — и даже сухарей нет.

— Чая нет, но есть брусничные листья, — сообщил Борька, щедрой рукой высыпая названное в котелок. — Мы это пили...

— ...и вот результат, — буркнул Пейви. Борька ловко выбросил руку и щелкнул его по носу раньше, чем финн успел отдернуть голову.

— Теперь все будет готовиться автоматически, как в микроволновке, — сообщил Женька, вытягивая ноги. Практически совсем стемнело, но где-то за лесами горела заря — на этой широте уже с мая никогда не бывает совсем темно.

— Слышите, что это? — Игорь Колобов, насторожившись, приподнялся. Плачущий то ли вой, то ли плач, то ли всхлип раздался в отдалении. Потом — ближе повторился...

— Гиена, — ответил Борька. — Далеко, и напасть не посмеет.

— Здешняя гиена? — уточнил Игорь. — Это такое?.. — и он обрисовал в воздухе контуры чего-то квадратно-громадного. Борька кивнул: — Вот бы поохотиться?

— Я убил одну, — небрежно сказал Борька. И уточнил: — Рогатиной.

Разговоры на этом почти иссякли. Борька вдруг негромко хмыкнул и засмеялся — услышал только Игорь.

— Рассказывай, — предложил он лениво.

— Мы тогда на севере жили, — услышал он обычную затравку. — Мне было одиннадцать, а сестричке... которая... в общем, ей было четыре. Вот однажды вечером отец ушел на дежурство — он тогда в тюрьме дежурил...

— В тюрьме?! — удивился Игорь.

— А там как раз была — ну и есть — единственная на Сумерле настоящая тюрьма... А мама, как выразилась, "пошла вешаться" с отчетом. Ну, тут нам отцов знакомый звонит. А

сестричка моя подлетела к аппарату и вопит: "А мы остались одни! Папа в тюрьме, а мама пошла вешаться!!!"

Игорь не засмеялся, хотя это было смешно. Вместо этого он сказал:

— Мы за нее отомстим, Борь. Обязательно отомстим. А сейчас давай есть и спать.

6.

— Все.

Сидевший за захлавленным столом бородач в камуфляже и зеленой головной повязке повернулся к стоящему у окна офицеру армии Штатов. Тот смотрел наружу, покачиваясь с пятки на носок высоких ботинок.

— Что все? — без акцента спросил по-английски бородач, ударом штык-ножа вскрывая банку консервов, с которой весело смотрела в будущее Евросоюза напрочь антиисламская, но вкусная и оптимистичная свиная рожа.

— Снег пошел, — ответил американец.

— Ну и что? — бородач дотянулся до галет. — Э, правда рано, сентябрь еще не кончился... Мне дед рассказывал — два раза при нем в сентябре падал.

— Ничего ты не понимаешь, — штатовец отвернулся от окна. У него было холеное, но усталое лицо профессионального военного. — Это другой снег, Джохар. Боюсь, что он на годы.

— На годы? — бородач моргнул. — А, да... что-то в школе учили. Ядерная зима, да?... — он задумался и медленно сказал: — Но слушай... это... тут же взрывов не было. Ближняя бомба взорвалась в Ставрополе, давно, скоро три месяца... да? Может, это просто рано зима?

— Проверь, чтобы твои принимали таблетки, — отрезал штатовец, снова отворачиваясь к окну, за которым падал на зелень редкий снег. Посреди двора, возле двух «хаммеров», несколько молодых парней в повязках на головах, разинув рты, смотрели в небо. Неподалеку штатовский солдат поспешно натягивал капюшон. Снег падал на штабель голых трупов у стены... — Что ты сказал?

— Я говорю, — повторил Джохар, — выкидывают таблетки. Особенно какие молодые. Боятся, что их отравить хотят.

— Кретины, — равнодушно ответил штатовец. — Ты командир или нет? Заставь. Иначе через пару месяцев все подохнут... Хотя все равно, — вдруг добавил он. — Все кончено.

— Зачем так говоришь? — ваххабит встал и подошел к окну. — Мы победили. Мы выиграли. Вы нам хорошо помогли, да?

— Мы проиграли, — тихо сказал офицер. — Я не знаю, почему не пишет Моды... Последнее письмо было месяц назад. Она тоже писала... солнце пропало. Вроде все ничего, но у нас всегда было солнце. Русские ударили по Хьюстону. От него до моего дома дальше, чем отсюда до Ставрополя. Но солнце пропало... Сейчас там, наверное, тоже идет снег, Джохар... Мы что-то не то сделали. Что-то страшное... У меня два сына. Джеф и Джок, им по шесть лет... Как там Моды с ними? Почему она уже месяц не пишет? Как они без солнца? Как мы все без солнца, Джохар? Что мы наделали?

— Аллах не допустит, чтобы солнце не вышло, — успокаивающе сказал Джохар. — А снег перестанет. Если не сейчас, то в марте. Тут ранняя весна.

— Ты не понимаешь... — покачал головой штатовец, но их разговор прервало появление здоровенного сержанта-негра. Глаза его были испуганными, он стряхивал рукой в перчатке снег с капюшона и следил, как падают на пол его хлопья, но отработано четко:

— Сэр, схвачен мальчишка. Лейтенант Купер уверен, что это тот, кого мы ищем. Мне было приказано доставить его сюда.

— Что?! — офицер ожил. — Ведите, сержант, немедленно!

Козырнув, сержант вышел. Джохар радостно спросил:

— Э, неужели который Звереныш попался?

— Может быть, — штатовец поспешно достал из стола фотографию, положил под руку. — А может и нет.

Двое солдат с винтовками поперек груди ввели худого мальчишку, одетого — или, точнее, закутанного — во что-то, бывшее еще недавно кожаной курткой на меху. Голова мальчишки была непокрыта, рыжие от грязи джинсы спускались на разбитые кроссовки. На вид мальчишке было лет четырнадцать, лицо покрывали разводы грязи, глаза смотрели тускло и устало. Волосы слиплись сосульками, губы рассекали кровавые трещины. Кожа на руках потрескалась тоже вместе со слоем покрывавшей их земли, копоты и еще черт-те-чего. Мальчишка хлюпнул носом и равнодушно смотрел, как офицер копается в вещах, вываленных из старого школьного рюкзака с почти неразличимой футбольной эмблемой, который внес и положил на стол сержант.

Под руку штатовцу попал школьный дневник без обложки (предусмотрительно!) Он пролистал растрепанные страницы. Мальчишка неплохо учился. Выпала фотография хохочущей девчонки на фоне фонтана. Странно... Еще три месяца назад этот парень ходил в школу, играл в компьютер, наверное... дружил вот с этой девчонкой, а теперь...

А что если у моих сыновей ЭТОГО не будет ВООБЩЕ?!

— Что ты делал около топливного хранилища? — спросил офицер, бросая на стол дневник. Он уже видел, что перед ним именно ТОТ мальчишка — ни грязь ни лохмы, ни выражение лица не могли обмануть...

— Еду хотел украсть, — равнодушно отозвался парень. — Я пять суток ничего не ел.

— Как тебя зовут?

— Лешка, — мальчишка слабо двинул плечом: мол, какая разница? Офицер усмехнулся — ТОГО звали именно Лешка; наглая хитрость.

— Лешка кто?

— Лешка Зимин.

— Родители где?

— От лучевки умерли. Из Ставрика приехать успели и умерли... Я просто еду украсть хотел.

— Как, ты сказал, твоя фамилия?

— Зимин.

— А кто такой Бахмачев, ты знаешь?

— Атаман казачий. Его все знают.

— А кто такой "Ермак"?

Мальчишка посмотрел удивленно:

— Из книжки, из истории, что ли?

Офицер кивнул, и один из конвойных — молодой парень с испуганным и ожесточенным лицом — тяжело ударил мальчишку прикладом между лопаток, швырнув его на пол. Внутри у мальчишки что-то коротко, обрывисто булькнуло. Он закашлялся, сплюнул, пытаясь подняться. Штатовец следил за ним без интереса. Все было ясно, разговор не имел смысла... просто ему хотелось заставить мальчишку говорить правду.

Мальчишка встал. Сказал тоскливо:

— Я просто еду украсть хотел... ну, убейте меня... я все равно от лучевки умру, вон, снег пошел...

— И этот про снег! — по-русски вырвалось у Джохара.

— Как твоя фамилия? — снова спросил штатовец.

— Зимин...

— А не Черняев? — и офицер положил на ближний к мальчишке край стола фотография. — Леша Черняев, 14 лет. По прозвищу в нашей разведке "Звереныш", личный порученец «Ермака», который командует бандами в этих местах и подчиняется самому Бахмачеву? За три месяца — восемь взрывов, в том числе — топливный склад, склад боеприпасов, пожар на аэродроме, пять адресных убийств. И еще много чего по мелочи. Так как, Леша?

Все это время мальчишка смотрел на фотографию. И, когда он поднял лицо, от равнодушия в глазах не осталось и следа.

— Шесть адресных убийств, — сказал он, кривя губы. — Вахиту я гранату в толчке устроил.

— Аааа! — Джохар рванулся с места, с губ полетела пена — солдаты едва успели схватить его. — Брата! Ты... брата, щенок?! Я тебя... я тебя на куски... пустите!!!

— Алаа акбар, — мальчишка спародировал жест молящегося ваххабита. — Чего ты лаешь, абрэк? Твой брат, сука, в рай попал, к вашим гуриям. Ему там в самый кайф. Уж точно получше, чем скоро всем тут будет... А тебе, — он посмотрел на штатовца, — тебе как, из дома не пишут? У вас же это дело поставлено? Снежок на пальмы не выпадает? Все еще впереди...

На этот раз его ударил сам штатовец — так, что затылок Лешки стукнулся о косяк двери с треском. Мальчишку подняли. Он икнул, выпустив кровавый пузырь, потом улыбнулся:

— Давай, бей еще...

— Ну уж нет, — офицер перевел дух. — Сержант! — негр подскочил на месте, принял строевую стойку. — Вывести щенка во двор. И... распять его. Прямо на заборе. Выполнять! — взревел он, видя, что глаза негра расширились, он заколебался. — Ну?! Что не ясно!

Мальчишка на миг замер. Потом рванулся из рук схвативших его солдат и закричал отчаянно, неистово и уже ничего не боясь:

— Пропадете, суки! Все пропадете! Сгниете заживо! Все! А мы будем! Будем! Мы будем! — его поволокли прочь, награждая ударами прикладов и ботинок, но из коридора продолжало слышаться: — Будем! Выживем! Мы будем! Слышите, мы будем! Мы выживем!..

Джохар тяжело дышал. Потом вдруг сказал обвиняюще:

— Зачем ты так, э? Надо было его просто убить. Отдать мне, я бы его застрелил. Он мне кровник. Зачем ты его, как собаку? Он воин, а не шакал.

— Уйди, — сквозь зубы процедил штатовец. Так, что горячий и гордый чеченец молча вышел из комнаты. Тут же.

Штатовца преследовало видение.

Снег опускался на пальмы — и конца ему не было...

...На исходе вторых суток снег продолжал падать. Самое омерзительное было в том, что он пока не ложился. Он таял на все еще теплой земле, превращая ее в грязь, не оставляя иных следов... но он падал. Падал бесконечно и неостановимо из одинакового во все края желтого неба, похожего на гнойную рану. Снег фонил. Не очень сильно. Но он фонил. Звуки техники в снежном воздухе казались потусторонними.

Почта, которую ждали этим вечером, не пришла.

Офицер вышел во двор и, скользя по раскисшей земле, подошел к увеличившейся куче трупов, подтекшей черной, нехотя сворачивающейся кровью. Трупы были не страшные, похожие на муляжи.

Лешка Черняев висел на заборе, распятый тремя строительными скобами — две загнали в руки, одну — в обе ступни. На нем тоже застыла черная кровь. Голый и неподвижный, он казался таким же муляжом, как и трупы возле него, но офицер видел, что грудь мальчишки едва заметно движется.

Он не кричал, только, как говорили, несколько раз начинал стонать, очевидно теряя сознание. Потом снова замолкал. Снег все еще таял и на его теле, похожем цветом на... на лепесток фиалки, почему-то подумал офицер. Моды так любила фиалки. Снег завалит все. Фиалок больше не будет...

— Ты живой? — спросил он зачем-то.

Лешка поднял голову. Губы у него опухли и сочились кровью, но уже не из трещин — они были искусаны в лохмотья. Этими лохмотьями мальчишка улыбнулся штатовцу. Глаза у

него были неожиданно чистые и ясные, без тени боли или усталости.

— Ты уже умер, — тихо сказал офицер. — Ты все равно уже умер. Скажи мне, каково это — чувствовать себя мертвым? — мальчишка улыбался. — Ведь ты уже мертв, слышишь?!

— Слышу, — совершенно спокойно и внятно отозвался русский. — Слышу. Наши идут.

Офицер выхватил из кобуры «беретту» и стрелял в распятого, пока затвор не остался, щелкнув в очередной раз, в заднем положении. Но и после этого штатовец продолжал снова и снова дергать курок, что-то шепча... пока не понял, что его рвет за плечо Джохар.

— Слушай, ты что?! — прокричал ваххабит. — Слушай, брось! — во дворе суетились, бежали люди; «хаммер» столкнулся в воротах с "брэдли"... — Патруль доложил: казаки! В километре на север, много, большая сотня, две, не знаю, много больше нашего, сюда идут! Да очнись ты! Ну?! Авиацию вашу вызывай! Ну что там?!

— Снег, — тихо сказал штатовец, мотаясь в руках Джохара. — Авиация не летает... Погоди, дай мне свой тэтэ.

— Зачем, он мертвый уже, — возразил ваххабит.

— Дай, очень надо...

— Ну на... — Джохар протянул штатовцу старый, но надежный пистолет. — Зачем тебе?..

Офицер посмотрел в небо. И, в эту секунду ясно осознав, что писем уже не будет, выстрелил себе в висок.

* * *

Рубан проснулся первым — по крайней мере, ему так казалось, пока он не увидел Игоря. Молодой дворянин, голый по пояс, стоял в развилке дуба — метрах в трех над землей, упершись ногами в ветки. Он что-то говорил — Женька смог разобрать, что это мертвый язык ариев, который обязательно преподавали в лицеях, но, сам зная на нем только полсотни слов, не понял, о чем говорит Игорь. А тот вдруг вскинул руки к начавшему подниматься Полызмею, что-то выкрикнул, смеясь и сделал быстрый кувырок назад — прямо с высоты, устояв на ногах.

— Доброе утро, — кивнул он Женьке и, легким движением усевшись со скрещенными ногами возле окончательно остывшей костровой ямы, достал припорошенный пеплом кусок вырезки. Рванул мясо зубами и, довольно урча, мотнул головой: — Садись, поедим, пока остальные не проснулись... Здоровая пища — то, что ты успел съесть до истечения срока годности...

Женька кивнул, умылся из фляжки и, присев рядом, взял протянутый Игорем ломоть мяса — розоватый в середине и поджаристый по краю. Игорь заметил, что, хотя снаряжение и оружие Рубана остались у гамака, но он положил у колена укороченную охотничью «пушку», наверняка заряженную картечью. Мысленно одоблив его, Игорь сказал:

— Отличное утро.

— Красивое, — согласился Женька, на миг перестав жевать. — Тут немного похоже на Сибирь. Ты был?

— Я там учился, — объяснил Игорь. — Слушай, а почему вы переехали?

— Охота к перемене мест, — задумчиво ответил Женька. — Мой отец не фермер, он офицер гражданских связистов. А мама — агроном, ей тут самое дело.

— У тебя братья, сестры есть? — поинтересовался Игорь.

— Младшие, — засмеялся Женька. — Два брата, и две сестры-близняшки.

— У Борьки была младшая сестра, — Игорь достал нож и начал разделять мясо на почти порционные куски. — В конце зимы погибла в столице во время взрыва.

— Я слышал, — Женька нахмурился, — ужасно...

— Да, — кивнул Игорь. — Но вообще-то тут смерть — дело обычное.
— Ты в нас не очень уверен, да?
Игорь закончил резать мясо и, любуясь своей полевкой, сказал:
— А ты умный.
— Тебе известен хоть один начштаба — дурак?
— Вообще-то нет, — признался Игорь. — А что до моей не уверенности, то посмотрим, когда дойдет до дела. Лагерь во всяком случае вы разбили очень и очень неплохо. Если так же разобьете вабиска — будет совсем хорошо... Буди остальных. Пора — светает.

* * *

Земли за Дальней опустели уже довольно давно. В ужасе перед нашествием большинство вабиска, некогда довольно густо населявших эти места, бежали на северо-запад, под защиту рубежей границы. Оставшиеся тут оранги находились в ступоре, не понимая, что же, собственно, происходит — для их темного мозга перемены означали крушение устоявшегося и привычного мира. В общем, все происходило согласно рекламной туристской надписи: "Пройдите еще километр. Там никогда не бывает многолюдно."

Около десяти часов прошли брошенную деревню вабиска. Дома, в которых уже поселились мелкие зверьки, пустыми окнами смотрели на двумя колоннами идущих по улице вооруженных мальчишек в синих беретах, чьи высокие ботинки поднимали пыль на дороге, еще не успевшей зарости травой. Даже «старожилы» Борька и Женька, даже Игорь — впервые видели вот так селение аборигенов Сумерлы.

В обысканных выборочно домах не было ничего, кроме следов поспешного бегства. Возле небольшого храма высился столб с распростершей крылья Птицей. Несколько мальчишек, достав тесаки, начали подрубать его, но Борька их остановил:

— Это дуб. Тесаки потупите, пока свалите.

— Они что? От нас бегут? — Только Жильцов, держа на плече плазмомет, подошел к Игорю.

— Ну, не преувеличивай, — усмехнулся тот, пиная камешек. Но потом добавил:

— И от нас тоже. И от германцев, и от других, и даже от своих правителей. Может быть, и правильно делают, что бегут.

— Во, тут и нет никого, — разочарованно заметил Артем. — Я себе это немного не так представлял. С кем воевать-то?!

— А ты что, с местными поселянами воевать собрался? — уточнил Игорь, но из-под берега речной протоки поднялся прыжками Борька Колобов:

— Эй, мы лодки нашли!

Игорь спустился на берег первым. Там, на прибрежном песке, лежали около дюжины лодок из березовой коры, похожих на земные каноэ. Лежали и вёсла. Очевидно, все это было брошено за какой-то странной ненадобностью.

— Пробиты? — поинтересовался Игорь. «Колобок» пожал плечами и сунул руки в карманы:

— Да нет...

— Жень! — Игорь свистнул. — Женек. Рубан!

Обрушив пласт песка, вниз съехал начштаба, тормозя ГАПом.

— Вот, — Игорь кивнул на каноэ. — Можно идти по рекам на северо-запад. Получится быстрее и даже легче. Грести у вас все умеют?

7.

Следующая неделя была похожа своими днями. Поднявшись в пять утра, в шесть уже гребли, пробираясь то широкими речными рукавами, то какими-то глухими протоками, над

которыми смыкались зеленые своды — потом шли цепочки небольших озер, кончавшихся болотами; их приходилось обходить. В час останавливались перекусить и отдохнуть два часа — и снова гребли, чтобы остановиться в восемь. Две партии отправлялись охотиться и ловить рыбу, остальные разбивали лагерь, и в одиннадцать уже все спали. День оставлял позади до ста километров, а на память о себе — усталость. Ребята осунулись, но никто не жаловался, а особенно поддерживало то, что местность все больше приобретала жилой вид. Правда — по-прежнему брошенный, но уже по-настоящему жилой.

Во время дневного отдыха Игорь в обязательном порядке устраивал соревнования по рукопашному бою, метанию ножей и еще куче всего — впрочем, русских мальчишек, даже изрядно уставших, особо уговаривать не приходилось. По вечерам Борька или Женька понемногу рассказывали о Сумерле — все, что приходило в голову...

...Это был восьмой вечер. Игорь весь день ощущал напряжение единого ментального поля, висящее над землей — он был почти уверен, что отряд вошел на территорию Иррузая. Перед тем, как лечь спать, юноша спустился к реке и уселся на песок, жуя кусочек ольховой коры. Именно тогда он и увидел на другом берегу россыпь бледных огоньков.

— Проклятье... — пробормотал Игорь. На берег вышел Борька, тут же поинтересовался:

— Чего ты?

— Как ты это определишь? — вместо ответа кивнул Игорь на огни. Борька секунду помолчал, потом медленно заговорил:

— Открытый огонь... Но не колеблется. Это очаги или светильники в домах. — Селение, — Игорь протянул руку не глядя, и Борька хлопнул по ней. — Берем каноэ — и вперед. На разведку.

— М? — предложение понравилось Игорю. — Пошли доложимся. И оружие возьмем...

...Лодка казалась погруженной в странный звездный океан. Темнота с двойной полоской зари, прошитая звездными искрами, окутывала ее со всех сторон, и ребята невольно старались грести как можно тише.

— Смотри, — чуть слышно шепнул Борька, чья спина смутно двигалась впереди, — огонь движется.

В самом деле — навстречу плыло двойное пламя. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять — это отражающийся в воде костер, горящий на носу лодки.

— Ловят рыбу, — прошептал Игорь. — Посмотрим, кто. Мне не хочется, чтобы они наткнулись на лагерь.

По воде доносился плеск весла и негромкий разговор — вабиска не от кого было скрываться. Ребята положили весла. Огонь на лодке уже хорошо высвечивал троих вабиска — один, на корме, сидел неподвижно, другой греб посередине, третий, на носу, наклонился над водой с острогой или чем-то вроде. Борька слегка подгребал ладонями, прикусив губу. Игорь достал кластерник...

Сидевший на корме вабиска что-то сказал повелительным голосом и пихнул ногой в спину того, который греб. Тот съехал молча и заработал веслом тише. В ту же секунду в ночном воздухе еле слышно свистнул диск, и тот, что на корме, судорожно дернувшись, свалился в воду. Через миг Борька уже перехватывался рукой по борту чужой лодки, держа обмерших вабиска на прицеле.

— Привет, — улыбнулся Игорь, но вспомнил, что вабиска улыбаются не так, как люди — не изобразишь, и просто сделал приветственный жест. Его догадка, появившаяся за какой-то миг и помешавшая убить всех троих, оказалась правильной: на шеях у обоих вабиска были широкие кожаные ошейники с замками — знак того положения, которое на родине Игоря когда-то называлось «закуп». Человек, отрабатывающий долг. Вабиска смотрели непонятно, но не спешили кричать, а тот, у кого была острога — пускать ее в ход. — Поплыли к нам, поговорим? Борь, отпусти их.

Помедлив секунду-другую, вабиска двинули свое каноэ за суденышком мальчишек...

...В лагере, конечно же, никто не спал. Кроме того, они разожгли на берегу костер, Игорь хотел уже всех оттаять, но потом плюнул — все равно вабиска на том берегу и в голову не вскочит, кто его тут жжет.

Вокруг привезенных рыбаков немедленно столпились все, и те начали проявлять признаки нервозности. Земляне, особенно русские, не страдали классической ксенофобией уже давно, но к инопланетным расам относились с большей или меньшей долей насмешливого высокомерия, которое вабиска приняли, конечно же, за подготовку к расправе.

— Чаю им налейте, — приказал Игорь.

— Может, их кипятком облить? — спросил кто-то. Игорь, не оборачиваясь, угадал:

— Этот добрый мальчик — Пейви?

— Так точно.

— Вот ты им чай и подашь... Не бойтесь, — Игорь перешел на язык вабиска, стараясь выговаривать слова как можно более правильно. — Пейте, ночь прохладная. Вас не тронут, если вы не будете пытаться нас обмануть. Я хочу, чтобы вы ответили на вопросы...

...Вабиска только недавно переселились с юга в страхе перед белолицыми. Но тут их, на прежних землях считавшихся свободными, заставили оплачивать, отрабатывать стоимость земли, крепости и содержания гарнизона, который в ней стоял — фактически это могло продолжаться вечно. Тех, кто возмутился, яшгайаны увезли на север. Гарнизон бесчинствует, ведет себя с жителями и без того нищенствующей деревни, как с завоеванными врагами, обирает, не даёт прохода девушкам. Поэтому они не попытались защищаться, когда белолицые убили солдата, застававшего их ночью отправляться на рыбалку. В деревне живут около полутора десятков человек, гарнизон — полсотни солдат, пятеро офицеров; многие ночуют в деревенских домах. Да, они могут показать — где, если белолицые не тронут людей. Никто из деревни никогда раньше не видел белолицего, не воевал с ними и вообще почти ничего о них не знает, кроме страшных рассказов...

— Что вы будете делать потом? — Игорь сцепил пальцы под подбородком. — Мы уйдем, а вас накажут за то, что вы не помогли солдатам и остались живы

— Накажут... — грустно согласился вабиска, интонация его голоса была совершенно человеческой. Он долго молчал; молчал его младший товарищ, притихли и отпускаявшие шуточки земные мальчишки. — Послушай, белолицый... — вабиска перевел дыхание и, словно разом решившись, продолжал: — Если мы уйдем туда... где жили раньше... я заклинаю тебя именами твоих богов... скажи — нас не убьют там?

— Не убьют, — спокойно сказал Игорь. — Нас мало, в мире много земли. Вы вернетесь и будете жить, как жили раньше. Почти. Вы станете платить нашему правителю, но я уверен — гораздо меньше, чем платите сейчас. И никто не посмеет на вас надевать ошейники. Если вы захотите — вы научитесь от нас всему, чему пожелаете. Если не захотите — никто не станет вас неволить.

Вабиска долго молчал. Потом сказал:

— Мы расскажем, где солдаты... и проведем вас к самой крепости.

8.

Огни во всех домах погасли. Только над стенами крепости, составленными из заостренных сверху и плотно пригнанных друг к другу дубовых брёвен в два обхвата толщиной и метра четыре — в высоту — горели факелы.

— У них нет сторожевых животных, — Игорь достал нож и посмотрел на часы — Расходимся.

— Начнем ровно в полночь, — кивнул "Рубака".

— Пошли, — Игорь хлопнул Яна по плечу, — вон тот дом — наш.

Неслышными призраками земляне расходились по улицам. Ян, правой рукой тоже доставая нож, левой поглубже нахлобучил берет. Он покусывал уголок губы.

В пристройке у добротного дома сопели какие-то животные. Юноша и мальчик замерли у двери. Игорь просунул лезвие полевики в щель у косяка, нашарил и подрезал ременные петли. Потом — чуть отодвинул дверь и поманил Яна. Они прильнули к образовавшейся щели.

Внутренность дома освещали угли очага, на котором что-то готовили. Кто-то спал на широком лежаке, еще кто-то — у огня.

Стоять на крыльце почему-то было жутковато. Игорь вновь посмотрел на часовой циферблат комбраса — цифры сменялись медленно и нехотя.

Скорее. Скорее же...

Двенадцать.

— Пошли, — шепнул Игорь и подал дверь, расширяя щель. Ян скользнул в нее, держа нож наготове, придержал дверь и поставил ее к стене. У огня спали несколько вабиска — взрослые и дети, на топчане развалились два солдата; в том, что это именно солдаты, не оставляла сомнений аккуратно сложенная в изножье форма и составленное у стены оружие. Игорь указал Яну на левого спящего, сам встал коленом на топчан возле правого.

Вабиска открыл глаза, но сделать уже ничего не успел — Игорь перерезал ему горло широким сильным движением. Рядом Ян зажал «своему» рот и колот бьющееся тело — раз, другой, третий! — а солдат хрипел и что-то бормотал.

— Всё — Игорь выпрямился, вытер нож. Застыл, словно приняхиваясь. Ян, все еще стоя на колене, снова и снова очищал уже чистое лезвие о кожу. Проснувшиеся около очага хозяева дома замерли, притиснув к себе детей и не смея даже подать голос. Игорь распластался на полу, заглянул под топчан:

— Угу. Здесь мы тоже убираем.

— Что? — тихо, но взвинченно спросил Ян. Игорь выпрямился, вытер о кожу с безгливой гримасой испачканную в кровь ладонь и объяснил:

— Это мне отец рассказывал. Он поселился как-то во время командировки в одной гостинице, в глубинке... Вот. Заглянул однажды под кровать — что-то там у него закатилось. А там стоит табличка: "ДА! ЗДЕСЬ МЫ ТОЖЕ УБИРАЕМ!" Слушайте, — обратился он к вабиска, — вас никто не тронет. Не выходите из дома. Утром ваши вам объяснят, что к чему. Ничего не бойтесь, мы воюем с властью, а не с вами... Пошли, Ян...

...— Одиннадцать штук по домам, — «Рубака» немного нервно оглядел своих. — Все целы? — в ответ закивали. — Теперь крепость. Я предлагаю использовать «кошки» и...

— А постоит, — Игорь поднял руку. — Предлагаю не менее эффективный, но более эффектный способ. Обещаю, что значительная часть гарнизона после этого вообще не в силах будет сопротивляться.

— Что за способ? — немного подозрительно спросил Пааво.

— Чисто дворянский, — улыбнулся Игорь. — Чутьочку околонуэного колдовства. Только пусть Торковски, — он кивнул братьям, — и ребята Артемки окружат крепость, чтобы никто не вырвался... а остальные — внутрь, когда скоманую. Сейчас — ждите...

...Наверху, по настилу, сухо и размеренно постукивали шаги часового. Лежа у рва, Игорь вдруг подумал — это странно, как странно: часовой охраняет деревню, фактически захваченную врагом, и никто ничего не заметил.

Игорь отщепил ножом от ближайшего бревна щепочку сантиметров в пять длиной. Дуб. Хорошо. Кстати, такой палисад не подожжешь — дуб горит едва-едва. И ещё в землю колья загнаны. Наверно, на пару человеческих ростов в землю вкопаны. А вот ЭТО должно получиться.

Он нацарапал на щепке три руны — Вуньо. Совило. Дагаз. И вогнал щепку себе в

ладонь, а потом аккуратно смазал кровью вырезанное. Всадил щепку в щель между бревнами палисада и начал сползать в ров...

...— Ну что, ничего не получилось? — Рубан нетерпеливо кивнул. Игорь что-то нечленораздельно промычал, посасывая ранку, потом проглотил кровь и, небрежно проведя по ране другой рукой — та закрылась — ткнул в сторону крепости:

— Внимание — и не пугайтесь.

Потом вытянул руки ладонями к земле. Свел их большими пальцами и сложил, будто закрывая книгу. И — резко развел в стороны.

Не скрип или треск — крик лопающегося дерева донесся до замерших недалеко от рва ребят. Метнулся огонёк падающего факела, послышались испуганные вопли.

— Минимум два бревна вывернуло, — пробормотал Игорь, перебрасывая ИПП в руки. «Рубака» тоже перехватил ГАП удобнее и первым бросился ко рву.

Внутри крепости здания тоже вполне годились для обороны — типичные блокаузы с узкими окошками. Но нападения никто не ожидал и не мог ожидать.

— Никакой лишней пальбы! — кричал Борька Колобов. — Беречь заряды!

Но внутри казарм уже грохнуло несколько взрывов — рвались брошенные в бойницы связки взрывчатки, в одном месте вырвало угол, вспыхнуло пламя. Навстречу из упавшей двери рванулось не меньше десятка иррузайцев — ничего не понимающих и безоружных. Сашка Ломакин оказался рядом с Игорем, в каждой руке было по укороченной охотничьей «пушке», ухнуло — в ночь полетела картечь, иррузайцев буквально снесло. Игорь швырнул в дверь одну из нескольких взятых с собой ручных гранат и сразу за взрывом бросился внутрь казармы. Споткнулся о труп. В нескольких местах стены горели там, где угол был обвален, мелькнули несколько теней — Игорь услышал предупреждающие голоса ребят, повел стволом.

— Никого?! — крикнул Артем.

— Только мертвые, остальные через дырки повыскакивали! — ответил Игорь.

— Проверьте еще раз! — скомандовал Артем, тени рассыпались по казарме. Игорь, отталкивая ногами горящие обломки, вышел наружу. Во дворе дрались в нескольких местах. Около лестницы вверх, на покосившейся плахе настила, высокий вабиска сражался ятяганом с Пааво, взмахивавшим тесаком. Подкравшийся сзади по лестнице Пейви раскрыл своим тесаком голову вабиска и, размахнувшись, хлопнул по подставленной ладони старшего брата, потом помог ему вскарабкаться вверх, и они побежали куда-то по настилу.

— "Рубака"! — во все горло заорал Игорь. Женька вынырнул откуда-то сзади. Снаружи стреляли — очевидно, в суматохе кто-то все-таки выскользнул за пределы крепости, и теперь, их там встречали «загонщики» Артема.

— Ты чего орешь?! — Женька был взвинчен.

— Какого черта Темка тут делает? — заорал в ответ Игорь. — Он со своими должен быть, снаружи! Бардак!!!

— Артем! — рявкнул Женька, отворачиваясь: — Микульский! Ко мне!

В Игоря врезался Мише Торковски, сперва не узнал, но потом затормозил:

— Скорее! Тебя Борька зовет, Утесов!

Что-то горело внутри казармы — вверх по какой-то лестнице. Два трупа вабиска — один со страшно изуродованным лицом. Дверь была снесена, внутри сидел на скамье Борька, через плечо Женька светил ему фонариком. Толька Жильцов бинтовал себе ладонь, бинты шипели, но промокали снова и снова, кровь не останавливалась.

— Дай сюда, — Игорь положил ладонь Тольке на колено, сдернул бинты. — Пошевели пальцами... Сухожилия целы. Чем тебя?

— А вон, — Толька кивнул на еще один труп — тот лежал на опрокинутом столе, в руке — короткий нож.

— А ты его? — усмехнулся Игорь, водя ладонью над раной.

— А вот. — Толька тоже улыбнулся и хлопнул по своему тесаку. — Ой, прошло!

— А то! — Игорь переместился. — Что вы тут откопали?

— Архив, — Борька выложил на колено бумаги. — Кстати, обрати внимание: бумага-то довольно качественная. Не "Русский Лес", но... Прогресс.

— Не понимаю, — признался Игорь. — Это же не вабискианский алфавит.

— Шифр, — Женька посветил теперь Игорю. — Элементарно.

— Я бы не сказал, — Игорь с сомнением рассматривал листы.

— Ты же информколлектор.

— Но не криптограф... Сними, потом разберусь, на досуге...

— Ты информ? — оживился Толька. — Программой «Галакто» занимался?

— Занимался, — покривился Игорь. — А, не верю я в это. Общий язык, хе!

— Между прочим, есть успехи, — возразил Толька.

— Да пожалуйста. Даже русский и английский языки очень разные. А мы на одной планете живем! А тут предлагают свалить в кучу английский, в котором нет мужского и женского рода, скиуттский, в котором для обозначения «я» есть пятьдесят два слова и дайрисский, где слова вообще играют вспомогательную роль при изменениях формы конечностей. И остальное заодно, после чего вся Галактика должна заговорить на одном языке... Когда отыщешь лингвистическую общность — скажи мне.

— Погоди... — Толька заморгал и вдруг расплылся в улыбке: — Постой... а... а статья год назад в "Русском императорском вестнике лингвистики", "Вода и пламень; слияние неслияемого", И.Муромец — это ты?! А чего не подписался нормально?!

— Да так, — немного смутился Игорь, — боялся — не напечатают... Глупо, конечно, вышло.

— Да, но статья отличная, хотя я с тобой не согласен, — горячо возразил Толька.

— Черт побери, как же трудно с этими землянами, — вмешался Борька. Женька преувеличенно печально закивал. — То ли дело у нас: лесотехники, зоопсихологи, вертолетчики... — он поднялся и спросил: — Мы идем или поговорим еще?

* * *

Всадники медленно ехали по деревенской улице двумя колоннами. Между колонн двигались знаменосец и молодой офицер без шлема, хмуро смотревший вокруг.

— В домах только десяток мертвых солдат, — подошел и зашагал у стремени один из иррузайцев. — Местные выродки ушли на юго-восток, видны следы... Еще под берегом найдены следы лодок... наших лодок, отец.

— Наших? — офицер недоуменно нахмурился.

— Да... На том берегу жгли костер — не наш костер. Может быть, это те, кого называют "германцы"?

— Они никогда не заходили так далеко, — возразил кто-то. — Кроме того, они всегда жгут дома и оставляют свои знаки.

— Очень странно разрушена крепость, — задумчиво сказал офицер. — Два бревна словно выдернули из земли... но нет следов взрыва...

— Отец! Отец! — галопом подскакавший от крепости всадник поклонился и протянул командиру кусочек дерева. — Это мы нашли у пролома, — солдат понизил голос.

В ладонь офицеру легла длинная, измазанная чем-то бурым, щепка с тремя наспех насеченными значками. Офицер задумчиво провел над нею другой ладонью и уронил щепку наземь.

— Это не германцы, — медленно сказал он. — Это Муромцев. Нужно срочно связаться с Советом и просить ускорить Поход.

Лодки загнали под берег и замаскировали зеленью, нагнув и незаметно сплестя ветви. После этого все выбрались наверх, перебрасываясь фразами о том, что надоело махать веслами и стирать о скамейки мягкие места.

— До темноты надо пройти километров десять, — Игорь удобнее устроил поясной рюкзак, наклонился, выпрямился. — Желательно берегом, чтобы не наследить.

Он, если честно, был доволен тем, как «Рубака» распоряжается своими. Вот и сейчас — тот с ходу выделил в авангард и аррьергард по три человека по главе с командирами патрулей, а ГАПовцев поставил в голову строя. Спросил под общий громкий смех:

— Ходить никто не разучился?.. Тогда пошли.

* * *

Местность оказалась густо населенной, ее пересекали дороги, в числе которых попадались прочно, на века, мощенные камнем. Едва пересекли одну такую — по камню процокали подкованными копытами гуххов несколько десятков ярких всадников в парадных панцырях и полном вооружении. Над ними бился по ветру такой же яркий, как они сами, флаг.

— Не нравится мне это, — прошептал Женька, провожая взглядом отряд.

— Что? — мельком спросил Игорь.

— Флаг, — буркнул казачонок. — Дядька мне рассказывал — когда фоморы высадились, вабиска под таким же наших до самого Второго Меридиана доперли...

— Да, — подтвердил Борька, закусывая травинку, — это флаг Священного Похода. Похоже, достали мы Иррузай, они собирают войска для решительного сражения.

— Священный поход? — вмешался Рубан. — Что это, ребята?

— Да ну, ерунда, — решительно отмахнулся Борька. — Что они сейчас могут? В тот раз за ними фоморианский десант стоял. А сейчас встретят их на той же Дальней, как мы прошлым летом у Нойе Аахена — и дело с концом.

— Вообще-то да, — подумав, кивнул Игорь. — Пусть суетятся, а мы гульнем...

...На ночь остановились в лиственничной роще на краю полей, за которыми виднелись огни большой деревни и выгибался над рекой мост — деревянный, но широкий и, по виду, надежный. Огонь разводить, конечно, не стали, поужинали сухими пайками.

— Романтика, а? — подмигнул остальным Женька и, развалившись на траве, промурлыкал:

*Двенадцать месяцев в году —
Их дюжина, считай!
Но веселее всех в году —
Зеленый месяц май...*

Игорь, поднявшись, кивком отозвал Женьку Рубана и Пааво. Они встали за кустами, и «Рубака» тут же спросил:

— Хочешь предложить рвануть мост?

— Дело, — кивнул финн. — Можно прямо сейчас. Рванем, сюда вернемся — ни за что не догадаются нас искать.

— Мост деревянный, — продолжал развивать тему Игорь. — Под две центральные опоры — по четыре кило взрывчатки, и он провалится. Но сейчас, — он покосился на Пааво, — этого делать не стоит. Выйдем под утро и попробуем не просто взорвать, а подкараулить на нем кого-нибудь. Хоть обоз, хоть отряд какой. Отступление прикроем ротором во-он с того холма, — вытянул Игорь руку. — Если вообще будет погоня — вряд ли тут ожидают нападения.

— Неплохо, — солидно кивнул Женька. — Пааво, тут неподалеку какой город?

— Счас, — финн поднес к глазам комбрас. — Риуста. Довольно большой.

— У тебя есть на него виды? — поинтересовался Игорь, ладонью прикрыв зевок.

— Там можно устроить шум, пока точнее не соображу, — признался командир. — Я пошлю, наверное, прямо сейчас Мило и Мариана на холм?

— Дело, — согласился Игорь. — Еще Игоря Колобова с ними пошли, у него подствольник... И пусть Борька идет, мой Борька. Пригодятся для прикрытия.

— Пааво, распорядись там, и пусть не ноют, — приказал Женька. Финн наклонил голову и пошел в рощу.

Женька с Игорем продолжали молча разглядывать пейзаж перед ними, который быстро скрывала подсвеченная так и не севшим до конца Полызмеем полутьма.

— Красиво, — заметил Женька, — хоть стихами говори... Странно, какая вон там четкая граница у света и тени!

— Разве это не естественно? — задумчиво поинтересовался Игорь, тоже любясь окружающим. — Слушай, Жень... тебя ждет девушка?

— Нет, — мотнул головой тот, — нету у меня ее, — и вздохнул: — Знаешь, я как-то с детства поставил себя на лидерство. Хочу стать политиком, — он улыбнулся, — не только же дворянам?.. Ну и как-то времени не хватает никогда... По-моему, им со мной неинтересно.

— Вернемся, — пообещал Игорь, — я о тебе расскажу одному человеку. Он губернатор Прибойной. Ты ведь школу кончаешь в этом году? — Женька кивнул, заинтересованно глядя на Игоря. — Пойдешь к нему?

— С удовольствием! — Женька откровенно просиял. — Слушай, спасибо!

— Да погоди ты, мы еще здесь пока... А у меня, — признался Игорь, — даже не девушка, а невеста есть. Она ждет.

— Ты ведь пошел сюда с нами не для развлечения? — уточнил Женька. — Я же вижу.

— Личные счета, — сухо ответил Игорь. — Я их ненавижу, Жень. В этом-то все дело.

* * *

Интерлюдия: Сонет ³²

*Когда меня не будет на земле,
Вселенная покажется пустою.
Но, может быть, напомнят обо мне
Слова, когда-то сказанные мною.
А звезды будут жить на дне морей
И так же по ночам срываться с неба.
Но, может быть, напомнят обо мне
Мои стихи, в которых былъ и небыль.
Акация все так же зацветет,
Подснежники распустятся весною,
И роковая надпись: "Все пройдет..."
Глаза на мир уже другим откроет.
И мир успеет миллионы раз
Разрушиться и снова возродиться...
...Но на земле уже не будет — нас.*

10.

Выпала холодная роса, обсыпавшая все вокруг, как мельчайшие комочки ваты. Пар облачками и струйками вырывался в воздух и повисал в нем на миг. Отряд двигался по тропинке вокруг поля быстро, но осторожно. Рассветало; по небу тянулись несколькими длинными полосками подсвеченные алым легкие облака. Птиц не было, и это радовало.

Большинство ребят не выспались и выглядели хмуро. Лишь по временам что-то коротко, негромко и сердито командовал "Рубака".

— А на мосту-то — охрана, — сказал кто-то тихонько, но Игорь услышал и, взглядевшись, заметил за перилами мерно расхаживающих солдат.

— Ян, — позвал Рубан. Реутов, шагавший рядом с Игорем, ускорил шаг и догнал командира. — Сможешь их снять?

— Конечно, — ответил мальчишка.

— Ты? — невольно удивился Игорь. Ян смущенно улыбнулся и промолчал в своей обычной манере, а Женька пояснил:

— Ян отличный стрелок. Пожалуй, самый лучший у нас.

* * *

Берег реки зарос густо зеленеющим ивняком. По пояс в воде, под пологом гибких ветвей, как в зеленом тоннеле, отряд двигался к мосту. Тихо, без плеска, подволакивая ноги по дну.

Игорь решил, что убирать охрану не стоит. Полосы зелени, окаймлявшие берега, уходили прямо под мост, так что можно было подобраться вплотную к цели, не устраивая побоища раньше времени.

Казалось, все было нормально. Но Игорь чувствовал себя странно. Неуверенно?.. Нет... И вроде бы никто не пытается «нащупать» его ментально...

Кисточка. Пушистая кисточка щекочет и щекочет затылок. Как будто неотрывно глядят — именно глазами глядят! — в спину. Но сзади никого нет, кроме своих.

— Жень, — не выдержал наконец Игорь, — ты ничего не чувствуешь?

Женька Вислоусов обернулся:

— Нет, ничего, — удивленно ответил он и насторожился: — А что такое?

— Да так... — Игорь передернул плечами. — Наверное, слишком много думаю.

— Да, это опасно, — согласился Женька и ткнул Игоря кулаком в плечо: — Брось, все в порядке.

Только кисточка все-таки была. Игорь попытался рассмотреть сквозь ветви небо — чистое, да и не увидеть их через зелень никакой птице...

...По мосту с лязгом и шумом двинулась колонна воинов — пеших и верховых, попеременно с повозками. На одной везли огромный барабан — двое вабиска, размеренно вздымая колотушки, били в него, и вроде бы мягкие удары, казалось, сотрясают внутренности, заставляя обрываться сердце и противно сжиматься желудок.

"Я что-то сделал не так," — отчетливо подумал Игорь. Это не имело прямого отношения к кисточке... и в то же время — было с нею связано.

Тень моста нависла сверху, надвинулись звуки, усиленные и отраженные бревнами и пространством под ними. Рютти и Игорь Колобов, закинув за спины оружие, крадучись вышли из кустов и, погрузившись почти до бровей, поплыли к сваям, загребая одной рукой, а в другой, поднятой вверх, держа связки взрывчатки. За ними по воде к кустам змеилась

нитки старого доброго бикфордова шнура.

Игорь внимательно смотрел, как мальчишки, почти одновременно достигнув свай, обхватили их ногами и, закрепившись таким образом, начали ставить взрывчатку.

А барабан наверху гудел и ухал.

Обратно Рютти выкарабкался первым. Игорь поотстал, неловко гребя правой рукой, распоротой о шляпку бронзового гвоздя. — Можно поджигать, — сообщил он с улыбкой.

Защелкали зажигалки, и огоньки почти одновременно побежали по шнурам, а отряд, уже не особенно заботясь о секретности, побежал — по кустам. Наверху заорали — не испуганно, а удивленно, потом — зло. Но уже хрястнули два взрыва, Игорь, повернувшись, увидел, как мост просел в середине, подломился; с хрустом вырвало крайние сваи, мост, рассыпая истошно кричащих вабиска, повозки, животных, превратился в перевернутую букву «эль»... дрогнул еще раз — и обрушился окончательно.

Вдоль берега уже с гиком оказали всадники, на ходу целясь из пистолетов. Но тут послышался задыхающийся свист — Мариан с расстояния в полкилометра точным огнем косил всадников из ротора, прикрывая своих. Оставалось проскочить эти полкилометра через поля, и мальчишки, выбираясь на берег под самым носом у погони, припустили со всех ног.

Всадники больше не осмелились преследовать отступающих землян, оставшись гарцевать на берегу, возле лениво разгорающихся обломков моста. Мальчишки перешли на лениво-нахальную трусцу, кое-кто оглядывался и со смехом делал неприличные жесты — вабиска едва ли их понимали, но не могли не догадаться, что над ними издеваются.

— Сделаем за холмом петлю, вернемся к реке и уплывем, — поделился своим решением «Рубака». Игорь кивнул на бегу — план и ему понравился. Ротор перестал стрелять, но, едва небольшой верховой отряд сунулся следом, «метла» подала голос и на корню подрубила погоню в буквальном смысле слова.

Холм — большой и пологий — венчало обрывистое наверхие: словно на перевернутую чашу поставили двустороннюю лестницу с площадкой наверху из детского конструктора. Кольцом по низу холма росли куста.

— Мило, Мариан? — окликнул Рубан. — Останетесь на вершине, прикроете нас, пока до реки добежим. Делайте вид, что нас там много. И еще...

— Подожди! — вдруг закричал Игорь Командир увидел, как лицо молодого дворянина резко побелело. — Я идиот! Они нас выследили! Щепка! Засада!!!

— Что?!. — яростно заорал в ответ ничего не понимающий, но испуганный Женька.

Его слова отрезало грохотом взрыва. Над тем "спуском лестницы", по которому они собирались уходить за холм, встала черная туча порохового взрыва. Бегущие сбились, не понимая, что произошло. И почти тут же повсюду — полукругом, как бы прижимая их к холму — встали густые цепи вабиска, прятавшихся среди невысокой зелени с прямо-таки дьявольским искусством. Грозно и протяжно крича, они начали сжимать кольцо, приближаться, заставляя землян пятиться ближе к холму.

— Их слишком много! — озираясь, крикнул Пааво, его глаза потемнели. — Чертовы потроха, их слишком много! Чертовы потроха!

— На холм! — крикнул «Рубака». — Скорее!

— Нет! — ответил Игорь. — Нет, вокруг холма, это заса...

— Поздно, — ответил Борька Колобов. Его красивое лицо быстро бледнело. — Смотрите.

Стоя на фоне неба, кто-то из ребят с холма отчаянно сигнализировал двумя зажатыми в руках беретами.

— Взорван... спуск... — читал кто-то упавшим голосом, — от реки... мы отрезаны... окружены!

— На холм, — кусая губы, подтвердил Игорь. — Там мы сможем хотя бы закрепиться...

Вершина «лесенки» — почти идеальный круг диаметром метров сто — поросла густым кустарником. Вабиска взорвали подъем от реки и не торопились идти на штурм.

— Здесь нет воды, — сказал Артем. — Здесь просто нет воды! — он пнул камень ногой. — Но как они догадались?!

— Я же сказал, — ровным тоном отозвался Игорь, — это ловушка. По моей вине, — сунув руки в карманы, он, сощурившись, рассматривал обкладывающих холм вабиска — их становилось все больше, тащили даже орудия. — Долго объяснять, но нас выследили по тем... ну, как бы... отпечаткам, которые я оставил, когда разрушал стену в крепости. Я допустил чудовищную халатность, — Игорь говорил очень спокойно, но Борька, тревожно взглянув на друга, подошел к нему и обнял за плечи, а Женька встал рядом, воинственно глядя на остальных. Ребята молчали, уставившись в стороны.

— Муромцев! Игорь Муромцев! — послышался голос, кричавший снизу как-то металлически с сильным акцентом. Молча и решительно Игорь подошел к краю и, надменно задрав подбородок, почти так же металлически спросил по-вабискиански:

— Кто зовет меня?

Кричал, поднеся ко рту свернутый в трубку металлически лист, офицер гарцевавший на гуххе метров за двести от подножия холма. Увидев Игоря, иррузаец захохотал — эти звуки, похожие на земной смех, подхватили остальные окружающие холм вабиска. Игорь еще выше поднял подбородок; его губы скривила высокомерная усмешка, сделавшая его похожим на волка, глядящего со скалы на целящихся в него охотников. Но Борька, стоявший рядом с другом, и подошедший с другой стороны Ян видели, что губы Игоря временами вздрагивают.

— Эх, глупец! — крикнул вабиска. — Вы все глупцы, белолицые! Сами — САМИ! — влезли в ловушку, глупые дети! Ну что же. Птица еще раз показала нам свое могущество — и вы ощутите его в полной мере, когда станете умирать на этом холме от жажды и отчаянья! А потом, — офицер повернулся к окружавшим его солдатам, как бы призывая их присоединиться к веселью, — мы снимем с вас шкуры, набьем соломой и выставим их на площади Сааска! То-то радости будет Уигши-Уого, он давно мечтает с тобой встретиться, Игорь Муромцев!

Игорь молчал. Потом улыбнулся презрительно и заговорил — легко перекрывая своим голосом разделявшее его и врагов расстояние:

— Говоришь, Уигши-Уого мечтает со мной встретиться?! Тогда слушай меня, — в этом "слушай меня" было столько высокомерия, что становилось холодно даже не знавшим языка: — Признаю — вы хитро все это проделали. Ну, оранги тоже бывают хитрыми, и это не делает их умными... Я виноват в том, что эти ребята попали в ловушку. Поэтому сделаем так. Ты отпустишь их к реке, — офицер сделал гневный жест, но Игорь повысил голос, и гуххи захрипели, припадая на задние ноги, — и после того, как они уплывут, я сложу оружие и спущусь к тебе. Думаю, такой подарок понравится Уигши-Уого еще больше?

— Игорь! — закричал Борька.

— Молчи, — улыбнулся ему Игорь и оттолкнул бросившегося Женьку. Потом так же с улыбкой добавил; — Тихо. Так надо. Выхода нет.

— Да мы лучше все погибнем! — крикнул Женька. — Слышишь, не смей! Они тебя замучают! Ты же...

— Замолчи, пожалуйста, — попросил Игорь и, вновь перейдя на вабискианский, крикнул: — Ну так что?!

Мальчишки из «Землепроходцев» встревожено и настойчиво спрашивали, в чем дело. Женька, сбиваясь, начал объяснять. Борька, напрягшись, как перед прыжком, неотрывно смотрел в спокойное, чуть-чуть насмешливое лицо Игоря.

Казалось, вабиска был ошарашен сказанным, потому что молчал с минуту, не меньше, не опуская свой рупор и не сводя глаз с Игоря.

— Ты рехнулся, — убежденно сказал Женька. — Не вздумай!
— Отстань, а? — улыбнулся Игорь, не оборачиваясь. Он, кажется, хотел еще что — то добавить, но иррузаец заорал:
— Не выйдет! Вы умрете все! Все, и нечего корчить из себя героя!
— Что он сейчас сказал? — тихо спросил Ян у Борьки. Тот коротко ответил:
— Что все умрут.
— Все? — Ян секунду подумал и сказал: — Вот с него и начнем.
Быстрым движением вскинув плазмомет, он выстрелил, практически не целясь. Голова офицера вместе с поднесенным ко рту рупором исчезла в яркой вспышке.

* * *

— Ты в самом деле был готов это сделать?
Игорь пододвинул к огню плоский камень с полосками вяленого мяса и только после этого ответил на вопрос Яна, сидящего напротив в обнимку со своим плазмометом.
— Я дворянин. И я жестоко ошибся. За это надо платить.
— Но ты столько сделал, нам рассказывали. — Ян вздохнул и подбросил в костер сушняка. — А тут — мелкая ошибка...
— Мелкая ошибка? — Игорь искренне засмеялся. — Восемнадцать человек, их жизни — это мелкая ошибка?!
— Ну... это наши жизни, — пожал плечами Ян. — Мы сами ими распорядились.
— И я хотел распорядиться своей, — ответил Игорь.
— Мы бы тебе все равно не дали, — убежденно сказал Ян. И спросил: — Скажи... неужели тебе не было страшно?
— Было, — коротко ответил Игорь. И добавил: — Ложись спать, Ян.
— Ага, — ответил тот, укладываясь прямо у огня. Через минуту он уже и правда спал, а Игорь, прикрыв глаза рукой от пламени, смотрел на десятки костров, горящих вокруг холма россыпью бессонных недобрых глаз.
Он опустил руку и достал из внутреннего кармана куртки блокнот с карандашом. Положил блокнот на колено и задумался. По том взял карандаш и начал быстро писать на сторкадском. Если эта запись попадет в руки вабиска, они не посмеются над нею — едва ли кто-то у них знает язык одного из злейших врагов Земли. А если все-таки какими-то путями блокнот вернется к своим, то чужой язык привлечет внимание...

«Свет, если ты получишь это письмо, значит, меня нет в живых. Глупо и нескладно получилось все у нас с тобой... но, если ты держишь этот листок в руках, значит, я не ошибался, я все-таки тебе нужен.

Жаль, что поздно. А при жизни мы так глупо попрощались, глупо, глупо, глупо...

Хочу сказать, что я не жалею о своем решении. Я не мог иначе, и ты знаешь это, потому что знаешь меня.

Я не о том пишу. Я хочу написать, как я люблю тебя, как верю, что и ты — тоже... но я не знаю, что написать. Я не взял с собой снимок — всякое может случиться, не хочу, чтобы его трогали ИХ пальцы, рассматривали ИХ глаза — но я помню твое лицо так, что никакой снимок не нужен; оно у меня перед глазами, я касаюсь его ладонью, я касаюсь его губами; слышишь — это я шепчу: Свет, Свет, мой Свет, девочка моя... Ты знаешь, что я не верю в древние рай и ад. Но, если там все-таки что-то есть — я подожду тебя. Я буду ждать, сколько понадобится, ты не спеши. В конце концов, даже тысяча лет в аду — не срок, если знать, что потом увидишь тебя. Это ужасно — ждать без надежды на встречу.

Поэтому знай — я надеялся до последнего. Да же сейчас, мертвый — я надеюсь, потому что смерть — слишком ничтожная штука, чтобы убить мою

любовь к тебе.

И знай — проживи я тысячу лет, мне все равно никто не был бы нужен, кроме тебя, родная моя. Я бы ни с кем не связал свою судьбу, кроме тебя, кроме тебя, Свет, радость моя, жизнь моя, свет мой...

Я тебя люблю.

Я тебя целую.

Я тебя помню.

Всегда, всегда, всегда.

Прости.

Твой навечно — Игорь.»

Он закрыл блокнот и тщательно убрал под разгрузку, в карман, подшитый к внутренней стороне.

Вот и все, что он мог сделать.

12.

Пить очень хотелось. Что самое мерзкое — даже во сне, хотя этого и не могло быть. Игорь подозревал, что это шуточки яшгайанов.

Но уж если ему было так тяжело, то каково остальным?! Вот и сейчас, проснувшись, он с жалостью смотрел на лица спящих мальчишек. У всех были запекшиеся губы и черные тени под глазами, грязные разводы на щеках от пота и пыли. Руки — в пятнах, в царапинах — во сне сжимали оружие.

Жаль было будить Женьку Рубана. Игорь осторожно подобрался к нему и отключил будильник в комбрасе — Женька не проснулся, даже не пошевелился, только облизнул губы. Игорь выпрямился и бесшумным шагом отправился проверять посты...

...Ян, лежа на своём месте, наклонял рукой ветви куста и слизывал с них росу. Лицо у мальчишки было измученным и погудевшим; увидев Игоря, он страшно смутился, резко оттолкнул ветку и изо всех сил сделал вид, что нагибал куст, чтобы лучше видеть, что происходит внизу.

— Не так, — тихо сказал Игорь, доставая кусок термопленки и сворачивая его фунтиком. Зажав нижний конец, он методично обтряс в этот фунтик ветви кустов — пришлось этим заниматься минут десять, но в результате набралось примерно поллитра — Фляжку давай, — приказал Игорь молчавшему все это время Яну. Тот захлопал глазами, но протянул фляжку, сдернув с нее крышку. Игорь, героически не глядя на воду в фунтике, вставил его кончик во фляжку и отпустил, посвистывая — чтобы не слышать журчания воды. — Держи.

Ян недоверчиво поболтал фляжкой, посмотрел на Игоря... и разревелся. Отвернулся и пробормотал:

— Я думал... думал, ты будешь смеяться...

— Какой тут смех, если пить хочется, — Игорь хлопнул Яна по плечу. — А плакать не надо, и так организм обезвожен. Лучше попей.

Ян еще раз поболтал фляжкой, несколько раз сглотнул и сказал:

— Знаешь, что?.. Ты лучше Мило отнеси это, ему больше остальных хочется...

...Мило послал Игоря с фляжкой к Марианну, тот — обратно, и братья услали его к Пейви. Там фляжка пропутешествовала по всем четверым братьям Ориккайненнам и от Рютти перескочила к братьям Колобовым. После этого Игорь опомнился и, весело ругаясь, подошел с фляжкой к проснувшемуся «Рубаке». Всем даже меньше стало хотеться пить. С кустов натрясли еще поллитра и дружно разделили воду на всех. Получилось примерно по глотку на брата; эту воду проглатывали залпом...

— На росе мы долго не протянем, — подвел итог Борька Колобов, отбрасывая со лба свои длинные волосы, превратившиеся в грязные сосульки. — Может попробуем вырыть колодец какой-никакой?

— Можешь мне поверить, — мрачно сказал Игорь, — под нами метр почвы, а дальше — базальтовая подушка.

— Можно попробовать прорваться, — Пааво щелкнул ногтем по магазину. — Ротор вперед, ГАПы углом за ним, рубануть окружение и...

— ...и они нас догонят верхами, окружают уже на ровном месте и расшибут пушками, — заключил Борька Утесов.

— Откуковал пастуший мой рожок, коровки, не рыдайте без меня, — добавил Артем.

— Предлагайте сами, — махнул рукой финн. — Русские все страшно умные, вот глупый чухонец и послушает, что вы надумали.

Наступило молчание. «Колобок» выкидывал лезвие складного ножа и убирал его. Пааво дулся. «Рубака», кусками укрупняя карту на экране комбраса, внимательно рассматривал ее. Артём еле слышно насвистывал сквозь зубы какой-то пионерский маршик. Борька закрыл глаза и был неподвижен. Женька костяшками пальцев постукивал по прикладу плазмомета. Игорь смотрел в небо, щурился и улыбался. Потом посмотрел на Женьку Рубана:

— Ну?

— Поехали, — отозвался тот «складывая» карту. — Тем, ночью посты ты обходил?

— Да, — подобрался тот.

— Костров у них много была?

— Вот-от-то, — удовлетворенно вклинился Игорь. Сейчас он не без самодовольства ощущал себя в роли генерал-губернатора, разговаривающего с ним самим.

— Много, — подтвердил Артем.

— А шевелились возле костров много? — продолжал странный допрос начальник штаба.

— Порядочно, — подтвердил Артем и это. — То тут, то та... там...

— Вот-вот, — хмыкнул Женька, покосившись на Игоря. — То тут, то там. А не везде...

— Они уходят ночевать, — Борька Колобов в последний раз сложил нож и оглядел всех. — А оставляют дежурных — те вокруг костров шляются и поддерживают огонь. Фон создают.

— Верно, — согласился «Рубака». — Поэтому мы ночью и правда пойдем на прорыв, но тихо. Снимем тех, кто окажется на пути, и за ночь уйдем далеко.

— Рискованно, — заметил своему тезке Женька Вислоусов. «Рубака» пожал плечами:

— Мы еще два дня тут посидим — и нас возьмут голыми руками. А просидим четыре — нас и брать не будут, зачем им покойники? Вон Игорь еще два дня потом продержится, разве что. Один за всех.

— Да, восемь дней без воды для меня предел, — согласился Игорь. — План мне нравится.

— На том и решим, — улыбнулся Женька. — А сейчас отдохнем еще, — он повысил голос. — Всем спать, кроме часовых, пока не опухнем! Через силу — спать!!!

13.

— Ты меня держи, — Борька улыбнулся. — А то ляпнусь.

— Помолчи, — буркнул Игорь, перекидывая через ветку дуба, клонившегося над обрывом, веревку и натягивая ее. — Пошёл.

Борька перехватил веревку над головой рукой в перчатке, подмигнул и, оттолкнувшись ногами, бесшумно скользнул вниз...

...Борька, Женька, Пааво и Эдька опустились на изгиб тропы почти одновременно и,

оглядываясь, сбросили со строп карабинчики. Костер горел метрах в десяти, возле него сидели и стояли шестеро вабиска. Мальчишки, присев и почти не дыша, вслушивались и вглядывались. Наконец, Борька, ухмыльнувшись, тронул Женьку за плечо и указал чуть дальше, где на тропу уже не падали отблески костра. Там еле заметно пошевелилось пятно темнее самой темноты.

Женька несколько раз быстро мигнул фонариком с красным светофильтром. Сверху, визжа и свистя, стартовала ракета, заливая все вокруг белесым сиянием; вабиска повскакали, мальчишки вжались в землю, а в кустах стали отчетливо видны двое — по обе стороны тропы! — часовых в секрете. Сверху их не видно, конечно, как ни свети. А что их будут рассматривать сзади — этого ирружайцы, конечно, не могли предположить.

Подождав, пока уляжется суматоха, ребята пережидали и еще четверть часа — не лучшие в их жизни. Борька коснулся плеча Женьки и, указав направо, достал засапожник. Женька перекатился через дорогу и пополз мимо костра по направлению к секрету. С другой стороны так же полз Борька. Пааво и Эдька подобрались ближе к костру и залегли, держа наготове оружие.

По тропке шагом проехал всадник на гуххе — мальчишки застыли — и, остановившись у огня, громко и повелительно заговорил. Ему отвечали — можно было понять в том смысле, что все нормально, светили, конечно, от отчаянья и из страха. Всадник уехал обратно — он был без головного убора, «хохол» прыгал над плечом.

Пааво достал финку и показал ее Эдьке, который обнажил свою полевку. Сейчас они лежали вровень с костром, по разные его стороны...

...До ирружайца оставалось около метра. Борька ощущал его чужой запах и слышал тихое дыхание. Он чуть приподнялся и, кивнув смотревшему на него Женьке, метнулся вперед, обрушился на часового, вбил длинное, чуть изогнутое лезвие засапожника ему в затылок до самой рукояти, одно временно всем своим весом вмяв лицо часового в землю. Переждал длинную судорогу, вырвал нож и прислушался.

Тихо было. Женька в кустах на против, дыша открытым ртом, показывал нож, черный с алым в свете Адаманта, потом указал им на костер. Мальчишки поползли обратно и заняли позиции напротив своих друзей — так, что костер оказался как бы внутри квадрата, углами которого были затихшие ребята.

Вабиска уселись у огня, на котором булькал большой котелок. Оружие их лежало рядом, головные уборы были сняты, ремни снаряжения распушены.

Пааво щелкнул пальцами — резкий и четкий щелчок перекрыл треск огня, и мальчишки прыгнули вперед с четырех сторон...

...Эдька за ноги вытащил из огня упавшего туда солдата. Пааво и Борька, растянув за углы трофейный плащ, закрыли им огонь и начали подавать сигналы. Женька спихивал с тропы убитых — из ребят не пострадал никто, а из шестерых вабиска ни один не успел крикнуть.

— Пока все нормально, — Борька отшвырнул плащ и посмотрел в сторону других костров — не ждут и не копошатся... А варили они что-то вкусненькое, — он опрокинул котелок. Из темноты почти бесшумной побегой появлялись остальные, проскакивали мимо. Последним, держа наготове ИПП, пробежал Игорь.

* * *

Бежали непрерывно почти четыре часа. Конечно, никто больше не думал о лодках или о городе — стремились только уйти подальше и запутать следы в бесконечных ручейках и речушках, на каменных осыпях. Не останавливались — даже чтобы напиться — пили на бегу, снова и снова, и на смену жажде пришли усталость и голод.

— Оторвались, — Женька остановился не сразу, а постепенно — очевидно, ноги завелись так, что не подчинялись приказам мозга.

— Похоже, — затормозив рядом с ним, прислушался Игорь. И недоверчиво спросил сам себя: — Неужели вырвались?!

* * *

Интерлюдия: Песня красного волка ³³

*Я — красный волк.
Я обложен, как беглый зэка
И охотничьи слышу рожки...
Я — красный волк.
Моя шкура впитала закат,
Мне не страшно бежать на флажки...
Я — красный волк.
Серым выбили зубы, шакал
В ихней стае теперь вожакom,
А. я — красный волк.
Так неужели жакан
Промахнется с десятка шагов?!
Когда пуля ослепнет,
И пламя взвoет: "Ложись!"
Рассмеется вослед мне
Моя прошлая
серая жизнь.
Сговорится двустволка
С ней на красной пене —
Ведь у красного волка
На снегу смерть краснее вдвойне!
Я — красный волк. Пожелтела луна от тоски,
У нее календарный запой...
Я — красный волк.
Жить с волками, а быть по-людски —
Это значит — остаться собой.
Я — красный волк.
Волчья ягода — мой талисман,
Я на ней настоял свою кровь!
Я — красный волк.
Мною ночь довольна весьма,
Этой мастью, давая мне кров...*

14.

Весь день они перележали недалеко от дороги, по которой шли войска, в густом кустарнике. Спали, просыпались, снова спали, пока не отлежались. Дорога на какое-то время

³³ Слова А.Земскова

опустела, в вечернем свете все еще висела над нею сухая пыль.

— Они серьезно взялись за подготовку к походу, — «Рубака» кусал травинку. — Сколько же тут войск, черт бы их побрал!

Ему никто не ответил. Игорь смотрел на эту дорогу, на висящую над нею в воздухе желтую пыль — и почему-то вспоминал, как в прошлом... нет, в позапрошлом (что это он?) году, летом... мысли как-то сбились, он никак не мог сообразить, о чем, собственно, думает. Потом почему-то услышалось, как ревет и трещит огонь, всплыли какие-то перекошенные лица под ногами, и РПП, из которого он стрелял через плечо, держась за веревку одной рукой, вдруг подскочил, попав ему по губам торцом... а мокрое от пота лицо Витьки Сердюкова приближалось так медленно... И вдруг это оказался не Витька, а Денис Карташов — сидя на поваленном дереве, он постукивал стволом РАПа по колену и, чему-то улыбаясь, пел по-английски дикую, заунывную старинную песню:

*— Ах, бедный мой Томми,
бедный мой Том —
о-хэй... о-хэй...
Зачем ты покинул
старый свой дом —
о-хэй... о-хэй...
Под парусом черным пошли мы в набег —
Все семьдесят пять человек!..
о-хэй... 1*

"Странно, почему я на экзамене?" — подумал Игорь. И сообразил, что просто спит. Он открыл глаза и снова увидел пустынную дорогу, но впереди уже где-то маячила темная голова нового строя.

— Я не знаю, что теперь делать, — буркнул «Рубака». — Тут слишком много войск.

— Брр! — Игорь потряс головой и потер виски. — Надо сделать крюк и выбираться к реке. Они не ожидают, что мы вернемся.

— Думаешь, не нашли лодки? — спросил Артем.

— Не должны были, — ответил Игорь. — И во всяком случае — это самый лучший выход.

* * *

Обоз переползал реку медленно и тяжело. Слева и справа от крытых кожей телег гарцевали всадники, разбрызгивали воду. На облучках сидели возницы.

— Полсотни охраны, — Борька передвинул ногу удобнее.

— Нападем, — решил Рубан, снимая с предохранителя оружие. — Лодки близко, потом сразу погрузимся и погребем.

По залегшей над берегом цепочке пионеров прошло легкое движение. Ехавший вперед офицер без головного убора поднял голову — и Ян выстрелил, словно давая сигнал к началу атаки.

Игорь, встав на колено, стрелял почти без перерывов, потом свистнул, поднялся на ноги. Мальчишки, на ходу стреляя, рванулись вниз, к воде, растерянная охрана попыталась начать отбиваться, но потом побежала — впрочем, убежать-то никто не успел. Несколько человек почти бегом бросились вдоль востов с меланхолично остановившимися тягловыми животными, на ходу полосуюя полевками ремни — туго натянутые покрышки отлетали, как резиновые.

— Порох!.. Гранаты!.. Порох!.. Порох!.. Пули!.. — раздавались голоса. В одной повозке оказались сухари и копченое мясо, которыми тут же запаслись.

— Военный обоз, — задумчиво сказал Игорь, сооружая себе бутерброд (мясо было "с душком", армейская заготовка, небрежно-поспешная). — Всерьез собираются воевать...

— Сожжем, — предложил Пааво. — Отплывем — и гранатами...

— Пошли... оторвитесь от повозки, все не унесешь! — рявкнул «Рубака». — Скорее, ну?! — и на ходу поменял магазин.

Игорь немного задержался, осматривая плавающие на отмели трупы. Перевел взгляд на возы...

И увидел нацеленный ему в грудь — от заднего колеса — арбалет. И глаза вабиска.

Щелкнула тетива.

Игорь выстрелил.

Человек, бросившийся наперерез, коротко охнул и повалился на спину к ногам Игоря — в глухо плеснувшую воду.

* * *

Только Жильцов умер уже в лодке, через два часа, так и не придя в сознание. Арбалетный болт, пущенный в горло Игорю, попал ему в грудину и что-то повредил внутри, потому что мальчишка при каждом выдохе коротко булькал кровью изо рта. Игорь ощущал, что у парня внутреннее кровотечение — и ничем не мог помочь.

Ничем.

А лодки летели, подгоняемые ударами вёсел. Но никуда не могли успеть. Слишком далеко было до мест, где могли спасти умирающего в одной из них мальчишку с белым и очень спокойным лицом, на котором кровь казалась черной. Игорь мог только снова и снова вытирать ее. И еще — сделать так, чтобы там, в беспомощности, Толька не ощущал боли.

Вечером, когда отсветы заката зажгли темно-зеленым и алым верхушки деревьев на берегу, Толька умер.

Его похоронили во время короткой остановки у подножья тройного дуба, похожего на старинный венец.

Глава 5 Разве этого мало?

И я улыбнусь.

И почувствую сердцем: я дома.

М.Семёнова.

1.

Местность вне границ Иррузая почти так же кишела войсками, как и сам Иррузай. Обратное путешествие превратилось почти в сплошные прятки. Возрастало и беспокойство — вабиска казалась слишком сильными и решительными.

К полудню пятых суток отряд остановился в тростниках на берегу протоки, которая выводила в большую долину, похожую на фляжку — горлышко входа, крутые откосы, островка рожиц, овраги, прорезающие склоны и заросшие кустарником. Отсюда до границ колонии, до Дальней, оставалось не так уж много...

...Рютти Ориккайннен двумя ударами тесака подрубил переплетенные ветви кустарника и прислушался. По ту сторону оврага перекликались ребята — Рютти видел Тойво, который с ГАПом в руках стоял за кустами и настороженно озирался. Рютти помахал брату рукой — и пролез над подрубленным кустом...

...Два человека были привязаны к вбитым в землю столбам. Молодые мужчины: один — в форме Алых Драгун, другой — в германском. Запрокинутые лица посинели от удушья. Открыв рот, Рютти всматривался и понял, как погибли эти люди — им плотно завязали на горле размоченные кожаные ремни. Ссыхаясь на солнце, кожа стягивалась... Не меньше десятка селян стояли на коленях вокруг сбившихся в кучу женщин и детей. Над ними возвышались солдаты, удивленно смотревшие на появившегося мальчишку.

— Вабиска! — крикнул Рютти, разряжая подствольник. Прыгнул в сторону, пригибаясь — свистнули пули, где-то справа грохнула граната, выпущенная из ручной мортиры, осколки уныло запели, срезая листву и веточки. — Вабиска, ребята!

Он повернулся и побежал вниз по склону вдоль оврага. — Сюда! Сюда! — закричал Тойво. До старшего брата было совсем недалеко — два десятка метров, но овраг не перепрыгнешь... — Вниз прыгай, я веревку кину... ч-черт! — и он, упав на колено, со второго удара очередь по деревьям и кустам; потом — еще. — Прыгай!

Рютти обернулся и увидел вабиска совсем недалеко. Над ухом проплакала пуля. Мальчишка несколько раз выстрелил и закричал брату:

— Ноги переломаю! Я вокруг!

— Прыгай, идиотина! — рявкнул тот, но Рютти уже мчался через кусты, левой поднятой рукой защищая лицо от веток, а правой положив плазмомет на плечо и вслепую стреляя за спину. — Ну, дурак! — и Тойво, плюхнувшись на живот, начал стрелять уже серьезно, стараясь отсечь преследователей от младшего. — Чухна упрямая...

...Рютти неся, как молодой олень, просто перепрыгивая через довольно высокие кусты. Во время одного из таких прыжков сменил магазин — но за ним вроде бы уже не гнались. Плазмомет Тойво продолжал стрелять; за оврагом, совсем близко, перекликались, продираясь через подлесок, еще несколько мальчишек.

Ни на миг Рютти не поверил, что с ним может что-то случиться. Ни на секунду. Даже когда после очередного прыжка левая нога вдруг на чем-то поскользнулась и, не удержавшись, мальчишка полетел кувырков вниз по склону, сминая траву — влетел в куст и, не выдержав, вскрикнул от боли. Не понял, откуда она, сгоряча попытался вскочить, но охнул, — из щиколотки в ступню и вверх до самого мозга брызнули электрические искры. Он сел. Оглянулся — оброненный плазмомет лежал метров за пять от него, зацепившись ремнем за другой куст.

— Эй, я ногу подвернул! — крикнул он, приподнимаясь на локте.

— Сейчас! — заорали из-за оврага. — Дебил, б-блин...

Рютти сел удобнее, потер щиколотку сквозь ботинок. Кусты внизу затрещали, он, вскинувшись, замахал рукой:

— Эй!..

И увидел иррузайцев. Их было много — вдоль всего кустарника — и они спешили, держа оружие наперевес.

Метров за десять от него, не больше.

Рютти промедлил всего миг — и, опираясь на левый локоть, выхватил из кобуры ТКЗ-70. Враги уже бежали к нему — молча и страшно.

— Эй, ты как?! — закричали из-за оврага. Из другого мира закричали. УЖЕ из другого, и Рютти вдруг понял это со страшной отчетливостью.

Он успел выстрелить восемь раз, ни разу не промахнувшись — тяжелые дымящиеся тела, подпрыгивая на неровностях, хрустко катились через кусты, похожие в маскировочных плащах на невиданных подбитых птиц. Потом Рютти получил два удара — прикладом по запястью, почти парализовавший руку, и сапогом в грудь, опрокинувший его на спину. Над ним встал иррузаец — очень рослым он казался снизу, в руках, занесенных над головой, был ятаган — и Рютти, сжавшись в комок, не глядя выхватил финку, вогнал ее в пах. Иррузаец взревел, падая куда-то в сторону — Рютти уже не видел — куда, потому что второй удар

сшиб его вновь — уже ничком, и какая-то тяжесть навалилась на спину. Что-то тонко свистнуло. За этим свистом он услышал, совсем близкое:

— Держись, мы здесь!

Он не ощутил никакой боли, не услышал ни хруста, ни стука — ничего. Просто во рту стало горячо и солоно — и непреодолимо, мучительно захотелось сглотнуть. Мальчишка сглотнул и удивился, поняв, что видит со стороны свое собственное обезглавленное, подергивающееся тело.

Это и было последним, что он испытал в жизни...

...Быстро вытерев ятаган полый плаща, офицер-пограничник подхватил за рыжие волосы отрубленную голову белолицего мальчишки и поднял ее, капающую тягучими струйками крови, на уровень лица. Серые глаза в пушистых ресницах смотрели удивленно и чисто, но быстро стекленели.

Иррузаец — с ненавистью, смачно! — плюнул в бледные глаза и, бросив голову, вскочил в седло подведенного гухха. Всадники наметом помчались прочь...

...Женька выскочил из кустов первым — и сразу повернулся, схватив еще ничего не понимающего Тойво не давая ему смотреть... но Пейви проскочил мимо — и истошно закричал, падая на колени; оружие упало рядом, младший из Ориккайнненов уперся ладонями прямо в окровавленную траву и продолжал кричать и кричать.

Один за другим появлялись ребята на месте происшествия. Они тяжело дышали от бега и непонимающе смотрели на кричащего Пейви, на труп в окровавленной траве.

— Что это? — в дышащей тишине спросил кто-то.

Последними появились Игорь и Пааво. Как раз: в этот момент Пейви поднял голову и сказал, словно делал открытие:

— Они его убили.

Тойво, все это время боровшийся с Женькой, вырвался из его рук, оттолкнул и не подбежал, а подошел к телу. Поднял Пейви, обнял, прижал к себе, пачкаясь кровью с его ладоней. К ним тяжело подошел Пааво, поставил ГАП на землю и обнял обоих братьев.

— Давайте все уйдем, — негромко, но отчетливо сказал Игорь. В его голосе было столько силы, что все подчинились, даже не успев понять, почему.

Сам Игорь уходил последним. И обернулся, прежде чем раздвинуть кусты

Пааво и Тойво с почерневшими лицами все еще стояли, положив руки друг другу на плечи. Пейви опять опустился на колени и держал в руках голову Рютти, глядя ей в глаза.

Уже уйдя за кусты, Игорь услышал, как за его спиной грубоватый мальчишеский голос, срываясь, заговорил по-фински, нараспев, печально и торжественно...

...Странно, но Игорь узнал вабиска, дожидавшегося рядом с мальчишками у оврага — это был один из рыбаков, когда-то помогших им у крепости. Вабиска поспешил навстречу Игорю, сделав почтительный жест, потом спросил тихо:

— Мальчика убили?

— Убили, — равнодушно ответил Игорь. Ему не хотелось говорить с этим туземцем. Не потому, что тот не нравился или еще что, а просто — не хотелось. Но вабиска с робкой настойчивостью удержал его за рукав:

— Подожди, господин... Мы хотим поселиться здесь. Нас задержали. Нас хотели убить за то, что мы бежали. Этот мальчик отвлек убийц... Я, может быть, прошу невозможного... но я хотел бы, чтобы вы оказали нам милость. Позвольте нам похоронить мальчика на этой земле. Мы поселимся здесь и будем ухаживать за его могилой, как за священным местом. И наши дети будут. И внуки... А нашей земле будет счастье. Не гневайтесь и позвольте нам сделать это...

Игорь резко повернулся к вабиска, и тот отшатнулся, думая, что разгневал белолицего... но продолжал смотреть прямо и настойчиво.

— Пусть так, — сказал Игорь. — Пусть будет так, как вы просите.

2.

Последние шесть часов никто не отдыхал и не останавливался — гребли все, три удара справа, три удара слева, и каноэ летели протоками, словно птицы. Больше всего боялись увидеть дымы пожаров — но, похоже, медленно ползущее иррузайское войско осталось позади.

Игорь знал, что ему легче остальных, ладони которых оказались стерты в кровь — не до мозолей, а именно в кровавые лепешки. Три удара справа, три удара слева — вперед!

В Высоком Берегу, похоже, их никто не ждал, хотя поселок был похож на растревоженный муравейник. Возле причалов стоял серый катер под флагом ополчения, и, прежде чем кто-то успел опомниться, по каноэ, наискось пересекавших Дальнюю, врезали с кормы из ротора, а с берега взлетели две «вертушки» — одна какая-то частная, вторая — германская. Испугаться мальчишки не успели — только Борька, продолжая грести, обернулся к Игорю и крикнул:

— Они что, спятили?!

Вместо ответа Игорь рыкнул зло и, сорвав куртку, начал размахивать ею над головой. Вертолеты разошлись в стороны — Игорь даже увидел, как в германской машине пилот что-то кричит по связи.

Каноэ влетали на песок одно за другим. Игорь отпихнул бросившегося наперерез незнакомого офицера-ополченца — так, что тот упал — и бросился на берег, к домам, краем глаза заметив, что остальные бегут следом. Не родных искать, не по домам, а — за ним...

В поселке было полно вооруженных людей, но Игорь чутьем лидера ощутил — они не совсем понимают, что делать.

— Где у вас пункт связи? — на бегу спросил Игорь у Женьки Рубана. Тот кивнул:

— За мной!

Они ворвались в помещение — пристройку к жилому дому. Рослый мужчина в форме гражданских связистов вскочил из-за стола, от работающей аппаратуры:

— Вы живы?!

— Связь с генерал-губернатором! — крикнул Игорь, опираясь ладонями о пульт.

— Да вот же она, он вас постоянно вызывает! — связист указал на экран, с которого — и как Игорь не заметил сразу! — смотрело лицо Довженко-Змая, потерявшее все свое обычное хладнокровие. — Ваша Светлость, он жив, вот...

— Вон, — приказал Игорь, — все вон, я сам.

— Простите, — связист нахмурился, — я не могу покинуть...

— Женья, убери его, — приказал Игорь, садясь в кресло. Рубан секунду помедлил, потом коснулся плеча связиста:

— Пап, выйдем.

— Женька! — вырвалось у того. Рубан-младший вскинул голову:

— Выйдем!

"Его отец?" — подумал Игорь, перестав замечать произошедшее, вместо этого он, кивнул генерал-губернатору, осведомился:

— Что происходит? В лесах иррузайцев больше, чем деревьев!

— Посмотри, — Довженко-Змай наклонил голову, и в нижней части экрана возникли кадры аэросъемки. Бесконечные колонны ползли через леса — пешие и верховые солдаты, лесовики, стада орангов, обозы...

— О!!! — вырвалось у Игоря. — Сколько же их?!

— Минимум две трети только регулярной армии Иррузая, — пояснил генерал-губернатор. — Тебе повезло, что вы успели вернуться... Отряд Генриха Крузе они прихлопнули, как букашку. Это нашествие, Игорь.

— Как на Фелькишер Ланд прошлым летом, — пробормотал Игорь тихо, но Довженко-

Змай услышал:

— В сто раз хуже... У тебя есть потери?

— Двое ребят погибли... — рассеянно отозвался Игорь. — Надо атаковать с терминала истребителями...

— Не могу, — ответил генерал-губернатор.

— А?.. — Игорь даже не понял, о чем идет речь. Посмотрел на цифры внизу экрана. — Но... но они же завтра утром будут у Дальней!

— И все-таки я ничем не могу помочь, — генерал-губернатор не отводил глаз, и это почему-то взбесило Игоря — может быть, сказалось напряжение последних недель. Вскочив, он закричал:

— Да ты что?! Ты что, с ума сошел?! Ты что, хочешь, чтобы взяли мосты через Дальнюю?! Чтобы горло нам всем перерезали?! Тут же четыре тысячи человек, тут женщины, дети, ты что?!

— Не кричи, не кричи... — генерал-губернатор морщился. — Я отстранен от должности на время расследования. Чистая формальность, но еще двое суток всем будет заправлять инспектор Его Величества.

— А?.. — снова вырвалось у Игоря, он осекся и обмяк, упал в кресло, не сводя глаз с экрана. — Сергей... Сер... но что же?! Тут же никакой власти еще толком... тут... Так что — бежать?!

— Там есть ты, — сказал генерал-губернатор.

Несколько очень долгих секунд Игорь не сводил глаз с лица Довженко-Змая. Несколько очень долгих секунд.

Вот как оно бывает — не в книжках, а в жизни. Когда не сам выбираешь, чтобы потягаться с трудностями и опасностями в почти веселом спарринге — а ну, кто сильнее?!

А когда просто нет выбора. Когда вся прошлая жизнь ложится на чашу весов, и отказаться — невыносимо...

— Я не спрашиваю, что будет, если я не справлюсь, — тихо оказал Игорь. — Но Серега, если я... они все погибнут.

— Да, — кивнул генерал-губернатор. И спросил так же тихо: — Теперь ты понял, за что нам даются все наши привилегии? Ты за всех в ответе.

— Это точно, — согласился Игорь и встал снова — уже не вскочил, а встал и подтянулся: — Я готов. Полные права вплоть до преимущественного?

— Так точно. Слушай еще. Ты не имеешь права пустить их за Дальнюю... Ты ведь в Высоком Береге?

— Угу...

— Десятый эскадрон поручика Резникова не отвечает, — сказал генерал-губернатор, — скорее всего, уничтожен, как и отряд Крузе. Двенадцатый эскадрон и полурота егерей будут у тебя через... через пару часов. Всех, кого соберешь на месте — под ружье. Всех, независимо от того, кто они такие... Через восемь часов к тебе подойдут ополченцы фон Брахтера. Через десять — кто-никто из Прибойной губернии, но много не жди — приказа отдать не могу, кто сам успеет организовать — придут. Вечером жди охрану с моей латифундии — тут я распоряжаться имею право... — Игорь кивал. — Держи Дальнюю. Через трое суток к тебе подойдет ополчение остальных губерний и регулярные войска, а я соберу людей здесь и ударю на Аллогун.

— Мне придется прикрывать и Пограничную, — определил Игорь, — аллогунские вабиска ударят в обход болот... Да, задачка!.. Вот, значит, чего добивались иррузайцы в союзе с нашими торгашами! — Игорь глубоко вздохнул и коротко выругался. — Мне даже тошно от того, какие... Ладно. Хорошо. Извините, господин генерал-губернатор. Больше не стоит тратить время. Только вот что. Не пускай сюда Светку. Сергей, пожалуйста.

— Она под арестом, — Довженко-Змай приблизился к экрану. — Игорь, ты...

— Ничего не надо, Сергей, — Игорь улыбнулся. — Делай, что должно — и будь что будет. Все сказано за нас. Нам остаётся только делать.

3.

Снаружи было полно народу. Люди стояли молча, большой толпой, все глядели в сторону вышедшего на ступеньки Игоря ("Рубака", стоявший там, как часовой, подвинулся). Со ступенек Игорь вдруг увидел лица Зигфрида и Степки в окружении еще десятка германцев, и спросил в этой тишине у него:

— Привет! Уже прибыли?

— Да нет, — отмахнулся Зигфрид. — Это мы были за Пограничной, ну и успели раньше остальных.

— Хорошо, — кивнул Игорь. Из толпы крикнули:

— Что происходит?!

— Да ничего особенного, — пожал Игорь плечами. — Просто война... — по толпе пробежал шумок, Игорь заметил, как все подобралось. — Через полчаса все мужчины старше тринадцати лет, желающие сражаться, собираются здесь. Виктор Викторович, — Игорь повел глазами в сторону отца Женьки, — я прошу у вас прощения за своё поведение... Садитесь на связь, соединяйтесь со всеми, с кем можете, вплоть до отдельных охотников. Называйте ваш поселок в качестве места сбора. Добираться с максимальной скоростью... Поручик? — повысил он голос, обращаясь к офицеру-ополченцу. — Формируйте ополчение.

— Есть! — тот козырнул.

— Кто отвечает за местную авиацию? — поинтересовался Игорь. Мужчина, стоявший в обнимку с Артемкой, вздернул подбородок:

— Я!.. — он явно хотел представиться, но Игорь поднял руку:

— Назначаетесь командиром авиаподдержки со всеми вытекающими правами и обязанностями.

— Есть!

— Что с моим мальчиком?! — крикнула какая-то женщина. "Мать Тольки," — услышал Игорь шепот Женьки и сухо ответил:

— Ваш сын погиб, сударыня, я сожалею... Жень, формируй объединенный пионерский отряд, — женщина закричала, но Игорь уже не обращал внимания. — Борька, Жень — Вислоусов, блин! Ко мне, быстро! Вечером, когда подойдет охрана латифундии генерал-губернатора — совет.

* * *

Ждать тяжело. Особенно если знаешь, что враг не ждет, а движется к тебе, и силы его, прямо скажем, чудовищны.

До совета оставалось около четверти часа — десять минут назад прибыли «вертушки» с людьми генерал-губернатора, которыми командовал его дядя бывший есаул регулярных казачьих войск Степан Змай. Игорь сидел за столом во временном штабе — спортзале школы — и ел суп, слушая обнадеживающий шум снаружи. Он был совершенно спокоен — как внешне, так и внутренне — и, если бы кто-то взглянул на юношу со стороны, то большого труда стоило бы даже предположить, что он собирается воевать.

Он больше не связывался со столицей — что может сказать генерал-губернатор? Сейчас Довженко-Змай, конечно, в бешенстве, да и этот инспектор (интересно — кто?), надо думать, ощущает всю нелепость и даже преступность положения. Но... *dura lex — sed lex*³⁴ — на этом держится Империя. И иногда это оборачивается жуткой стороной. Только отступление от этого принципа обходится в конечном счете дороже. Есть вещи, которых

³⁴ Закон суров — но это закон (лат.)

нельзя допускать и в которых нельзя сомневаться. Они — основополагающая современной цивилизации, выстраданная временем и подтвержденная кровью и муками целого человечества.

Цель оправдывает средства. Все больше, чем один. Очень интересно делать невозможное. Стыдно бояться смерти. Нельзя мириться с победившим врагом. Пожалеть розгу — испортить ребенка. И еще десятки больших и малых, писанных и неписанных... в числе которых и такой — законы можно менять, но нельзя не исполнять.

Странно и, если вдуматься, смешно. Он, шестнадцатилетний юноша, только недавно обретший все права совершеннолетнего, сейчас фактически руководит Сумерлой. Веселое время вокруг, все-таки...

...— Игорь! — это орал Борька, его веселое и возбужденное лицо появилось в дверях. — Але? Тут к тебе старый знакомый!

— Гони, — отозвался Игорь. — В смысле — сюда гони.

— Ага, запускаю! — согласился Борька и исчез, а вместо него вторгся Славка Ставров. Лоб молодого дворянина пересекала жирно залитая биоклеем рана, левая рука оказалась на перевязи, но жизнерадостности потомок новгородских ушкуйников не утратил — полез обниматься, потом перехватил у Игоря миску, уселся напротив, и, пожирая суп, смеясь и тыча Игоря миской в грудь, заговорил:

— Это вообще не честно! Только я нашел место — оч-чень симпатичное, чем-то на Селигер похоже — как нагрянула невероятная орда каких-то вахлаков, и мне пришлось сниматься и драпать обратно — очень интересно все получилось!.. Слушай, сможешь разместить где-нигде баб и детвору? Со мной сотни три, я всех вывел... Да, еще вот что, — он отставил миску и положил здоровую руку Игорю на плечо. — Я тебе говорил: позови, и я приду? У меня потери, конечно... а все-таки полсотни охранников и сотня ополчения еще есть. Вот он, я, пришел. Ты, по-моему, тут что-то понимаешь, так командуй.

— Давай жри, — грубовато ответил Игорь, — у нас сейчас как раз совет...

...Кроме Игоря, есаула Змая и Ставрова на совете присутствовали командир Алых Драгун капитан Веребников, поручик Ольшина, который командовал ополченцами (и местными, и подошедшими с востока), херцог фон Брахтер, командир пионеров Женька Рубан и командир авиации Микульский.

— Взрывчатка готова? — начал совещание Игорь. Женька кивнул:

— Почти все десять тонн, школьная лаборатория работает вовсю. Я только не пойму, зачем тебе столько этого старья?

— Проследи, чтобы его погрузили в вертолеты, — вместо ответа приказал Игорь. Именно приказал, и Женька отсалютовал:

— Есть.

— Пора прекращать говорить, — проворчал есаул. Нагайка в его руке, словно живая, не замирала ни на секунду. — Надо перекрывать Дальнюю и Пограничную. Иначе они ударят по здешним поселкам и лагерям. И нам во фланг.

— Войска Аллогуна идут западным берегом болот, — подтвердил Микульский.

— Я предлагаю отправить на Пограничную отряд Ярослава Ярославовича, — сказал Веребников, кивнув Ставрову, — и половину ополченцев.

— Ничего этого не надо, — Игорь встал и гибко потянулся. Остался стоять, глядя на сидящих командиров. — Мы не будем обороняться на реках. Мы пойдем навстречу врагу и уничтожим его, а потом развернемся на восток и ударим во фланг аллогунцам, — молчание и непонимающие взгляды были ответом Игорю, и он обратился к Женьке: — Помнишь долину, где погиб Рютти? — Женька кивнул. — Тогда слушайте все... Карту!..

...Вот с какими силами Игорь Вячеславович Муромцев решил разбить — разбить! — войско, где одних регулярных солдат Иррузая было около сорока тысяч.

Алые Драгуны :

— кавалеристы — 30 чл.;

— егеря — 60 чл.

Ополченцы : 379 чл.

Служащие гражданских корпусов : 42 чл.

Германцы : 102 чл.

Пионеры : 286 чл.

Люди Довженко-Змая :

— драгуны — 60 чл.;

— егеря — 40 чл.

Люди Ставрова :

— драгуны — 29 чл.;

— егеря — 20 чл.;

— ополченцы — 83 чл.;

— пионеры — 26 чл.

Люди из Прибойной губернии :

— ополченцы — 82 чл.;

— пионеры — 19 чл.

Всего : 1258 чл. при 18 боевых машинах, 2 легких самолетах, 12 боевых вертолетах, 3 орудиях и 5 минометах.

ВСЁ!!!

* * *

Интерлюдия: Русская кровь 35

*Кровь текла в моих жилах, текла издалека,
сквозь столетья, по воле славянского рока,
в потаенных ручьях округ сердца журчала,
на горячей волне мою душу качала.
И шептала душе, что по праву рожденья
ей великая доля дана во владенье:
благородного племени древняя слава
и доверье Творца и святая Держава.
Мы с тобою богаты, безмерно богаты:
нам деянья отцов — как незримые латы,
бесконечная даль просит нашей охраны,
сотни трав исцелят воспаленные раны.
Кровь текла в моих жилах, текла издалека,
застывала в предчувствии злого урока,
закипала она, если Русь унижали,
застывала она на восточном кинжале,
проливалась на землю от пули устало...
В чернозем уходила — зарей расцветала!*

*Но приказ ее, что неизбежной победы —
созидать и растить, знать пути и ответы!
Мы с тобою спокойны. По-детски спокойны.
В нас Россия живет и проходит сквозь войны.
И прославится вновь. Это может быть завтра...
...Безупречная кровь — безупречная правда!*

4.

— Боги, сколько же их!!!

В голосе Женьки Вислоусова прозвучал настоящий ужас и, честно говоря, Игорь и сам был близок к этому чувству. Одно дело — стереосъемка. А другое — видеть, как через лес ползут медленно и тяжело бесконечные колонны врагов. И слышать, как взвизгивают сотни дудок и страшно ухают огромные бронзовые, с натянутой туго кожей, барабаны на повозках. Их мощные удары били, казалось, по всем внутренностям, заставляя замирать сердца и противно сжиматься желудок.

Игорь, широко расставив ноги, сидел на башне превращенного в танкетку джипа, поставив один локоть на кожух ротора, а другой — на колено. Он держал у глаз бинокль, и аппарат бесстрастно фиксировал длину вражеских колонн, уходящих за горизонт.

— Да, это сильно, — сказал наконец Игорь, опуская бинокль. Конвой — Алые Драгуны на огромных конях — стоял неподалеку; возле Игоря были только командиры.

— Не то слово, — ответил Микульский. — Нам надо их остановить, иначе это докатится даже не до Второго Меридиана, а до самого побережья Великого... Мне поднимать авиацию?

— Нет, — отрезал Игорь и, встав в рост, положил руки на бинокль. — Ну что же, господа. Я думаю, нет нужды воодушевлять вас. Большинство из вас местные, все этим и сказано... Каждый должен делать то, что я сказал, максимально четко. Где-то сорвется — и нам конец, никакая авиация не спасет, никакая артиллерия... А ваши семьи они перережут, — добавил он жестко. — Так, Херцог фон Брахтер, — германец наклонил голову, положив руку в высокой перчатке на ножны длинного цвайхандера, висящего наискось за плечами. — Со своими займите склон долины. Подняться на него вабиска не должны.

— Сделаем.

— Капитан Веребников, — офицер козырнул, — берите своих пехотинцев, егерей Довженко-Змая и Ставрова, всех пионеров. Перекроете основной выход из долины.

— Слушаюсь.

— Поручик Ольшина.

— Я.

— Примите под команду артиллерию. Найдите место, откуда будет простреливаться вся долина. Огонь только по приказу.

— Слушаюсь.

— Славка, — обратился Игорь к новгородскому авантюристу, и тот улыбнулся — Тебе самое трудное... от тебя зависит — поверят они, или нет... Если нет — все бесполезно.

— Ты говоришь — я делаю, — Ставров перестал улыбаться.

— Бери своих ополченцев, наших — тоже, и ребят из гражданских корпусов. Пойдешь навстречу и примешь бой. Как только они все втянутся — отступай. Не беги — опомнятся, начнут думать и не поверят. Твое дело — втащить их за собой в долину, как за приманкой, завлечь...

— Кого я только не завлекал, — хмыкнул Ярослав, — а вот этих еще не доводилось... Сделаем.

— Посылаю ополченцев, — тихо сказал Игорь, — хотя это и бесчеловечно. Йррузайцы должны поверить, что мы их не ждали толком.

— Да сделаем, — с беззаботной уверенностью повторил Ярослав.

— Теперь вы, — обратился Игорь к есаулу. — Берите всю нашу кавалерию...

— Всю — это аж сто девятнадцать человек, — с мрачным удовольствием уточнил Змай, хлопая нагайкой по голенищу щегольского узкого сапога.

— Точно так... Встанете за болотами вон у тех рощ — они туда не полезут, да и «глаза» их с воздуха вас не увидят. Ждите. Как ЭТО начнется, они бросятся назад — тут и...

— ...тут я с них штаны и сниму, — удовлетворенно подытожил есаул и заметил: — Солнышко встает, пора и по местам, а то нас тут припрут, чего доброго.

— Расходимся, — согласился Игорь. — Ваша авиация, — обратился он к Микульскому, — пусть поддержит Ставрова и ополченцев. И еще, последнее. Посмотрите снова своих людей. Женщин, пацанов младше тринадцати — гнать, если кто пробрался.

— Правильно, — веско сказал есаул. — В поселке еле отбились. Хуже вабиска, ей-богу, а уж чтобы не пролезли — ни за что не поверю.

— Всем — успеха, — пожелал Игорь и послал танкетку вниз со склона. Борька скакал рядом, Женька придерживал рот.

Сегодня впервые Игорь узнал, что это — посылать людей в бой, а самому — оставаться в тылу.

5.

Игорь и есаул не ошиблись — из рядов защитников выловили почти сотню женщин и детей младше тринадцати. Их как раз строили, когда подъехала танкетка, с которой соскочил Муромцев. На Игоря конвоируемые смотрели, как на личного врага.

— Я вынужден отвлечь для вас пять транспортных вертолетов, — не обращая внимания на эти взгляды, объявил Игорь. — И не могу дать вам ни единого человека конвоя, но предупреждаю: в случае, если вы попытаетесь вернуться, то ваш патриотизм будет оценен, как саботаж и вознагражден месяцем ареста для женщин и публичной поркой для детей. А самое главное — не заставляйте меня отвлекать кого-то из наших и так невеликих сил еще и на борьбу с вами. Все, вы свободны. Вертолеты ждут.

Они отъехали на холм, с которого открывался вид на долину. Борька склонился с седла:

— Поеду к «Рубаке». Или я тебе еще нужен?

— А как же, но не сейчас, — отозвался Игорь. — Да! наших никого?

— Не успели, — вздохнул Борька. — Хэй, Раскидай, вперед! — и помчался карьером к выходу из долины, где занимали позиции пионеры.

— Я, пожалуй, посплю, — сказал Игорь Женьке. — Когда у Ставрова начнется заварушка — буди.

— Ага, хорошо... Игорь, — Женька сел на броне, скрестив ноги, — как ты думаешь, у нас получится?

Вместо ответа Игорь улегся на травку и закрыл глаза...

...На этот раз ему ничего не снилось, и проснулся он еще до того, как Женька пошел его будить. Полызмей стоял высоко — было часов десять Женька в танкетке говорил с кем-то по связи и, раньше чем тот обернулся, Игорь сел и спросил:

— Началось?

— Ну, проснулся? — Женька, не поворачиваясь, махнул рукой, и Игорь запрыгнул в танкетку, скорчившись рядом с другом.

— Они клюнули, Игорь! — прокричал Ярослав с шумного экрана. Изображение прыгало. — Они идут за нами, как на привязи! — он оглянулся, махнув кому-то и вновь повернулся к экрану, криво улыбаясь. — Ну, брат — я думал, что видел все. Но каюсь — ошибался. Смотри-ка.

Изображение «поехало». Мелькнула двойная цепь ополченцев — они стреляли, тускло поблескивали примкнутые штыки — стоявших в два яруса... раненые, которых несли к

джипу... а потом...

Могло показаться, что лес ожил. Ревущие толпы пробивались через него, наколько хватало глаз. Появилось на миг небо с заходящими в атаку вертолетами, снова ополченцы — с бронзовыми нашивками Ставрова... Прямо через экран свистнул черный штрих, послышался смех Ярослава и снова возникло его лицо:

— А?! Как?! Мы отступаем, а то их всадники начинают загибать фланги!.. Да, вот, смотри! — на экране появилась голова землянина. Несмотря на раскроенный лоб, сосульки крови и гримасу, искажившую мертвое лицо, Игорь узнал поручика Резникова. Голова одного из лучших офицеров Алых Драгун чуть покачивалась в руке Ставрова. — Поймали двадцать три штуки. Иррузайцы в нас кидают.

— Угу, — откликнулся Игорь. — Только?..

— Не только, — понял недосказанное Игорем Ярослав. — Но немного, к счастью. Похоже, эти ребята — ну, Алые — как раз и погибли, позволяя уйти гражданским... Да, ну мне разговаривать больше некогда — они подваливают... а! — мелькнул бледный огонь, грохнуло. — Вот, один есть. Ухожу, жди связи!

— Идут? — спросил Женька.

— Идут, — Игорь выпрямился и вгляделся, словно иррузайцев можно было уже увидеть. Ну, увидеть не увидеть, а вот треск разрядов можно было слышать. А на дальнем краю долины — километрах в восьми — в бинокль стали различимы джипы с ранеными и убитыми. — Идут, Женька... И, наверное, знают, что тут для них ловушка.

— Знают?! — Женька округлил свои чуть раскосые глаза.

— А как же, — довольно подтвердил Игорь. — Не знают они только, какая ловушка.

— А вот интересно — куда же все эти толпы так ломанулись? — поинтересовался Женька. — Ну, солдаты понятно: приказали. А лесовики, оранги эти?

— Не имею ни малейшего представления, — признался Игорь. — Да они и сами, скорей всего, не очень-то понимают — куда. Но будут ломить, пока мы их не остановим... А наступление это — от отчаянья. Тайную войну они проиграли. Покровителей лишили. Партизанскую борьбу продули. Что ещё?.. Поехали, Жень, к германцам...

...Германцы особо не маскировались — должно быть, херцог понимал не хуже Игоря, что «глаза» яшгайанов с воздуха их все равно не пропустят. Германцы сидели и лежали между камней и поваленных деревьев, из которых успели соорудить палисад, держали наготове оружие, проверяли секторы обстрела. Вжикала отбиваемая сталь, где-то свистела окарина³⁶, побреживали боевые овчарки. Сам херцог кормил с руки сидящего на плече сокола — птица в клобуке вслепую хватала и раздергивала жадно кровавые кусочки.

— Все готово, — не дожидаясь вопроса, повел рукой херцог. Передал сокола одному из мальчишек, — Может, и до рукопашной дойдет дело. А дойдет — так им же хуже.

Зигфрид, сидевший неподалеку, помахал егеркой. Степка, проверявший возле него РПП, весело вскинул руку, приглашая подойти, но Игорь, незаметно улыбнувшись, покачал головой и сказал, понизив голос:

— Мне вас учить глупо. У вас опыт, какой мне и не снился. Не выпускайте их. Боеприпасов взяли достаточно?

— Хватит...

...Танкетка пересекала долину, когда Игорь увидел неясное движение ТАМ, в конце.

— Останови, — он положил руку на плечо Женьки. Киберстрелок, следовавший по пятам, остановился тоже и чутко развернул ротор в сторону движения.

— Наши? — напряженно спросил Женька.

³⁶ Глиняная дудочка, инструмент прибалтийских славян, перешедший от них ассимилировавшим их германцам.

— Да, — Игорь поднял бинокль. — Часа через два будут здесь. А часа через четыре вся эта кодла влезет в мешок... Дай мне Ольшину.

Но раньше пробился Микульский. Он доложил о потере двух вертолетов, о том, что растратил почти все боеприпасы, но наступающие продолжают движение. У Ольшины к стрельбе все было готово. Потом вновь появился Ставров.

— Все, — сказал он и долго пил из фляжки. Изображение вдруг прыгнуло, несколько секунд Игорь видел только траву, а потом мелькнуло лицо ополченца с кровавой дырой между глаз от пули — очевидно, кто-то принял аппарат связи. — У меня тридцать шесть убитых. Тридцать семь теперь. Пятимся волнами. Вас видим.

— Ускоряй отход, — приказал Игорь. — Посылаю тебе двух киберстрелков, слегка прикроют. Покажите, что там.

— Любуйся, — изображение сменилось. Совсем неподалеку около полусотни ополченцев дрались врукопашную: штыками, тесаками, топорами — с наседающими отовсюду дикарями. Еще ближе — трое прикрывали гранатометчика, с удивительным хладнокровием менявшего кассету автоматического гранатомета.

— Нравится?

— Да пока все в порядке, — спокойно ответил Игорь. — Я к своим...

...Пионеры засели за импровизированным укреплением — получше германских завалов, надо сказать. Женька Рубан попытался было доложить по форме, но Игорь отмахнулся и начал осматриваться.

Неподалеку звякала гитара — вечный спутник похода и войны. Задумчивый голос напевал:

*— А у нас за спиной —
И страна, и друзья.
И пройти стороной мимо смерти нельзя.
Мы не смеем сказать:
"Я боюсь — не смогу!"
Вот и стынут глаза
И в цветах, и в снегу...*

— Гитара есть? — Игорь присел на нос танкетки. — Что-то мне не нравится песня, споем другое, а? А то мало оптимизма.

Гитару ему передали — на мохнатом ремне, украшенную вензелями. Игорь изобразил барабанную дробь (кажется, все уверены, что он и в самом деле спокоен — отлично!), ловко перевернул инструмент в нормальное положение и, даже не пытаясь аккомпанировать, затащил:

*— В край счастливый, мирный и свободный
Враг неволю и смерть несет!
Нет страшнее скорби всенародной,
Ничего нет страшней, чем гнет!..*

И через несколько секунд уже все кругом откликались хором:

*— Эге-гей! Э-гей, о-гей — это клич отважных!
Друг мой — будь, как вольный ветер!
Ветру нет преград на свете!..*

А Игорь, уже не подпевая (завел и хватит!), встал в рост, начал наблюдать, как в долину, словно тесто в пакет, вваливается вражеская армия. На расстоянии это напоминало

Игорю муравейник, какие он любил наблюдать в лесопарке лица. Сами муравьи ему совершенно не нравились, но их массовое перемещение, при котором, казалось, шевелится даже земля, завораживало. Да вот оно — шевелилась сама земля. На таком расстоянии неразличимы были даже повозки, но серый, пронизанный искрами поток лился и лился, расплзаясь по долине.

А перед этим потоком ровно отступала более светлая, сливающаяся с местностью и очень тонкая линия. По ней то и дело пробегали огни, вспыхивало пламя, било в накатывающийся вал. Часть войска иррузайцев — точнее, их рабов, самих регулярных частей вообще не было видно — замедлив движение, начала подниматься на склон. Как и думал Игорь. Отсюда было слышно, как открыли огонь германцы, над их позициями заплескалось знамя.

Из-за противоположного склона долины появились два самолета. Идя на бреющем, они рассыпали град бомб, заложили вираж и скрылись.

— Связь, — Игорь протянул руку и сказал, не глядя на экран: — Ярослав, скорее. Хватит воевать, всех не перебеешь... Поехали к германцам, Жень...

...Они подъехали к тылам германского отряда, где несколько подростков помладше поспешно грузили боеприпасы на джипы, а врач делал перевязку раненому. Еще двое лежали на куртках... а неподалеку несколько — под куртками.

— Едем дальше, — Игорь захлестнул один конец кольчужного шарфа на лице, а второй прикрепил к поясу, закрыв грудь и живот, расправил его. Женька быстро проделал то же самое, сел удобнее за ротор, положив руки на спуск.

Атакующие — в основном оранги, даже не лесовики — лезли на склон по трупам. Германцы поливали врагов огнём, а над палисадами уже торчали вороненые алебарды с крюками — древнее оружие, неожиданно вновь нашедшее применение на планетах с агрессивной и мало развитой туземной жизнью. Обороняющиеся стреляли, стоя в три яруса, слышалась ругань, если выхлопы соседа обжигали лицо или руки.

— Ротор в дело, — коротко скомандовал Игорь, соскакивая с танкетки и перебегая к палисаду — уже с ИПП в руках.

Оранги лезли снизу — сплошной стеной, поглощавшей тех, кто падал. Оттуда же, снизу, словно странный дождь наоборот, летели дротики и камни из пращей. Игорь увидел, как один из германцев замахал руками и почти упал вниз, роняя оружие — его втащили обратно и понесли прочь. Игорь втиснулся в ряд над палисадом и мелодично, как на тренировке, разрядил в надвигающуюся толпу магазины ИПП и подствольника, прокричал германцам что-то ободряющее и не вполне понятное ему самому, выбрался из линии и опять влез на танкетку — Женька с правильными промежутками выпускал длинные очереди, блок стволов вращался с мелодичным журчанием.

Кипящее месиво продолжало поглотить долину. С противоположного склона орудия открыли беглый огонь суббоеприпасами — каждый взрыв накрывал серией более мелких здоровенные куски, разметывая десятки тел в клочья. Но волна наступающих катилась и ширилась.

Передние ряды орангов тем временем добрались до палисада. Вцепляясь в бревна всеми конечностями, подсаживая и подтягивая друг друга, они лезли все выше и выше. Германцы заработали алебардами, ловко управляясь с каждой вдвоем, чтобы не рванули из рук. Широкие черные лезвия масляно заблестели от крови, рядом мелькали скрамасаксы. Германцы орали не хуже самих орангов, без особых изысков, вмах рубя тех и то, что оказывалось ближе. Игорь увидел, как одного из обороняющихся снизу поддели копьями, сорвали с палисада, и он поплыл вглубь толпы, продолжая рубить вонзающих в него все новые и новые копы дикарей, потом — исчез, как в грязную воду канул.

Странно — плазма ревунов не остановила, а вот палисад и клинки сделали свое дело. Нет, они еще продолжали, лезть вперед, но германцы смахивали их, как муравьев метелкой.

— Руки отмахали! — крикнул фон Брахтер, не поворачиваясь — в его руках был все

тот же цвайхандер, которым херцог сносил за раз по две-три головы или рубил орангов пополам. — Что там в запасе? Пускайте!

— Рано! — отозвался Игорь. У самых ног херцога вылетело бревно, в пролом просунулась оскаленная харя — херцог с хаканьем прибил оранга к земле мечом, тут же длинные узловатые лапы просунулись поверх убитого, цапнули германца за ноги, и он, с проклятьем полетев наземь, выхватил скрамасакс — но наверняка был бы убит. Однако, рядом оказался Игорь — прыжком — хладнокровно приставил ко лбу оранга ствол «тулы-баранникова» и лишил того черепа. Фон Брахтер тут же вскочил на ноги. — Рано, рано! Я на основную линию! Держитесь! Женька, ко мне!

Женьку не сразу удалось вытащить из боя — пришлось двинуть его по затылку. Спуститься в долину тем же путем, которым поднимались, уже не представлялось возможным — там бурлили толпы, и германцы защищали тропку. Женька с диким воплем направил танкетку по практически отвесному склону — киберстрелок едва поспевал следом — Игорь заорал от неожиданности, которую лишь потом облек в слова:

— Да ты что, танкетку с вертушкой перепутал?!

— Держись — слева! — рявкнул Женька, и киберстрелок выпустил очередь, укладывая выскакивающих из кустарника орангов. Следом скакали регулярные кавалеристы Иррузая. Снаряд ручной мортиры вдребезги разнес киберстрелка другой разорвался на броне танкетки. Ее швырнуло на борт, Женька вскрикнул и сделал движение, словно убивая на плече комара — из-под пальцев и разорванного снаряжения брызнула кровь. Передний вабиска, налетев, взмахнул пикой — она скользнула по затянутой кольчужным шарфом груди вовремя извернувшегося мальчишки, Игорь выстрелом из ИПП сшиб с седла всадника, застрелил еще двоих, а Женька тронул танкетку с места.

— Ты ранен?! — крикнул Игорь. Женька отозвался через плечо:

— Ерунда, осколок царапнул! Они уже близко, а?! А это кто?!

Вокруг танкетки появились люди в форме ополченцев, так что вопрос был лишним. Игорь, встав в рост, крикнул:

— Ставров где?!

— Тут, — отозвался, появляясь из ниоткуда, означенный господин. — Втравил ты меня в историю! Они же у нас на плечах сидят! Бьем, бьем, а они все не кончаются!

— Да я вижу, — согласился Игорь. — Давай быстрее на позиции, а то и правда навалются! Жень, жми, давай!

Они только чуть опередили пеших ополченцев, которые сгружали с платформ раненых и убитых. Пионеры помогали; Игорь увидел одного из тех, с ним ходил партизанить — Генку Лбищева. Генка вдруг бросил ноги раненого, которого снимал с джипа и метнулся к другой машине с криком:

— Пап! — обхватил голову мертвого ополченца, рассеченную ятяганом, снова крикнул: — Пап, ты что? Вставай, пожалуйста, вставай! — его начали оттаскивать, но Генка извернулся, снова бросился к платформе, на полпути застыл, закусив губу и глядя вокруг сухими безумными глазами. Потом — рванулся за своим ГАПом и, раньше чем его успели схватить, исчез в кустарнике...

А рефлексировать было некогда — барабаны лупили бешено, и толпы наваливались с воем и гиком... Подбежавшие ополченца занимали места в линии обороны — нескольких человек иррузайцы догнали и убили на глазах у всех. Помочь просто не успели.

Борька принес Игорю пульт. Скрестив ноги, Игорь уселся в танкетке и включил связь.

— Скорее, Игорь, — Борька неотрывно смотрел вперед, — до них метров двести, не больше.

— Внимание всем! — звонким высоким голосом сказал Игорь. — "ВИХРЬ!"

Люди вокруг начали бросаться наземь — казалось, что белолицые обезумели и покорно ложатся под оружие слуг Птицы. Может быть, иррузайцы так и подумали. Но на это им был отпущен лишь миг.

А второго мига у них не было — Игорь нажал кнопку...

...Двухсоттысячная армия Иррузая полностью вместились в "долину Рютти", где ночью под землей были упрятаны до пятидесяти тонн взрывчатки и почти двести тысяч литров кустарной зажигательной смеси в бочках. Взрыватели были настроены на единый радиосигнал.

Люди, участвовавшие в больших войнах, рассказывали Игорю о подобном, но сам он не очень представлял себе последствия сделанного. Он успел увидеть огненный шар, в который превратилась долина, услышал ужасающий рев воздуха, массой устремившегося в образовавшуюся мгновенную топку. В следующий миг ему стало нечем дышать. Призрачным пламенем вспыхивали молниеносно высохшие кустарники и деревья в полусотне метров от него, а несколько человек метались, стараясь сбить с одежды пламя. Алые вихри жадными языками слизнули со склонов лезущих вверх вабиска и орангов. Игорь различил, как загораются палисады германцев, а их флаг взлетает вверх, в небо, начинает кружиться там, словно странная птица.

Это было последнее, что Игорь увидел — жар туго толкнул его, опрокидывая на спину в танкетку. Впрочем, он тут же вскочил, и в клубах опадающего пламени, среди валов дымящейся, вывороченной земля, вихрей дыма увидел как мечутся и рвутся к выходу из долины те, кто остался в живых. Их было еще очень и очень, на удивление, много — Игорь, нашарив связь, крикнул:

— Есаул?! Ну — теперь время! Снимай с них штаны!!!

6.

Кавалеристы по приказу Змая уложили коней прямо в болото. Сам есаул сделал то же, но ближе к опушке — он один видел, как мимо шли и шли вражеские войска, не которые — так близко, что до них можно было дотронуться острием шашки. Да, зрелище было то еще — поневоле вдоль спины драл мороз, когда представлял себе есаул, с какой силищей придется иметь дело. Бой в долине уже начался, а они все шли, шли, шли — не было им конца. Змай поглаживал шею коня и смотрел... Он почти не поверил себе, когда последние ряды вошли в долину. Но и тогда не отдал приказа подниматься — береженого судьба сохраняет, а над небереженным ветерок ковылем играет...

Время тоже шло медленно-медленно. Сзади не раздавалось ни звука, но подали свой голос орудия — старые семидесятишестимиллиметровки-электромагнитки.

— Ч, ч, х! — причмокнул есаул, ловко запрыгивая на спину встающего коня. Проверил, как выходит из ножен шашка и, встав на седло, выпрямился. Скорее всего — сейчас... — Хоп, хопп! — есаул уселся в седле и, оглянувшись, увидел, как кавалеристы поднимают коней — грязные, как черти и он сам. И такие же злые — хорошо!

Момент взрыва Змай прозевал — просто увидел, как свечками вспыхнули деревья на краю гряды, а потом услышал вой — это в горловину прохода потянуло воздух. Одновременно «потянуло» и есаула — все в нем запело, как пело перед боем с детства, когда он, в ту пору еще четырнадцатилетний, впервые ходил «лавой» в атаку и узнал, каково это: мчаться вихрем, гикая и вращая серебристый клинок так, что ветерок бьет в лицо. Сколько раз это было — и на маневрах, и на представлениях, и в настоящих боях на нескольких планетах — но поющее волнение осталось, хотя годы прошли — и он молодел всякий раз, ощущая упоение конной атаки...

— Стоя-ать... стоя-ать... — пропел он, подвыдернув слегка изогнутое зеркальное лезвие из ножен — по нему потекли тяжелые ртутные блики. Кавалеристы плотней сбивались, сжимая конские бока шенкелями. — Стоять, ребята...

...Он понял, что надо атаковать, еще до того, как на экране комбраса появилось лицо Игоря — понял, потому что тяжело содрогнулась земля под ногами толп уцелевших, метнувшихся к выходу из пекла, в которое превратилась долина.

— Клинки — вон! — скомандовал Змай. — К ноге! Рысью — ыррш-ыррррршш! — и первым пустил коня, не выполнив свою же команду — вздернув клинок над головой и подкручивая кисть, бросил поводья, выкинул вооруженную руку прямо в Полызмай, ощущая, как туда, в кончик златоустовского лезвия, откованного в чёрт-те какие времена, устремляется копившаяся в теле свирепая сила. — Галопом! Руби крошку! — гикнул дико и пронзительно, заломив папаху рукой с нагайкой, завизжал и заулюлюкал, пуская коня в бешеный карьер, а шашку снова — в круговой замах. Взвыли позади кавалеристы, вой быстро перерос в страшное, выталкиваемое изнутри "ы-ырра-а... а... а!..."

Отряд вылетел на прямую дорогу — ту, какой шли в наступление иррузайцы. Отсюда было видно, что долина горит. Из пламени вырывались навстречу вабиска — почти только иррузайские и почти только верховые. Они даже не сразу поняли, что перед ними русские — наверное, им почудилось, что это продолжение кошмара, внезапно настигшего их в миг триумфа.

— Рубай! — прорычал Змай, первым врезаясь в метнувшуюся в стороны обезумевшую толпу и одним ударом рассекая голову подвернувшегося всадника вместе с бронзовым шлемом, украшенным перьями. Заработали шашки, рослые кони сшибали гуххов, били копытами и кусались. Змай пробивался впереди, взрывкая при каждом точном ударе: — Отвали!.. Охолонь!.. Остынь!.. Па-ш-шел!.. А вот тебе!.. Н-на!.. — нагайка в его левой руке свистела и коротко щелкала по шлемам.

И вабиска не выдержали. Острые клинки и чудовищно страшные белоллицы показались вдруг ужаснее пожара позади. Бегущие потеряли остатки разума — начали поворачивать обратно, надеясь спастись там.

Есаул увидел мечущийся крылатый стяг. Возле него офицер колотил кулаком в высокой перчатке воинов и выкрикивал хрипло — Змай понял:

— Назад! Их мало! Их мало!!!

— А-а, вот и оно-то! — Змай походя сшиб нескольких подвернувшихся врагов даже не пуская в ход шашку. — Ну-к!.. — офицер развернулся навстречу, отводя пику, но острое пронзило воздух — казак с юной легкостью скользнул за конский бок и, выдохнув: — Ыть! — одним ударом нагайки в лоб, под козырек шлема, убил офицера наповал. — Ыть! — и знаменосец, искривив рот, рухнул наземь из седла — лезвие шашки, разрубив окованное бронзой древко, раскроило ему шею. Змай ловко подхватил левой рукой не успевший упасть обрубок древка с крыльями на нем и, вскинув трофей над головой, встал в стремени с криком: — Сумерла наша!..

...Никаких мыслей не было в голове Игоря, когда он в сопровождении офицеров и двух киберстрелков шагал через дымящееся поле. Тут и там бродили обезумевшие, обгорелые животные и вабиска. Металлические части снаряжения на многих убитых исходили дымком, чеканные украшения богатых шлемов растеклись. В ноздри били запахи паленой шерсти, горелого мяса, сожженной ткани и перекаленного металла. Каркасы повозок торчали обугленными грудными клетками. Игорь увидел один из здоровенных барабанов — кожа на нем лопнула раной. Больше он не подаст сигнал к "священному походу"...

— Барабан отправьте ко мне домой, на Землю, — чужим для самого себя высокомерным голосом приказал Игорь и остановился, упершись кулаком в выставленное колено.

— Да, слушаюсь, — поспешно откликнулся кто-то из офицеров, — конечно, Игорь Вячеславович...

Группы русских и германцев рыскали по полю, сбивая в кучки раненых и сдающихся в плен. Линия кавалеристов неспешно двигалась с другого конца долины — даже на таком расстоянии был виден черно-желто-белый флаг Империи.

Игорь раскинул руки и пошел впрысядку — сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, кружась и подсакивая, садясь в воздухе на шпагат под смех и ритмичные хлопки офицеров. Но внезапно остановился, осмотрелся вновь и сказал:

— Они уничтожены. Не будем тешиться их отчаяньем... Дайте мне связь.

Пока искали аппарат, Игорь озибался, словно только теперь проснувшись. Кто-то из пионеров, позади него взобравшись на баррикаду, распевал — над выгоревшим полем летел чистый, восторженный мальчишеский голос:

— ... Царь — наша сила,
Царь — русский Вождь,
Царь — это русское Знамя!..

— Генерал-губернатор, — Алый Драгун подал Игорю аппарат, и тот подсоединил его к своему комбрасу.

— Игорь? — лицо Довженко-Змая было встревоженным. — Что у вас происходит? У меня снимки — что за пожарище?!

— Только что окончился бой, — доложил Игорь. И его вдруг придавила к земле — так, что ноги подкосились — страшная усталость. — Все.

— Что все?! — генерал-губернатор подался вперед. — Вы их остановили?! Игорь, вы смогли их остановить?!

— Мы их не остановили, — Игорь потер лоб сгибом большого пальца. — Мы их уничтожили, Ваше Сиятельство. Я не знаю пока, какие у меня потери... но не очень большие. Не очень.

* * *

Интерлюдия:

*Над дозорной тропой
У далеких границ
Нам не слушать с тобой
Пролетающих птиц.
Нам на мир не смотреть,
Не любить, не дышать —
Нас заставила смерть
Под землю лежать!
Потому что границ,
Дорогой человек,
Разве только для птиц
Не бывает вовек...
А у нас за спиной —
И страна, и друзья.
И пройти стороной
Мимо смерти нельзя.
Мы не смеем сказать:
"Я боюсь — не смогу!"
Вот и стынут глаза
И в цветах, и в снегу...
Пусть здесь птицы парят
И поют, и поют...
Это песня ребят,
Что погибли в бою!
Им на мир не смотреть,*

*Не любить, не дышать —
Их заставила смерть
Под землю лежать!
Потому что границ,
Дорогой человек,
Разве только для птиц
Не бывает вовек...*

7.

Остатки армии Иррузая спасались бегством сразу по нескольким дорогам. Число спасшихся все равно было еще слишком велико, чтобы земляне могли уничтожить или задержать всех. Впрочем, эти остатки, как бы многочисленны они ни были, не представляли опасности ни для кого, кроме самих себя.

Уигши-Уого с охраной с трудом выбрался из сплошного потока обезумевших беглецов. Гухх, давно хрипевший под главой Совета, покачнулся и тяжело упал — Уигши-Уого успел ловко соскочить, потрогал носком латного сапога вздымающийся глянцевого бок. Наклонился к оскаленной морде, тронул толстой кожаной перчаткой закаченный глаз — тот не вздрогнул.

— Гухха, гухха! — кричал хрипло кто-то из офицеров. Уигши-Уого дернул головой, сказал:

— Не надо, — и, тяжелыми шагами отойдя подальше от дороги, встал, скрестив руки на груди и не сводя глаз с потока беглецов, катившегося мимо.

Они бежали вместе — иррузайцы и лесовики, оранги, гуххи — не останавливаясь, без оружия, Их были еще тысячи и тысячи, но они лишь с ужасом бросали взгляды назад, и в каждом движении читалось одно: страх.

— Их же мало, — прошептал Уигши-Уого. — Их же было мало...

— Что? — осторожно спросил адъютант. Ответом был бессмысленный и страшный взгляд главы Крылатого Совета. Адъютант отшатнулся.

Уигши-Уого вскинул голову. До его острого слуха донесся шум — оттуда, где все еще горела земля долины, ставшей могилой для Великой Армии Священного Похода. Офицера охраны тоже зашевелились, а толпы на дороге хаотично ускорили бегство.

Перекрикивая друг друга, за спинами бегущих задорно и резко гудели русские рожки: "И-ирр!.. И-ирр!.. И-ирр!.. И-ирру-урр!.." А потом Уигши-Уого увидел на форе черного от дыма неба, на гребне холма — всадника, похожего на выблеск света. Стоя в стремях, он широко размахивал огромным черно-желто-белым знаменем.

Уигши-Уого закрыл лицо руками и, покачнувшись, тяжело упал наземь.

— Приведите же гухха! — прорычал адъютант, бросаясь к главе Совета и приподнимая его. — Возьмите у тех! — он ткнул высокой перчаткой с металлическими накладками в сторону группы верховых, неподалеку пробивавшихся через дышащую страхом толпу.

Двое офицеров бросились выполнять приказ. Адъютант видел, как один из них схватил под уздцы переднего гухха, что-то крикнул, указывая на Уигши-Уого и его охрану. Всадник, ощерившись, толкнул гухха каблуками, грудью двинулся на офицера охраны — тот едва отскочил, схватился за ятаган, но ехавший следом всадник, выхватив пистолет, разрядил его в лоб офицеру — верховые выбились из толпы, помчались прочь.

Адъютант остолбенел. На его глазах творилось немыслимое. Глава Крылатого Совета лежал на траве возле забитой бегущими дороги, а иррузайский кавалерист, вместо того, чтобы отдать своего гухха, убил офицера и умчался прочь, спасая свою жизнь! И никто, никто даже не смотрел в сторону конвоя Уигши-Уого!

Мир рушился не глазах адъютанта. Он жалобно посмотрел на своего господина и увидел, что глаза того открыты. Не отрываясь, Уигши-Уого смотрел на происходящее — и

был спокоен. Поймав взгляд адъютанта, глава Совета тихо сказал:

— Птица отвернулась от нас, мальчик... Помоги мне встать.

Но встал он почти сам. Твердыми шагами подошел к толпе на дороге, сделав конвою знак — в седла! Выбрав двух всадников, Уигши-Уого без разговоров убил одного — страшной силы ударом ятагана снизу вверх — и легко взмыл в седло, оглушив ударом кулака второго всадника, с безумным лицом вскинувшего ружье. Подхватил поводья заводного гухха, поднял своего на дыбы, крикнув конвою:

— За мной!

* * *

— Игорь! — Борька, подняв Раскидая на дыбы, сбросил, с седла трясущегося, перепуганного вабиска. — Он говорит, что тут был сам Уигши-Уого!

— Коня! — резко и громко прокричал Игорь, не обращая внимания на вабиска, который корчился в пыли, даже не пытаясь встать. Кто-то подвел ему рыжего горячего жеребца. Еще кто-то крикнул, чтобы Игорь подождал, потому что об этом просил генерал-губернатор, но юноша взвился в седло и, шпоря жеребца каблуками, помчался к выходу из долины...

...Большинство последовавших за Игорем быстро отстали — их кони были утомлены. Когда он оглянулся — следом мчались пятеро Алых Драгун — и то один из них, вахмистр, крикнул:

— Остановитесь! Мы даже не знаем, куда он направился, Игорь Вячеславович!

Игорь осадил коня и, выругавшись, повернул его, уже не спеша. Драгуны поехали сзади и чуть по бокам...

...А над тропками и дорогами вертолеты продолжали сеять панику среди бегущих врагов. Переброшенное в западную часть болот ополчение восточных губерний под командой Дзюбы и полковника Бурлакова разбило и повернуло вспять войска Аллогуна, шедшие на помощь Иррузаю.

В эту ночь Игорь спал каменным сном в палатке, поставленной недалеко от того места, где совсем недавно местные вабиска похоронили Рютти Ориккайннена.

8.

Игорь проснулся и лежал с закрытыми глазами, слушая, как за тонной синтетической стенкой кто-то добивается у кого-то смазки, а подальше молодые здоровые глотки орут: "Та чого ж ты плачашь — грай музыку, грай!", как цокают копыта лошадей и кто-то смеется.

Юноша открыл глаза. И встретился взглядом с еще двумя: насмешливым Тимки и спокойно-жутковатым Файта.

— Доброе утро, герой, — улыбнулся Тимка, а Файт с достоинством наклонил могучую башку. Но голос черносотенца — в отличие от его глаз — насмешливым не был. Тимка оказался одет в полевую форму Алого Драгуна и держал на колене пехотный шлем.

— Доброе утро, — Игорь сел и почувствовал, что очень голоден. — Тут есть, что...

— Я-ан! — крикнул Тимка, вытягивая длинные ноги в прыгунах и наколенниках. Вошедший Ян тоже улыбнулся и отдал не пионерский салют, а честь — в другой руке он держал поднос, который поставил на раскладной столик и еще раз козырнул:

— Ешьте, сударь.

— Завтрак победителя, — без какой-либо уже насмешки заметил Тимка, глядя, как Игорь, хлопнув Яна по плечу, подсел к столику, сбросил со словами: "И где взяли?.." салфетку — после чего занялся завтраком вплотную, а Ян вышел бесшумно.

— Садись, поешь, — предложил он Тимке, но тот покачал головой: — Как ты тут оказался-то?

— Мимоходом, — ответил Тимка. — Долго бежал, потом то, потом се... ну, короче — оказался... Поздравляю. Это не просто победа — едва ли у Иррузя осталось сейчас организованное войско.

— Не надо всех этих слов, — Игорь поочередно наколот на вилку кусок жареной ветчины, последний, дольку маринованного перца и картофелину, прожевал и принялся за кофе, — я просто сделал то, что должен. Только вот Уигши-Уого опять ушел.

— Я отправлюсь его искать прямо сейчас, — Тимка встал, встал и Файт, потянувшись на лапах. — Некоторые убеждены, что он убит в суматохе...

— Он жив, — Игорь отложил вилку, и Тимка кивнул:

— Я тоже так думаю... Ваша Светлость!

Игорь не успел спросить, с какой стати Тимка его так титурует — в палатку вошел генерал-губернатор Сумерлы Сергей Константинович Довженко-Змай. Он тоже был в форме и нес шлем в руке. Игорь вскочил, вытягиваясь по стойке «смирно», но генерал-губернатор, замерев в шаге, положил руки в перчатках на плечи юноши. А Игорь отметил вдруг, что смотрит рослому Довженко-Змаю прямо в глаза... ну, почти что в глаза.

— Не надо ничего докладывать, — прервал генерал-губернатор уже открывшего рот Игоря. — То, что ты сделал, все равно словами не оценить.

— Как у тебя-то дела? — Игорь вздохнул и, подождав, пока генерал-губернатор сядет на кровать (Тимка и Файт исчезли бесшумно и незаметно), опустил на стул. — Все в порядке?

— Сейчас — вполне, — ответил Довженко-Змай. — Но севере тоже победа. Но там обошлось легче... намного. И знаешь, что? — он улыбнулся. — Готовься к торжественной встрече. Люди уже знают, что ты сделал. Для них сделал.

— Я? — Игорь вздохнул. — Да нет, не я, Сергей. Эти самые люди — они все и сделали. А я, — он пожал плечами, — я только командовал. Чего бы мы стоили без тех, кто "не дворяне"? А, Серый?

— Немногого, — признался генерал-губернатор и встал: — Давай. Собирайся. Пошли...

...На всю жизнь.

На всю жизнь Игорь запомнил коридор из двух колонн солдат и ополченцев, в который он вышел, и который трижды грянул: "Ура!!!", сопровождая каждый клич синхронным взмахом головных уборов. Игорь не различал знакомых лиц, хотя знал — они тут, его друзья. Просто мальчишку словно несло над ликующими людьми, и он ощущал лишь общий восторг, частичкой которого был сам...

— Я, — крикнул Игорь, захваченный этим ликованием, — сделал это для вас и для России! Вы победили! Это ваша победа!!!

* * *

Схватки не прекращались. Отряды землян медленно зачищали леса, одновременно продвигая границу — тем более, что на новые площади с Земли уже собирались переселиться не меньше десяти тысяч человек. Генерал-губернатор отбыл в тот же день, оставив «фронт» на Драганова, бросившего свои изыскания ради войны. И это здорово испортило Игорю настроение...

...Несколько раз он порывался уехать к Светке, которая просила об этом по связи — казалось бы, его тут ничего не держало. Но мысль о том, что Уигши-Уого жив, заставляла юношу снова и снова уходить в лес со своим конным отрядом, набранным из охотников. Он

выслеживал вабиска — только иррузайских, не обращая внимания на остальных, если они не нападали первыми — и уничтожал без пощады, беря пленных лишь на срок, нужный для того, чтобы задать им вопрос: "Где Уигши-Уого?" — и выслушать ответ. На ночлеге Игорь падал рядом со своим конем, намотав на кулак повод, ел, потом засыпал. Люди вокруг него менялись; некоторые (немногие, но все же) погибали, кого-то ранили, кто-то просто не выдерживал бешеной гонки и уходил отдохнуть.

Он оставался. И потерял счет верховым стычкам на лесных тропах, перестрелкам в завалах и губам, шептавшим в ответ на вопрос: "Где Уигши-Уого?" — только: "Не знаю..."

9.

"Тиу!"

Иррузаец вылетел из седла и покатился в ручей. Игорь выстрелил еще дважды. Стоявшие верхами чуть дальше ополченцы тоже стреляли — размеренно и особо не целясь, потому что вабиска уже скрылись в кустарнике.

— Следом! — выкрикнул Игорь, шпоря коня и пуская его галопом. Гуххи со всадниками мелькали ниже по склону, они скакали по течению ручья. Игорь больше не стрелял — выхватив тесак и приподнявшись на стременах, он нагонял врага впереди сильно отставших своих людей.

Азарт, охвативший юношу, заглушил чувство опасности. Он даже не сразу понял, откуда взялся грохот за спиной — и только обернувшись в седле, увидел там, где скакали передовые, облака черного порохового дыма. Взгляд вперед — иррузайцы мчались уже навстречу!

Коротко вскрикнув, Игорь ударил коня шпорами. Удар, удар — налево, направо — двое вылетают из седел. Коня — на дыбы... в грудь ему входит пика. Игорь соскочил наземь, сдернул и приколол еще одного...

Что-то жестко и узко захлестнуло горло. Дышать стало нечем, в глазах потемнело — и из этой темноты со свистом покатались огненные колеса.

Потом все погасло.

* * *

Пытка неизвестностью — самая страшная пытка. Теперь Игорь верил, что в прошлом люди от нее сходили с ума. Сам он, конечно, был далек от этого, но ожидание было ужаснее жажды, голода и повязки на глазах, от которой временами хотелось выть...

Игорь хорошо понимал, что его убьют. И понимал еще, что смерть ему придумают максимально мучительную, но был готов встретить любую гибель со спокойной отвагой землянина, русского, дворянина. Что бы ни изобрел темный ум фанатика — волю человека ему не сломить. Сил придавала и мысль, что все действия иррузайцев — просто трепыхания обезглавленного трупа. Конвульсии, вот и все. Их время теперь отсчитывается месяцами. Тимка убьет Уигши-Уого. Жаль, что не убил раньше из-за этих сволочей-торгашей. Через пару десятков лет вабиска будут жить совсем по-другому...

Вот только он, Игорь, этого не увидит. Вот что мучило. Не мысли о смерти или страданиях — а то, что он умрет, столько не увидев!

Нет, правда же: несправедливо и страшно умереть в шестнадцать лет, когда впереди еще минимум век такой интересной, такой... такой сочной жизни! Бессилие доводило до исступления. Смерть в бою была бы в тысячу раз легче, чем один час беспомощного ожидания — распятым, прикованным к этому вонючему топчану.

Унизительно было и то, что несколько раз пришлось мочиться в штаны. От остального удавалось удерживаться, а тут в конце концов терпеть становилось невозможно. Хорошо еще, что обезвоженный организм не часто досаждал. Да и не в этом дело. А в том, что, убив,

они закопают его вот так — воняющего мочой. Бр-р-р...

Нет, он не питал особой надежды на хороший, как в стерео, исход, на то, что "придут наши". Но и страха не было — твердое осознание того, что его смерть уже ничего не изменит. Сколько бы тупой, косной, фанатичной силы не выставляла против людей Вселенная — они все преодолеют. Они победят. Временами он представлял себе планеты, которые знал, происходящее на них. Что знают обо всем этом его убийцы? Ни-че-го.

Вот только — Светлана...

Девушки делают нас слабыми — как они.

Впрочем, Светка не слабая. Игорь вспомнил девчонку Димки Андреева, Тоню. Она так и не полетела на Землю. Она своей работой мстит за погибшего парня.

Может быть, и Свет будет так же...

Нет, Игорь не сдался. Он готовился бороться, едва для этого представится возможность. Но готов он был и к смерти — поэтому не дрогнул, когда наконец в помещение, где он находился (небольшое, судя по отзвукам) вошли четверо. Офицеры, пограничники. Игорь чувствовал, что они очень спешат, нервничают, хотя действовали они молча и слаженно. Звякнул в замке ключ от кандалов, потом освободили ноги — но руки Игоря были уже связаны за спиной, да так, что веревка взрезала кожу. Такая же петля легла на щиколотки. Игорь скрипнул зубами: до чего умело вяжут, сволочи!

Его вытащили наружу. Голова закружилась от почти забытой свежести. Ночь? Нет, утро. Только утром бывает столько пьянящих, сводящих с ума запахов.

А еще пахло гуххами. Это Игорь понял раньше, чем его бросили животом на острую холку. Вокруг шумели, слышались неразборчивые команды, бряцало оружие. А потом...

Потом он услышал хлопки. Стреляли из плазмометов. Совсем близко. И тогда Игорь крикнул в окружавшую его шумную темноту:

— Что, забегали?! Наши подходят! — его жестоко ударили по почкам (выучили, что у людей где!) древком пики, но Игорь засмеялся и крикнул снова: — Никуда не убежите, головы вам поотрывают, дурачье!

Его ударили снова, и он опять засмеялся. Нет, не потому, что вдруг поверил в спасение. Просто невероятно сладко было ощущать бессмысленную муравьиную суету вокруг и знать, как эти боятся того, что скрывается за близкими звуками.

Гухх поскакал, при каждом прыжке поддавая Игорю под дых. Стрельба стала удаляться, несколько раз то по голове, то по ногам больно хлестали ветви. Узкая лесная тропинка. Игорь улыбался, потом попытался насвистывать. Получилось плохо, но над головой злобно, испуганно выругались, последовал удар кулаком в затылок. Похоже, перчатка была офицерская, металлизированная.

Гухха резко осаждали. Игорь, слетев наземь, тяжело ударился плечом обо что-то твердое, с трудом сохранив от удара голову.

* * *

Интерлюдия: Моим друзьям ³⁷

*В длительных поисках истины, веры
и боли,
Кто-то верхом, кто-то просто
с дорожной клюкой,
Мы уходили из дома по собственной*

воле:
Мы презирали уют и матрасный покой.
Под облаками мы рвали кольцо
параюта,
В юность входя под его белоснежным
венцом,
Веруя в жизнь. Но порой выпадало
кому-то
Вниз, в перехлестнутых стропах,
— в ромашки лицом...
Гнали коней мы, отчаянно-нетерпеливы,
Нас проносящих сквозь годы, сомненья
и быт.
Если же кто-то не мог удержаться
за гриву —
Как мы спешили спасти его
из-под копыт.
Что мы узнали? Как пахнут сгоревшие
травы,
Как останавливать кровь и стрелять
на бегу,
Как нелегко быть всегда
убедительно-правым,
Старых друзей оставляя на том берегу...
Но расправлялись нам вслед ковыля
понемногу.
Память о доме, таясь, согревалась
в груди.
Что мы успели? Найти горизонт
и дорогу,
С вечною песней о той, что нас
ждет впереди.

* * *

От земли пахло сухой травой — летом. Игорь лежал на боку, прижавшись щекой к земле, и слушал, как неподалеку похрустывает, входя в дерн, лопата.

Ему копали могилу.

Крух.

Крух.

Крух.

Кто-то толкнул его в спину. Сказал:

— Вот он какой.

В голосе была ненависть, злоба была. Игорь напрягся, стараясь понять, кто стоят над ним. Ничего не ощутил, но спросил уверенно:

— Уигши-Уого?

Вабиска, пихнувший его, отошел. Поспешно.

— Заканчивайте копать! — послышался приказ. Игорь вновь прижался к земле щекой, стараясь запомнить, унести с собой запах лета.

— Готово, отец мой, — отозвался еще кто-то, и брошенная в сторону лопата вошла в дерн.

Сильные руки вздернули Игоря вверх и поставили на колени. Чьи-то пальцы, захватив волосы юноши, отогнули назад голову, и на шее узкой полоской появился холодок.

Впервые за последний год Игорю изменило самообладание. Он вздрогнул и, невольно отстраняясь от лезвия, дернул головой, зарывав в бессильной ярости:

— Проклятье! Сволочи, животные — неужели вы зарежете меня, даже не развязав глаза?!

Почему-то в этот миг — последний миг жизни! — именно то, что он умрет во мраке, показалось ему самым страшным.

Ответа не было — только клинок на мгновение оторвался от шеи, чтобы — Игорь ощутил это! — полоснуть по горлу, перерезая его.

"М А М А," — отчетливо подумал Игорь.

Потом его отпустили, и он повалился — осел — на траву, а рядом рухнул еще кто-то. Послышались выстрелы, потом очередь. Кто-то дико визжал, кто-то за кем-то гнался, хрюскали удары, слышались выкрики, разноязычная ругань. Его второй раз поднимали сильные — но дружеские! — руки, с глаз содрали повязку. От резанувшего света Игорь невольно вскрикнул и зажмурился — мир показался ему хлынувшими со всех сторон потоками расплавленного металла. Еще кто-то обнял — именно обнял! — юношу, и, ничего не видя сквозь струящиеся из глаз — впервые за много лет! — слезы, Игорь все-таки сказал:

— Свет!..

— Я, я, — горячо прошептали совсем рядом теплые губы. — Подожди, сейчас, я сейчас... тебе очень больно, Игорек? — она всхлипнула.

Игорь хотел сказать, что не очень, но почувствовал, как падает в обморок и лишь колоссальным усилием воли удержал себя "на грани". И смог наконец открыть глаза.

На большой поляне тут и там грязными кучками тряпок валялись трупы иррузайцев. Несколько с поднятыми руками стояли на коленях под охраной Катьки, Степки, Клотти и Зигфрида. Лизка бинтовала Женке окровавленное плечо. Тимка скручивал руки высокому иррузайцу в черном плаще и доспехах тяжелого кавалериста. Борька поддерживал Игоря.

А Светка плакала и смеялась.

И еще Файт сидел в сторонке, вывесив язык и тяжело дыша всем телом

Кругом были — они. Свои. Больше чем свои — друзья. И у друзей было оружие.

Значит — все правильно.

— Погоди, Свет, — сказал Игорь, — от меня воняет...

— Ты живой, — ответила девушка. — Ты живой, все остальное чепуха, ты живой — это главное...

— Живой, — подтвердил Игорь. — Да разрежь ты веревки, Борь... спасибо. Подождите.

Он, слегка покачиваясь, подошел к Файту и, с трудом присев рядом, обнял параволка за могучую шею.

— Смотрите, вот его настоящая любовь, — со смешком заявил Женька, косившийся на свое плечо. Игорь, не оборачиваясь, показал кулак и прошептал в мохнатое ухо:

— Ты меня нашел? По запаху?

— Это было нетрудно, — странным образом в безинтонационном голосе послышалась ирония.

— Да ладно! — Игорь запустил пальцы в теплую шерсть. Файт прижмурился, но заметил:

— Собачьи нежности.

— Волчьи, — Игорь потрепал параволку уши и поднялся на ноги — уже почти что обычным пружинистым движением. Тимка смотрел на него через поляну.

— Наконец-то я его достал, — сказал черносотенец. — Ты как там, Игорь?

— Бывало и лучше, — Игорь подошел к связанному главе Крылатого Совета. — Так вот ты какой, Уигши-Уого.

Глава Совета молчал, глядя на Игоря непроницаемыми глазами. Его губы шевелились

— наверное, он даже не сразу понял, что Игорь говорит на его родном языке. А тот продолжал:

— А все-таки ты дурак. Неужели ты правда думал, что убьешь меня — и все кончится?

— Если бы ты знал, — каркнул иррузаец, — как я вас всех ненавижу! Но тебя — особенно... Одного мига не хватило... одного мига...

— А, вот оно что, — Игорь спокойно вылез из штанов, скинул куртку и майку, потом стащил трусы и потянулся навстречу лучам Полызмея. — Ффф, хоро-шо-о... теперь бы вымыться еще... — он повернулся к Уигши-Уого снова и упер руки в бока. — Тогда слушай меня. Если все дело в моей смерти — ты можешь попробовать.

— Не надо, Игорь, — попросила Светлана. Игорь улыбнулся ей:

— Нет надо, Свет. Чтобы жить нормально — долги нужно выплачивать, всем и всегда... Ну? — повернулся он к иррузайцу. — Или ты не так смел, как был твой холуй Исабан?

Имя одного из своих лучших офицеров, убитого Довженко-Змаем шесть лет назад в поединке на площади горящей Иппы, заставило Уигши-Уого напряжиться:

— Ты предлагаешь мне поединок?

— Да.

Они стояли друг против друга — похожий на застывшее черное пламя глава Совета и улыбающийся солнечный мальчик.

— Тим, освободи ему руки, — попросил Игорь. — Дайте мне трусы, какие не жалко, а ему — его оружие.

Ответом были смешки, но откуда-то появились шорты, Игорь влез в них. Тимка коротким рывком сдернул веревку с запястий Уигши-Уого. Лицо черносотенца было бесстрастным, как морда Файта. Иррузайский глава, сбросив с плеч плащ, шагнул и поднял свой ятаган. Несколько раз вспорол им воздух.

— Возьми РПП и грохни этого мерзавца, — агрессивно предложила Катька. — Он же гадина!

— Нет, — улыбнулся Игорь, — пусть все будет честно.

— Он тебя хотел зарезать, — напомнил Зигфрид.

— Я — не он, — покачал головой Игорь. Германец, подумав, протянул ему свой скрамасакс:

— На, возьми...

— Не надо, — покачал, головой Игорь и повернулся к следящему за каждым его движением иррузайцу. Его биополя не стоило и касаться — оно обжигало раскаленной броней. Да, он хотел, очень хотел убить Игоря лично. Недаром вернулся на Дальнюю из Сааска.

На свою беду. Точнее — к своей смерти.

— Ты, наверное, считаешь себя очень важным и опасным, — сказал Игорь, жестом отстраняя протянутую ему Борькой шашку. — Но ты — просто мелкий досадный инцидент на одной из планет. Ты даже не можешь понять, о чем я говорю... экзаменационное задание, — Тимка весело засмеялся и поднял большой палец. — Катюха права — тебя следовало просто пристрелить. Но из-за тебя убили как-то двух мальчиков. Вообще-то не только их — но сейчас мне вспоминаются они. Поэтому стрелять в тебя я не буду. Это слишком легко.

— Скажи мне, — вдруг спокойно спросил Уигши-Уого, — вы люди? Или слуги Змея? Или кто? Скажи, прежде чем я тебя убью, а твои люди убьют меня.

— По порядку, — Игорь покачал головой. — Мы люди. Если ты меня убьешь — тебя отпустят. И последнее. Это, — он обвел руной друзей, — не "мои люди". Это — просто люди. Это мои друзья. Я их человек в той же степени, что и они — мои. Но если бы ты мог это понять — ты бы не стоял тут. Все! Хватит разговоров. — Возьми оружие, — сказал Уигши-Уого.

И тогда Игорь засмеялся. А иррузаец, помедлив миг, прыгнул вперед с быстротой молнии, размахиваясь для неотразимого удара...

...Игорь чуть-чуть посторонился — это все, что заметили окружающие (кроме Тимки, который оскалился и пригнулся). Уигши-Уого проскочил мимо него дальше, но... но уже без головы. И рухнул в траву возле дерева.

Игорь бросил окровавленный ятаган на тело, скребущее землю окованными медью каблуками высоких сапог и оказал:

— Вот и все. Дайте мне попить. Не могу больше.

К нему протянулись полдюжины рук с фляжками.

10.

Джип с прицепом, загруженным ящиками, покрытыми тентом, быстро мчался по дороге, уводящей куда-то в сторону синееющих на горизонте Зубастых Гор. Водитель, негромко насвистывая, подтягивал льющей из динамиков балладе — молодой, веселый, только что с Земли.

Игорь сидел рядом, опершись локтем на опущенное окно и глядя наружу. На коленях он держал рюкзак с наглухо затянутой горловиной, другую руку привычно устроил на кобуре РАПа.

— Хорошая песня, — нарушил молчание водитель. — Не знаешь, кто поет?

— Полина Дашкова, — ответил Игорь. — Хорошая.

— Полина Дашкова, надо запомнить, — кивнул водитель. — Сам-то местный?

— Угу, — ответил Игорь серьезно.

— Служишь?

— Да. Приговоры в исполнение привожу, от колониальной администрации.

— Серьезная работа... А я вот, — он хлопнул ладонью по пульту, — не привожу, а просто — вожу.

— Тоже нужная вещь, — серьезно ответил Игорь.

— Нужная, особенно тут, — подтвердил водитель. — Вот еще — дорога хорошая.

— Недавно тут дороги не было никакой, — заметил Игорь, — ни хорошей, ни плохой.

— Строим полегоньку, — водитель пожал плечами. — Это еще не последняя. Тебе сюда?

— Там, за поворотом... Зелено тут.

— Красиво, — с удовольствием подтвердил водитель. — Хорошая планета. И не опасно.

— Да, не очень, — кивнул Игорь, глядя, как совсем близко бегут, кланяясь окну, пышные, в зелени ветви. Мелькнула станция струнника — достроенная, но еще закрытая. — Недавно прилетел?

— Точно... Здесь?

— Да, спасибо. Удачи тебе.

— И тебе.

Игорь проводил взглядом джип и платформы. Ему было грустно. И не от того, что предстояло сделать.

Вот уже появились люди, которые не знают, что тут, недалеко от реки Дальней, еще меньше года назад даже не бои шли — просто была неизвестная территория. И его, Игоря, люди составляли карты этих мест — для новых колонистов, для этого веселого водителя — и гибли, бывало.

Да, гибли.

И совсем уж недавно еще — гибли. Уже когда были карты, и поселки были, и дороги начинали строиться. Все еще гибли.

И были бои. Там, где сейчас едет этот джип. Где "не опасно".

И грусть исчезла. Игорь улыбнулся. Что ж — это и есть награда.

Он прошел мимо станции. Тропинка, попавшая под ноги — он был уверен что идет

верно — оказалась выложена полированными плитами местного серого гранита. А в ее конце, между двух могучих кедров, в такую же гранитную рамку был вделан обгорелый, черный, оплавленный кусок стенки фургона.

Игорь подошел. Теперь он видел — нарочито кривоватые, словно выцарапанные ножом на гари, на него смотрели строчки...

*17 СЕЧЕНЯ 203 ГОДА Г.Э.
на этом месте от рук иррузайских бандитов
погибла семья Хлоповых
11 человек.*

Ниже шли фамилии и даты. Игорь скользнул по строчке глазами...

...Ярослав Сергеевич Хлопов, 8 лет...

...Владислав Сергеевич Хлопов, 8 лет...

— Значит, все правильно, — сказал Игорь и огляделся. Он узнавал и не узнавал место.
— Да, все правильно.

Он сбросил, с плеча рюкзак, раздернул горловину, запустил внутрь руки;

— Вот что, ребята. Спасти вас я не смог, но я принес вам это. По-моему, и это — правильно.

На землю возле основания памятника со стуком упала голова с залитым кровью ртом. Глаза закатились под запавшие веки, «хохол» на макушке отвердел щеткой. Игорь подтолкнул голову ближе и пояснил:

— Это Уигши-Уого. Мы победили.

Чутье не подвело его и на этот раз, Игорь обернулся — на тропинке ее начала, стояли одетые в пионерскую форму, мальчишка и девчонка лет по четырнадцать. Возле дороги виднелись новенькие электро. На поясах пионеров висели в пластмассовых кобурах небольшие РПП, Игорь не мог понять, какой модели.

— Здравствуйте, — почти хором поздоровались они. Игорь молча наклонил голову и поинтересовался:

— Откуда вы?

— Из поселка Хлопово, — мальчик указал рукой. Игорь поднял брови:

— Есть такой?

— Мы его недавно основали, сударь, — почтительно и гордо ответила девчонка. — Мы ухаживаем за этой могилой. Мы — в смысле, мы, пионеры, сударь.

— А как называется ваш отряд? — поинтересовался Игорь.

— Мы вас узнали, сударь, — неожиданно сказал мальчишка. — Наш отряд называется — имени братьев Хлоповых, сударь.

* * *

*"Государство служит только себе.
Закон пред ним упадает ниц."
(Связки в гортани, словно в трубе.
Голос рождается между ключиц.)
Один от раны, как бык, ревет.
Другой молчком покидает свет.
Один умирает, промучась год. —
Другой — внезапно. А этот — нет.
"Regis suprema voluntas lex..."»
("Взгляните, пуля попала в рот".)
Того бортами сомнет, как кекс,
Того обломком доски проткнет.
Один взывает: "На помощь, друг!" —
В окопе заживо погребен.
Того кончина — короткий звук,
Того — протяжный и долгий стон.
"Нет в этом мире Добра и Зла.
Есть Государство. В нем воля воля."
("Бессилен скальпель — худы дела.
Вколите морфий — уменьшите боль.")
Тот умирает святей святых,
С надеждою, с верою в мир иной.
Его кончина — что легкий чих,
А тут — страданий комок сплошной.
"Смету любого! Мне — не перечь!
Ты предал? К стенке! Ты трус? Туда ж!"
("Пишите — вы потеряли речь, —
Вот вам бумага и карандаш.")
Иной отходит под свой же вой:
Ему себя бесконечно жаль.
А тут — угасший, полуживой,
И все ж — характер! Натура — сталь.
"Враги явились ко мне с войной,
И стал я драться — за право жить."
("Ещё раз — дозу. Объем — двойной;
Здесь нужно болью боль заглушить."
Сейчас умрет. Не помочь ему.
Эффект лекарств подошел к концу.
В его глазах — вопрос. Но к кому?
К Спасителю нашему и Творцу?..).*

* * *

"Лотос" Светланы с откинутым верхом остановился на площадке возле придорожного кафе-автомата, где несколько удобных столиков с тремя стульями возле каждого живописно стояли прямо среди деревьев под незаметными плавно изогнутыми прозрачными навесами.

Не открывая двери, через откинутый верх, Светлана ловко выпрыгнула на покрытие. Игоря она увидела сразу — скрестив ноги и задумчиво склонив темноволосую голову на плечо, он рассматривал что-то, чем играл в пальцах. Возле кресла стоял пустой рюкзачок. Внешне Игорь как две капли воды походил на студента-туриста или отпускника из колониальной администрации.

"Какой он красивый, — подумала Светка, опершись ладонью на дверцу «лотоса». — Очень красивый. Я не видела ребят красивее. И еще он очень хороший. Самый лучший — лучше нет, да и не надо..." — и она испытала острый, мгновенный прилив радости при мысли, что этот ловкий, темноволосый юноша, сильный и красивый, теперь всегда будет с ней. Всегда-всегда можно будет подойти и поговорить о нем, коснуться его волос, заглянуть в светлые глаза...

Она подошла неслышно и быстро, но Игорь все равно обернулся — с задумчивой и спокойной улыбкой. В длинных крепких пальцах — один украшен ее перстнем; ну да, Борька говорил, что все его вещи нашли у иррузайцев — Игорь поворачивал рыжий стебель папоротника.

— Привет, — сказал он, заправляя веточку за лямку рюкзака.

— Привет, — Светлана присела. — Поедем? Завтра вечером в Озерном бал в твою честь, нам надо быть—забыл?

— Да помню, — поморщился Игорь, цепляя рюкзак рукой. — Лучше бы с ребятами посидеть. Ведь улетать скоро, Светка...

— Не хочется? — понимающе спросила она.

— Не хочется, — честно ответил Игорь, вставая. — Поехали, Свет.

* * *

Полызмей садился за лес на городсокой окраине Прибоя. Игорь стоял в галерее молодежного центра и смотрел, как по улице тянутся длинные резкие тени, окруженные алым ореолом.

"...и производится в кавалеры Ордена Святого Георгия Русского за заслуги перед Верой, Императором и Отечеством..."

Игорь улыбнулся и коснулся стекла широко расставленными пальцами.

И производится в кавалеры Ордена Святого Георгия Русского... в кавалеры Ордена...

Он достал из ножен, когда-то подаренных ему в этом самом центре, финку Пааво. Они поменялись ножами, когда Игорь уезжал из Высокого Берега. Игорю не было жалко своей полевки... Он подкинул финку в руке и вогнал ее обратно... Сколько же людей он тут встретил?

Полызмей садился.

— Игорь, — это подошел Борька. От него пахло хорошим вином, глаза поблескивали, а голос звучал веселой укоризной. — Игорь, — он оперся на плечо друга, — ты опять от нас сбежал! Планируешь захват Сааска? Я в доле.

— Ты экзамены сдай, — ответил Игорь, — неделя осталась.

— Сдам, — отмахнулся Борька. — Ну, как чувствуешь себя в роли национального героя?

— Ошарашенно, — честно признался Игорь.

— Понятно, — кивнул Борька. И спросил: — Значит, скоро улетаешь?

— Дней через десять, — Игорь вновь уставился на Полызмей. — Кончается мой год здесь.

— Работу-то дописал?

— Дописал....

— А знаешь, — вдруг оказал Борька, — я тебе завидую. Ты улетишь отсюда и побываешь еще на многих планетах. Не как гость, не как турист, а... а вот так, везде — как

свой, как дома. А мы — мы останемся на Сумерле.

— Борька-Борька... — Игорь странно посмотрел на друга. — Да ведь это же счастье, ты понимаешь — счастье, если тебе есть, где остаться. Не "как дома", а просто — «дома»! Понимаешь, — и он, развернувшись к Борьке, взял его за плечи и слегка встряхнул, — ведь главное-то, что я... да нет, не то, что я получил тут награды, не то... — он сбился, покрутил головой и начал снова: — Понимаешь, главное — что я тут сделал. Мир вашему дому, Борис Утесов. Мир вашему дому.

— Мир вашему дому, — повторил Борька. — Черт побери...

Он замолчал.

Полызмей опустил за деревья, и их верхушки превратились в черный гребень на фоне алого зарева.

11.

В комнатах номера стояла тишина. Светлана неслышно возилась в спальне, вжикала по временам «молниями». Она понимала состояние Игоря, который шатался по комнатам молча, поглядывая в окна да то и дело легонько касаясь ладонью стен, мебели, аппаратуры.

В районе школы все светилось и играло огнями. Там, наверное, собралась вся станица — выпускной бал не шутка! Вот струя пламени, ударившись в небо, свилась в славянскую вязь: "Ура выпуску 203-го!!!" Потом один из восклицательных знаков превратился в вопрос, и до ушей Игоря донесся взрыв хохота.

Он перевел взгляд на зубчатую стену леса. Когда он приехал сюда — этот лес был границей колонии. А сейчас там поселения до самых Зубастых Гор. Которые он назвал Зубастыми...

Может, быть, во всех местах, в которых мы бываем, мы оставляем частичку себя? И когда таких мест становится много — человек тратит себя всего... и умирает.

Но, выходит, смерть нам только кажется. Как человек может умереть, если частички его рассеяны по всей Галактике и продолжают жить в том, что он еделал? Значит, важно не сколько прожито, а сколько сделано...

Но все-таки больно отрывать кусочки от себя. Если прирос — очень больно.

А ребята и девчонки, с которыми он тут познакомился и подружился, забудут его. Ну... не забудут. Просто перестанут думать о нем, как о чем-то необходимом.

— Грустно? — Светлана обняла Игоря за плечи и склонила голову к его виску. — Тебя тут любят... Может, мы зря туда не пошли?

— Не зря, — Игорь коснулся ее волос. — Не хочу, чтобы просили остаться. Не люблю, когда просят о том, что я сделать не в силах.

— Позировать, например.

Игорь усмехнулся. Вчера в новостях из Прибоя показывали открытие памятника ему самому — памятник намеревались установить в намечающейся столице одной из новых губерний. Он сперва разозлился — его согласия никто не спросил. А потом махнул рукой, подумав, что, как ни крути, а он теперь — часть истории.

— Ой, вызов! — Светлана молнией метнулась к аппарату: — Да. Хорошо, спасибо... Игорь, «джет» подали.

— Да, — Игорь оттолкнулся от окна и закрыл его. — Все, пошли. Аппаратуру выключи, Свет.

— Погоди, еще вызов...

— Выключи, — досадливо сказал Игорь, — и пошли скорее.

— Но...

— Свет, — Игорь щелкнул клавишей, — неужели не дошло? Это меня ищут... Свет, скорее давай... — он не договорил, а хотел сказать: "А то останусь!"

— Пошли, — Светлана подхватила свою сумку, Игорь вскинул на плечо рюкзак похлопал по поясу и карманам. — Ничего не забыл?

— Нет, ничего, — Игорь взял со стола пластинки ключей, еще раз быстро обошел комнаты. — Ничего, — повторил он...

...Внизу было пусто, дверь открыта. Под портретом Димки лежали свежие цветы, на стойке — записка: "Я в школе." Игорь положил ключи рядом с запиской, помедлил и прищелкнул сверху червонец — последний от тех, что выдал год назад Дзюба.

Как бы отвечая на этот звук, щелкнул вызов на браслете-комбрасе — Игорь быстро его заблокировал и, выйдя наружу, сбежал по ступенькам...

...Вот тут он фехтовал с Драгановым...

— Полетим не в Прибой, а сразу в Озерный... — сказал он. — Горючего хватит, а в два ночи на Надежду летит английский «Джампер», транзит с какой-то их Луны. Сороковой, что ли...

— Как будто бежим, — задумчиво сказала Светлана. — По-моему, как-то нехорошо...

— А что делать? — Игорь ускорил шаг, но тут же, виновато улыбнувшись, словно бы попросил Светлану: — Давай все-таки медленней пойдем. Напоследок...

Светлана понимающе кивнула и, переложив сумку в другую руку, оперлась о локоть Игоря. Они свернули в сторону от фонарей, на тропинку за молчаливыми темными домами. По ногам упруго хлестали стебли травы, ниже, у ручья, журчали печально тритоны.

— А причальную мачту мы так и не сняли, — сказал Игорь, посмотрев в сторону увенчанной огоньками решетчатой конструкции. Задумался и добавил: — И Ревякину я так ничего о себе не сообщил. Ни разу, а он ждал, наверное... И вообще — я даже имени его не узнал, все по фамилии...

Над аэродромной площадкой света не было. Только у въезда горел плафон, да еще подальше мигал какой-то красный огонек — светодиод, кажется.

— Что это? — немного напряженно опросила Светлана.

— Это... черт! — выругался Игорь.

— Да нет, это всего лишь мы. Наконец-то, — проворчал Борька, спрыгивая с крыла «джета». — А мы ждем, ждем...

Степка задурил подальше окурки сигареты. Игорь давненько не видел его курящим. Клотти, Катька, Женька, Лизка и Зигфрид тоже были здесь — возле машины.

Игорь и Светлана остановились в шаге от них, испытывая сильнейшую не ловкость, словно их поймали на чем-то недостойном. Игорь опустил глаза, потом снова поднял их...

— Ты что ж творишь, дворянская твоя морда? — грубо спросил Борька, но Женька перебил его:

— Зря ты так, — сказал он мягко и тоже взглянул себе под ноги. — Мы все-таки твои друзья. Мог бы и сказать, что улетаешь.

— У вас праздник, — ответил Игорь и отдал Светлане рюкзак. — Свет, ты иди садись, мы сейчас.

Она — умница! — молча кивнула и, подхватив рюкзак, влезла в реактивку, начала размещать там груз. Игорь пошире расставил ноги и прямо взглянул на своих друзей.

Уже отделенных от него "джетом".

— Он решил не портить нам настроение, — без интонаций заметил Степка. — Просто улететь, и все. Незамысловато. Только так не делают.

— Игорь, это не беспокойство о нас, это бесчувственность какая-то! — гневно заявила Катюха. — Я такого от тебя не ожидала!

— Не нападайте, — тихо попросил Игорь, — мне и так... — он не договорил, только махнул рукой.

— Ты все равно должен был придти, — сказал Борька. — С тобой все хотели попрощаться. И, между прочим, мог бы в Высокий Берег сообщить, тамошним ребятам.

— И Тимке, — тихо напомнила Лизка. И жалобно добавила: — Ты как будто воришка убегаешь, а ведь ты всем... — она осеклась.

— Я бы сообщил, а потом что? — Игорь оперся, на короткое крыло. — Митинг? Да поймите же вы, ребята, девчонки — мне и так тяжело! — он сорвался. — Я же не каменный! А тут каждый глядел бы мне в глаза! И я бы знал, что он просит остаться! — Ну вот что, — Игорь глубоко вздохнул. — Давайте прощаться.

— Ты больше не прилетишь? — спросила Клотти.

— Наверное, нет, — честно ответил Игорь. — И вы меня едва ли найдете, если и соберетесь на Землю. Ну?

Почти минуту все молчали, глядя друг на друга. Точнее — семь человек — на Игоря.

— А мы изменились, — сказал Борька неожиданно. — Смотрите, как мы все изменились. Мы выросли... внешне, и вообще. Я только сейчас заметил.

— Мне было хорошо на Сумерле, — Игорь обвел всех взглядом. — С вами. Со всеми вами. Я за этот год узнал и понял больше, чем за все предыдущие пятнадцать — честно! А Сумерлу показали мне вы. Ну... — он шагнул и протянул руку: — Зигфрид?

Они обменялись несколькими словами по-немецки. Зигфрид улыбнулся... Женька и Степка пожали Игорю руки и поцеловались с ним. Девчонкам Игорь уже сам поцеловал руки и раскланялся с ними.

Борька стоял чуть в стороне.

— Ну что, проводник? — тихо сказал Игорь. — Если честно, я рад, что не смог улететь втихую.

— Да, Игорь. Вячеславович, — то ли серьезно, то ли в шутку ответил Борька, и они обнялись. — Ты хоть по визиту навещай, когда нас подключат, — глаза Борьки блеснули, он отошел, взял за руку Катьку.

Игорь кивнул и пошел к машине. Он твердо сказал себе, что не будет больше оглядываться, хотя ощущал взгляды в спину, и эти взгляды были... трудно объяснить, но выносить их было тяжело, хотелось скорей захлопнуть колпак.

— Свет, шлем, — он протянул руку, левой берясь за край кабины. И услышал позади отчаянное:

— Игорь, не уезжай.

...Он оглянулся — порывисто, раньше, чем понял, что нельзя этого делать. И увидел семь лиц. Его друзья стояли в ряд. И смотрели на него с этим отчаяньем и... и с надеждой. А Борька повторил сказанное:

— Не уезжай. Мы все тебя просим. ВСЕ. Ты нам нужен, Игорь.

Игорь закрыл глаза. И увидел вдруг Зубастые Горы. Он летел над ними и дальше — в ту страну, где не был еще ни один землянин, в страну, где сотеннотысячные стада мнут высокие травы, а ветер в бескрайних лесах качает верхушки мощных деревьев, раскачивает под грозную песню, и... и кто знает, что вдет еще там любого, кто осмелится перешагнуть каменный оскал, так и не сдавшийся ему в прошлый раз?

Он открыл глаза. Светлана смотрела на него из кабины и улыбалась.

Она даже не сняла шлемов с креплений.

— Отнеси сумку, рюкзак я возьму потом, — сказал Игорь тихо. — Или ты?..

— Я буду ждать в номере, — весело шепнула она, — надеюсь, ключи еще на месте.

Игорь обернулся снова. И внезапно увидел, что лица, глядящие на него, не изменились. Они еще не знали! Они были во власти смешной, мизерной надежды, на которую не надеялись... и еще не знали, что все теперь будет, как надо. И от того, что они ничего не знали, а он, Игорь, мог им это сказать, юношу охватила глубокая и бурная, как горная речка, радость.

— Я остаюсь, — сказал Игорь, соскакивая наземь.

Он вообще-то был готов к этому.

Но его все-таки свалили с ног.

Эпилог

Профессор взглянул поверх листов распечатки на устроившегося напротив молодого кандидата и, аккуратно сложив работу, устроил ее на столе перед собой. Придавил ладонью. Еще раз — уже пристальней — взглянул на юношу. Одетый в безупречную светло-серую тройку, он, тем не менее, не производил впечатления петербуржца. Прочный загар пропитал его кожу, как много слоев наложенной на дерево краски. Профессор сам избавился от такого не слишком давно и теперь, слегка надавив на листы, поинтересовался, подавив завистливый вздох:

— Сколько вам лет?

— Недавно исполнилось семнадцать, Вячеслав Константинович.

— Не женаты, конечно?

— Почему? Женат. Живу на Сумерле.

— Эта работа, — профессор поднялся и заложил руки за спину, — она производит странное впечатление. Словно ее писали в два этапа. Это так?

— Да, — подтвердил юноша. — Был перерыв почти в год, Вячеслав Константинович. Я закончил ее совсем недавно.

— М, вот как? Если не секрет, чем был вызван перерыв?

— Нет, какие секреты... Я водил экспедицию по открытому листу от генерал-губернатора. Потом писал отчет.

Профессор подошел к окну. Серые волны Невы лизали гранитные ступени лестницы, уходившей в воду между двух древних сфинксов. Оперся о подоконник. Стала видна ломано вознесшаяся в небо молния Памятника Космонавтике.

— Работа отличная. Думаю, что комиссия охотно примет решение о присвоении вам степени... Послушайте, вы учитесь?

— Да. Заочно в одном из институтов столицы колонии.

— Так-так... Ну что же, — устроить перевод будет несложно. Что вы скажете о возможности занять место в наших аудиториях с правом чтения лекций? И, может быть, с возможностью получить кафедру впоследствии?

Юноша поднял левую бровь и взглянул прямо в глаза профессора.

— Честное слово, очень, лестное предложение... — медленно сказал он, — я бы с удовольствием поразмыслил над ним, Вячеслав Константинович, но...

— Какое "но"? — с интересом спросил профессор...

...— У меня есть работа, жена, двое сыновей-близнецов, друзья и целая планета, — Игорь поднялся на ноги и улыбнулся. — Разве этого мало?

* * *

Интерлюдия: Дом

*Моя душа была щитом,³⁹
была мечом стране,
моя душа была крестом;
над сгинувшим в войне..
Но час пришел, и прерван путь
сквозь злые времена,*

³⁹ Стихи М.Струковой.

*и человеческая суть
во мне пробуждена.
И вот меж вражеским постом
и сном бесплодных нив,
задумал я построить дом
разрухе супротив.
Как предки после Соловков,
иль немца поборов,
или сквозь крушение веков
вершить свой русский кров.
...Дом — это словно долг вернуть,
Долг роду своему.
...Пусть снова будет длиться путь —
но верно ждут в дому.
А что случится с ним потом —
пускай решит судьба.
...Задумал я построить дом,
и в этом есть борьба.*

Конец

Приложения

Вооруженные силы и общественные отношения

Читатель, конечно, обратил внимание, что общество Земли, описанное в книге, крайне военизированное. Это отражение позиции автора — я был волен лепить, мир по своим критериям. А я считаю, что нормально для каждого в отдельности человека может действовать лишь военизированно-кастовое общество — оно обеспечит высочайший уровень бытовой безопасности, соблюдение немногих, но разумных законов, воспитание подрастающего поколения в уважении к морали и любви, к Отечеству. При этом умерли привычные нам «демократия» и «права человека» — вещи, являющиеся причиной кризиса современной цивилизации и потакающие животным инстинктам толпы. Тот, кто читал книгу «между строк», мог заметить, что в этом обществе существуют телесные наказания для детей, нет системы разделения властей и адвокатуры, отсутствует конституция и высшие выборные органы (вроде Думы) — они назначаются обладающим абсолютной властью Императором, а граждане Империи могут выбирать лишь власть непосредственную: атаманов станиц, городских голов и т. д.; вдобавок к этому, правящий класс обладает парapsихологическими способностями, недоступными для «простых смертных». Проще говоря, с точки зрения испорченного современностью среднего человека — это ужасное тоталитарное общество-пирамида, где права личности сплошь и рядом попираются в угоду интересам государства. Отсюда и культ силы и армии, характерный для подобных обществ.

Я не собираюсь оправдываться, потому что все это именно так и есть. Другое дело — так ли это плохо? В описанном мною обществе практически отсутствует преступность, а принцип «все продается и покупается» вытеснен из сознания человека, так как система воспитания позволяет искоренять эгоистичные побуждения индивидуумов. Перегородка между кастами может быть легко преодолена — хватило бы мужества, упорства и таланта, а вместе с ними — силы доказать, что для тебя личное меньше общего. Культ силы, героизма и войны напрямую связан с тем, что Земля находится в окружении в значительной степени

недружелюбных цивилизаций, а так же с тем, что в обществе господствует осознание факта: именно военный является высшим выражением служения Отечеству и самоотречения ради общего дела.

При этом, как ни странно, всеобщей воинской обязанности: в этом обществе будущего не существует. Регулярные вооруженные силы — космолот, наземные войска, флот и военно-воздушные силы — комплектуются добровольцами, что не представляет трудностей, так как престиж армии доходит до обожания. Войска носят старые наименования, изменившие суть в контексте времени:

— **кирасиры:** бронечасты, оснащенные тяжелыми танками прорыва и предназначенные для сокрушения обороны противника;

— **драгуны:**

а) мобильные часты, оснащенные машинами огневой поддержки и предназначенные для непосредственного взаимодействия с пехотой;

б) классическая кавалерия, входящая в состав охраны латифундий дворян-землевладельцев;

— гусары: мобильные часты разведки;

— уланы: мобильные часты, предназначенные для глубоких рейдов;

— **пластуны:** императорский спецназ;

— **штурмовики:** десантно-штурмовые часты;

— **тяжелая (панцирная) пехота**, предназначенная для активных боевых действий против высокотехнических войск любого противника;

— **гренадеры:** бойцы частей огневой поддержки — артиллерии, ракетных частей и т. д.;

— **егеря:**

а) легкая пехота;

в) пехотные отряды из состава охраны латифундия дворян-землевладельцев.

Но при этом с военной службой так или иначе связаны практически все мужчины чуть ли не с 13 лет, так как в Империи действуют следующие организации:

а) **Гражданские Корпуса** — организованные по военным образцам формирования: строители, пожарные, инженеры, лесничество и многие другие, со своей формой, званиями и т. д.;

б) **Добровольное Общество Содействия Армии и Флоту (ДОСАФ)**, состоящее из:

— Народного Ополчения — созданных по территориальному принципу отрядов мужчин в возрасте от 16 лет, не занятых на государственной службе. Наиболее подготовленные часты русского НО — казачество и германские егеря, но и остальные им немногим уступают;

— юнармии — отрядов пионеров старших возрастов (13–15 лет).

Женщины к военной службе привлекаются только в Гражданских Корпусах на тыловых должностях. Это вполне обусловленная дискриминация, так как участие в бою необратимо калечит психику женщины — матери, природой созданной давать, а не отнимать жизнь. Недаром так болезненно все героини книги вспоминают годы Галактической Войны, когда Земля ради спасения цивилизации вынуждена была разрешить участвовать в боях женщинам. Не следует думать, что женщины и девушки будущего беззащитны — отнюдь, но распространенная сейчас практика привлечения их (под маркой «обеспечения равных прав») к участию в массовом убийстве, каковым в любом случае является война, в будущем моей книги показалась бы преступной и страшной.

О возрастной градации

1. **До 5 лет** ребёнок считается полной собственностью родителей.
2. **С 5 лет** у государства появляются на ребёнка права (не обязанности, а именно ПРАВА!) по обучению и воспитанию. Дети дворянства именно с этого возраста воспитываются в лицах.
3. **С 13 лет** ребёнок получает частичные права совершеннолетнего:
 - постоянное ношение личного оружия;
 - личная свобода передвижения в пределах Земли без контроля взрослых (для лицеев с момента выпуска);
 - право участвовать в локальных боевых действиях (для мальчиков).
4. **С 16 лет** приобретаются следующие права:
 - полная свобода передвижения;
 - право голоса при выборе местных властей (для всего населения) и решения глобальных вопросов (для дворянства);
 - свобода от телесных наказаний;
 - возможность завязать брачные узы;
 - для дворянства — ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО (возможность в критических ситуациях распоряжаться жизнями людей, любыми техникой, имуществом и пр., но при условии полной единоличной ответственности за результат своих действий).

Транспортные средства

Космические корабли

Линкор — военный КК с экипажем до двухсот человек и длиной до трехсот метров. Основная задача линкоров — подавление сопротивления врага в космических боях, иногда — орбитальные удары.

Крейсер — военный КК с экипажем до ста человек и длиной до двухсот метров. Основная задача крейсеров — подавление сопротивления врага в космических боях, охрана конвоев и дальние рейды.

Авианосец — военный КК с экипажем до полутора тысяч человек и длиной до километра. Основная задача авианосцев — охрана конвоев и орбитальные удары (посредством истребителей).

Эсминец — военный КК с экипажем до семидесяти человек и длиной до полутораста метров. Основная задача эсминцев — охрана конвоев и орбит обитаемых планет.

Фрегат — военный КК с экипажем до полусотни человек и длиной до ста метров. Основная задача фрегатов — охрана конвоев.

Корвет — военный КК с экипажем до тридцати человек и длиной до семидесяти метров. Основная задача корветов — охрана орбит обитаемых планет.

Истребитель — малоразмерный КК малого радиуса действия, базирующийся на авианосцах и терминалах-базах, с экипажем 2–3 человека. Основная задача истребителей — охрана конвоев (с авианосцев) и орбитальные удары, иногда — атаки КК врага в космических боях.

Рейдер:

а) исследовательский корабль;

б) легкий крейсер с усиленным вооружением.

Лайнер — комфортабельный КК для пассажирских перевозок.

Планетолёт (шаттл) — общее название КК, не использующихся для межзвездных перелетов. Могут быть самого разного назначения.

Планетарный транспорт

Стратолет — самолет, совершающий полеты с выходом в стратосферу.

Экраноплан — общее название большого семейства машин (джипы, электромобили, десантные суда (ДЭК), многое другое) использующих принцип воздушной подушки и оснащенных "вечными двигателями" искусственного вихря. В книге — основное средство передвижения на поверхности планет.

Струнник — основной вид общественного транспорта; поезд,двигающийся со скоростью до 300 км/ч направляющим-тросам, одновременно являющимся передатчиками электроэнергии.

Помимо этого, в описанной выше пространственно-временной реальности существуют по-прежнему «обычные» самолеты, вертолеты, морские суда, пере движение которых, впрочем, основано на работе совершенно иных, чем сейчас, механизмов.

Вооружение (упоминающееся в тексте)

Ручной автоматический плазмомет (РАП)

Личное оружие офицеров и солдат некоторых специальностей. Рассчитано на ведение как одиночного, так и автоматического огня. Комплектуется приставным прикладом-кобурой. В тексте упоминаются модели:

ТБ-98 Тула—Баранников

Вес (кг) 0,8

Длина (мм) 222

Дальность стрельбы, (м) 200

Калибр, (мм) 5

Скорострельность (выстр/мин) 120

Магазин, (зарядов) 30

Энфильд-Лайтнинг (Англо-Саксонская Империя)

Вес (кг) 0,72

Длина (мм) 210

Дальность стрельбы, (м) 200

Калибр, (мм) 4,85

Скорострельность (выстр/мин) 90

Магазин, (зарядов) 24

Ручной полуавтоматическим плазмомет (РПП)

Личное оружие офицеров. Рассчитано на видение только одиночного огня. РПП1 старых моделей широко используются ополченцами и просто частными лицами.

ТМ-94 Тула-Михайлов

Вес (кг) 0,59

Длина (мм) 200

Дальность стрельбы, (м) 70

Калибр, (мм) 4,5

Скорострельность (выстр/мин) 30

Магазин, (зарядов) 20

ТКЗ-70 Тула-Костров-Замятин

Вес (кг) 0,6

Длина (мм) 192

Дальность стрельбы, (м) 50

Калибр, (мм) 4,5

Скорострельность (выстр/мин) 26

Магазин, (зарядов) 18

Индивидуальный автоматический плазмомет (ИАП)

Основное оружие армии. Рассчитано на ведение одиночного и автоматического огня, а так же огня фиксированными очередями. Комплектуется прицелами, подствольными гранатометами и даже штыками разных моделей.

ИжК-88 Ижевск-Коновалов

Вес (кг) 3

Длина (мм) 826

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 140

Магазин, (зарядов) 45

Индивидуальный полуавтоматический плазмомет (ИПП)

Основное оружие некоторых категорий военнослужащих, ополченцев и гражданских лиц.

Рассчитано на ведение только одиночного огня, Комплектуется прицелами, подствольными гранатометами и штыками разных моделей.

ИжС-52 Ижевск-Семёнов

Вес (кг) 2

Длина (мм) 916

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 70

Магазин, (зарядов) 40

ТД-81 Тула-Дроботов

Вес (кг) 2,1

Длина (мм) 904

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 50

Магазин, (зарядов) 30

Групповой автоматический плазмомёт (ГАП)

Аналог пулемета XX века — оружие огневой поддержки на поле боя, рассчитанное да ведение одиночного и автоматического огня. Комплектуется прицелами, сошками, треногой, штоком для монтирования ГАП на технику.

ТЛ/пм-89 Тула-Лебедев повышенной мощности

Вес (кг) 8

Длина (мм) 1106

Дальность стрельбы, (м) видимость

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 200

Магазин, (зарядов) 200

ТК-60 Тула-Киреев

Вес (кг) 6,1

Длина (мм) 1124

Дальность стрельбы, (м) видимость

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 120

Магазин, (зарядов) 100

Электромагнитная винтовка (ЭМВ)

Оружие для особо точной стрельбы на большие дальности и борьбы с техникой, защищенной энергоэкранами, аналог ПТР и снайперских винтовок XX века, принцип действия которой основан на электромагнитном ускорении

"Булат"

Скорость пули 3000 м/с

Вес (кг) 6

Длина (мм) 1096

Дальность стрельбы, (м) 2500

Калибр, (мм) 20

Скорострельность (выстр/мин) 15

Магазин, (зарядов) 15

Полуавтоматический гранатомет

Оружие огневой поддержки на поле боя, рассчитанное на ведение одиночного огня. Принцип действия — пневматический. Комплектуется приделом. Гранаты имеют разнообразное снаряжение боевой части.

"Бич"

Скорость гранаты 100 м/с

Вес (кг) 4

Длина (мм) 700

Дальность стрельбы, (м) 500

Калибр, (мм) 25

Скорострельность (выстр/мин) 36

Магазин, (зарядов) 12

Автоматический гранатомет

Практически аналог АГС-ов XX века за исключением принципа действия — электромагнитного ускорения. Модели в тексте не упоминаются.

Реактивная граната

Практически аналог одноразовых РПГ XX века за исключением разнообразного снаряжения боевой части, и принципа действия — использования жидкого метательного вещества. Модели в тексте не упоминаются.

Подствольный гранатомет

Практически аналог подствольных гранатометов XX века.

Печка (помповый)

Вес (кг) 0,2

Длина (мм) 256

Дальность стрельбы, (м) 400

Калибр, (мм) 15

Скорострельность (выстр/мин) 15

Магазин, (зарядов) 5

Пищаль (одноразрядный)

Вес (кг) 0,12

Длина (мм) 231

Дальность стрельбы, (м) 300

Калибр, (мм) 30

Скорострельность (выстр/мин) 8

Магазин, (зарядов) — Ротор

Картечица

Общее название разнокалиберного оружия с вращающимся блоком стволов, принцип действия которого основан на электромагнитном ускорении. Образцы разнятся — от ручных до монтирующихся на технике. Ведет огонь высокоскоростной картечью.

Метла (4 ствола)

Скорость картечи 2000 м/с

Вес (кг) 7

Длина (мм) 994

Дальность стрельбы, (м) 1500

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 2000

Магазин, (зарядов) 120 (по 6 6-мм картечин)

Охотничий дробовик

Действующее на жидких метательных веществах полуавтоматическое охотничье оружие, использующее пули, картечь или дробь в зависимости от снаряжения патрон, используется чаще всего промысловиками-охотниками. Модели в тексте не упоминаются.

Кластерник

Карманный пистолет, стреляющий маленькими дисками при помощи механического взвода мощной пружины при нажатиях на курок. Модели в тексте не упоминаются.

Ракета

В контексте произведения — предназначенное для борьбы с вражеской техникой и полевыми укреплениями оружие, запускаемое с легкой наплечной установки. Имеет различное снаряжение боеголовки и блок искусственного интеллекта для самонаведения. Модели в тексте не упоминаются.

Киберстрелок

Небольшая шагающая платформа, управляемая искусственным интеллектом и оснащаемая различными видами оружия. Предназначена для поддержки пехоты в бою. Модели в тексте не упоминаются

Космические корабли и некоторая другая техника русской империи

Универсальный поисковый корабль ООСЕИВК типа "Кутузов".

Класс: универсальный боевой корабль

Длина: 80 м,

ширина: 50 м,

высота корпуса: 20 м.

Вес: не опубликован

Экипаж: от 3 человек

Двигатели: три двигателя свертки пространства, пригодные для полета в атмосфере в режиме антигравитации.

Защита: силовой щит, вероятностный щит, времяинверсное поле.

Вооружение: импульсный лазер 100МДж, до 20 выстрелов по разным целям в секунду, излучатель искажений мерности пространства.

Автономность: 300 человеко/суток в стандартной комплектации.

Корабль разработан в 30-х годах ГЭ, его необычное по конструкции вооружение делает его серьезным противником для целых эскадр вражеских кораблей. Высокая точность наведения управления двигателями позволяет этому кораблю выходить в обычное пространство не только в открытом космосе, но и внутри больших помещений других кораблей или в атмосфере планет, что применимо для высадки десантов, захвата вражеских военачальников, миссий спасения и других специальных операций.

Точных данных по количеству построенных кораблей нет, но вероятно, что их очень немного, так как стоимость постройки из-за сложности конструкции чрезвычайно велика.

Надо заметить, что низкая автономность этого класса кораблей не имеет большого значения, так как использование резонансного эффекта свертки обеспечивает даже межгалактические полеты в течение нескольких часов по бортовому времени.

Форма корабля в виде вытянутого треугольника с закругленными углами облегчает его маскировку после посадки.

Тяжелый танк ТТ-9 "Витязь"

Класс: тяжелый танк

Производился: 9-32 год Галактической Эры.

Вес: 92 тонны

Экипаж: 4 человека.

Бронирование: титановый сплав, нейтрализующий экран маскировки (общепринятая система, создающая экран, блокирующий действие радаров и инфракрасных детекторов).

Двигатель: термоядерный микрореактор.

Вооружение: 1 x 175-миллиметровое автоматическое электромагнитное орудие, 100 снарядов, 2 x 6-ствольные турельные плазмометы.

Скорость: 50 километров в час.

Автономность: в кислородной атмосфере — не ограничена, в бескислородной — 100 часов.

Последний танк, принятый на вооружение Империи. Проектирование машины началось в 4 году Галактической Эры, как средство замены огромного парка устаревших танков — Т-90 и Т-11 — состоявших на вооружении после Первой Галактической войны.

С самого начала проектирование этой машины шло под ощущением ее полной ненужности ввиду полного господства Имперского космофлота. Танк создавался на Минском танковом заводе, и разработка его шла медленно. Только в 9 году ГЭ первый образец танка покинул заводские стапеля.

Создание танка велось в рамках программы по созданию машины, способной вести боевые действия как на Земле, так и на поверхности Лун, поэтому с самого начала танк проектировался герметичным, способным поддерживать двойной комплект экипажа. Использование термоядерного реактора сделало танк неограниченно автономным на Земле и позволило установить мощное 175-миллиметровое электромагнитное автоматическое орудие, стреляющее самонаводящимися снарядами.

Предполагалось произвести более 150.000 таких машин, но фактическая ликвидация угрозы со стороны инопланетных рас привела к тому, что военные утратили интерес к машине. В результате, Имперскими танковыми заводами было построено 10.000 таких машин. Более 9.000 из них были направлены в колонии.

После прекращения выпуска танка в 32 году ГЭ, военные Империи объявили, что более не рассматривают проекты гусеничной техники. Тем не менее, танки ТТ-9 до сих пор состоят на вооружении планетарных оборонительных сил, наводя животный ужас на туземцев.

Крейсер "Пластун".

Класс: тяжелый крейсер.

Длина: 327 метров.

Ширина: 98 метров.

Высота: 101 метр.

Вес: 104.000 тонн.

Экипаж: 108 человек.

Защита: силовой щит емкостью 18 гигаджоулей.

Двигатели: 5 х маршевые термоядерные, 1 х двигатель свертки пространства.

Вооружение:

- 2 х 2 тяжелых плазменных орудия,
- 4 х 1 тяжелое электромагнитное орудие,
- 8 х роторные плазмометы ПРО,
- 8 х установки тяжелых ракет,
- 2 х 4 установки зенитных ракет

Автономность: 15 месяцев

Ангар: 20 истребителей или 8 штурмовых челноков.

Первый массовый тяжелый космический корабль Русской Империи. Большая часть этих крейсеров была построена в 86-121 годах Имперской Эры, тем самым проявив завидное долголетие. Они создавались как ответ на линейные корабли Англосаксонской империи класса «Хенгист» и составили основу сил Имперских ВКС.

В основу крейсера был положен приоритет артиллерийского вооружения над ракетным. Но в отличие от Англосаксонской, Русская Империя рассматривала эти корабли одновременно и как носители тяжелого ракетного вооружения, установив на них 8 перезаряжающихся пусковых установок. Тяжелые ракеты «Рапира» представляли собой немалую опасность для других кораблей, хотя из-за исключительно оптического наведения их эффективность была сомнительна. Но ВКС планировало применять эти ракеты для разгрома линейных флотов Англосаксонской Империи, используя атомные боеголовки.

Первоначально на крейсерах базировались легкие космические истребители. Но приемлемый тяжелый штурмовик так и не был создан, поэтому в Первой Галактической войне корабли были модернизированы для несения вместо истребителей 8 штурмовых челноков.

Но в целом, боевая эффективность крейсеров осталась сомнительной. Появление аннигиляционного орудия потребовало постройки корабля, способного их нести. Крейсер не имел потенциала модернизации, из-за очень «плотной» схемы с массивными реакторами. В результате, эти корабли были сняты с вооружения. Большая часть крейсеров — более 40 кораблей — законсервированы в доках на территории Лунной Базы Имперских ВКС, и лишь несколько кораблей находятся на вооружении колоний.

Линкор "Слава".

Класс: линкор

Длина: 410 метров.

Ширина: 140 метров.

Высота: 150 метров.

Вес: 394.000 тонн.

Экипаж: 238 человек.

Защита: силовой щит емкостью 320 гигаджоулей.

Двигатели:

- 9 х маршевые термоядерные,
- 2 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

- 7 х 2 тяжелых аннигиляционных орудий,
- 12 х 2 тяжелых роторных плазмометов системы ПРО,
- 1 х 4 тяжелые ракетные установки,
- 2 х 4 зенитные ракетные установки.

Автономность: 18 месяцев.

Ангар: 1 атмосферный челнок, 10 истребителей.

Линкор создавался как первый корабль Империи, способный нести тяжелые аннигиляционные орудия, огневая мощь которых позволяла поражать корабли противника с огромной эффективностью. Совершенствование систем нейтрализации и улучшение тяжелой артиллерии окончательно положили конец ракетным перестрелкам на большой дистанции — теперь корабли могли обнаруживать друг друга только оптически. Возрождение артиллерийских перестрелок, и огромная разрушительная мощь аннигиляционных орудий линкоров Чужих требовала корабля, способного эффективно противостоять объединенному флоту инопланетных рас.

Первый линкор класса «Слава» был построен в 40 году ГЭ. Он целиком отражал особенности современной тактики и дизайна, во многом заимствованного от «Императора» — массивные, громоздкие надстройки гиганта, высокая рулевая рубка напоминали о линкорах прошлого, сходящихся в артиллерийских баталиях.

С самого начала «Слава» планировалась как лидер соединений и флагман. Ее системы управления были очень развиты. Как и все корабли Империи, линкор нес тяжелые ракеты. В имперской тактике они занимали немаловажное место как планетарное оружие возмездия.

Линкоры «Слава» представляли собой более чем достойный ответ на линкоры Чужих, но их стоимость полностью блокировала массовое производство. В результате, постройка этих кораблей была прекращена в пользу линкоров «Победа». Всего на вооружении ВКС состоит 4 "Славы".

Малый линкор "Победа".

Класс: малый линкор.

Длина: 300 метров.

Ширина: 110 метров.

Высота: 82 метра.

Вес: 112.000 тонн.

Экипаж: 198 человек.

Защита: силовой щит емкостью 32 гигаджоуля.

Двигатели:

— 5 х маршевые термоядерные,

— 4 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

— 1 х 1 тяжелое аннигиляционное орудие,

— 4 х 2 легких аннигиляционных орудия,

— 14 х 2 тяжелых роторных плазмометов системы ПРО,

— 2 х 4 тяжелые ракетные установки.

Автономность: 18 месяцев.

Ангар: 1 атмосферный челнок, 4 истребителя.

Из-за колоссальной стоимости линкоров класса «Слава», Имперский Генеральный Штаб начал разработку нового корабля, стоимость которого не превышала бы 40 % их стоимости, но который имел бы сопоставимую огневую мощь. «Слава» еще находилась на стапелях, когда началось проектирование малого линкора "Победа".

Новый корабль стал основным линкором Имперского Флота. «Победа» была меньше «Славы», но зато значительно быстрее. Малые размеры корабля не позволили установить на нем мощные защитные поля, но его артиллерийская мощь впечатляла — «Победы» могли противостоять огромным линкорам фоморов. Хотя огневая мощь «Победы» была в основном артиллерийской, корабль получил мощное ракетное вооружение.

Авиация линкора состояла из 4 истребителей «Буран». Так как Первая Галактическая показала необходимость усиления оборонительного вооружения из-за угрозы атаки ракетами с больших дистанций, корабль получил дополнительное зенитное вооружение. Всего Имперский Флот имеет 47 линкоров класса "Победа".

Транспортный корабль "Урал".

Класс: транспортный корабль.

Длина: 201 метр.

Ширина: 180 метров.

Высота: 98 метров.

Вес: 89.000 тонн.

Экипаж: 20 человек.

Защита: силовой щит емкостью 10 гигаджоулей.

Двигатели:

— 5 х маршевые термоядерные,

— 4 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

— 4 х тяжелые роторные плазмометы системы ПРО,

— 1 х 8 зенитные ракетные установки.

Ангар:

— 1 атмосферный челнок,

— до 8 истребителей (в варианте авианосца).

"Урал" создавался как корабль снабжения, способный обслуживать в открытом Космосе крейсера ВКС — доставлять топливо, оружие и истребители. Этот корабль был построен для придания автономности эскадрам и составил основу сил снабжения Имперских ВКС. Его полная нагрузка составляла 40.000 тонн, которые он мог передать любому военному кораблю. Всего было построено более 100 транспортов.

Собственное вооружение корабля оборонительное. Предполагалось его применение только как эскадренного транспорта, но после переоборудования грузового трюма в ангар он сам мог использовать перевозимые истребители.

Штурмовые мониторы типа "Вулкан".

Масса 60 000 тонн. Скорость в обычном пространстве: 10 км/с (больше ему и не надо).

Штатное вооружение: 50 ракет «Рапира» с разделяющейся 10-головой ЯБЧ, по 100 кт на каждую «голову», масса ракеты 100 тонн, скорость 50 км/с, скорость маневрирующей боеголовки 1 км/с. Часть боеголовок является рентгеновскими лазерами. До 100 орбитальных 10-тонных бомб как с обычной, так и с ЯБЧ (двигатель схода с орбиты в комплекте). 10 импульсных лазеров мощностью 1 ГВт, 50 скорострельных лазеров мощностью 10 МВт.

Экипаж: 60 человек.

Предназначен для прорыва вражеской ПКО и планетарной бомбардировки. Может выполнять функции корабля ПРО в составе эскадры.

В строю имеется 40 мониторов.

Рейдеры типа "Алтай".

40 000 тонн, скорость 2000 км/с.

Штатное вооружение: 10 ракет «Рапира», 10 орбитальных бомб, лазерное вооружение идентично "Вулкану".

Экипаж: 40 человек, призовой взвод в 50 человек.

Предназначен для рейдовых действий и захвата кораблей противника.

В строю имеется 64 штуки.

Эсминцы типа "Пионер".

20 000 тонн, скорость 500 км/с.

Вооружение: лазеры 5 х 1 ГВт, 30 х 10 МВт.

Экипаж 20 человек.

Предназначен для рейдовых и разведывательных действий против слабо защищенных объектов.

В строю 193 единиц.

Кроме того, Империя имеет около тысячи транспортных кораблей разных серий, в том числе и весьма старые, но все еще вполне пригодные к употреблению. Оборона планет основана на автоматических орбитальных платформах и ракетах планетарного базирования.

Комментарии

1

Песня не дикая, не заунывная и уж точно не английская — эта романтическая и печальная баллада написана к советскому фильму «Остров сокровищ» 1971 г. и называется «Баллада о бедном Томе» (музыка А.Рыбникова на слова Ю.Кима). Сильная вещь! Впрочем, убедитесь сами. (Прим. редактора).

Ссылка на полный текст: [_http://www.songkino.ru/songs/ost_sokr71.html#0](http://www.songkino.ru/songs/ost_sokr71.html#0)

Ссылка на аудиофайл: [_http://pesnivfilme.narod.ru/ostrov71/ostrov71.html](http://pesnivfilme.narod.ru/ostrov71/ostrov71.html)